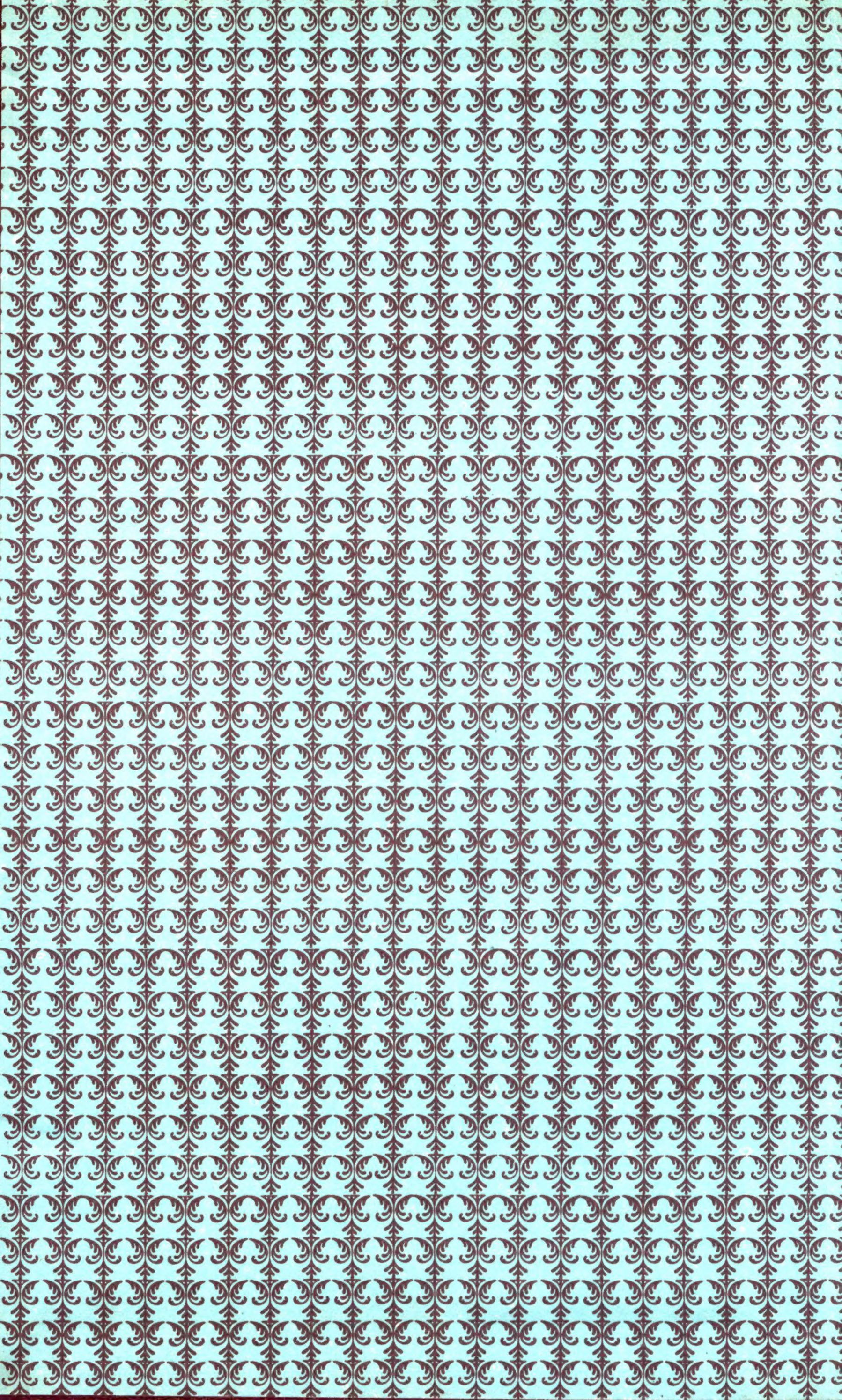
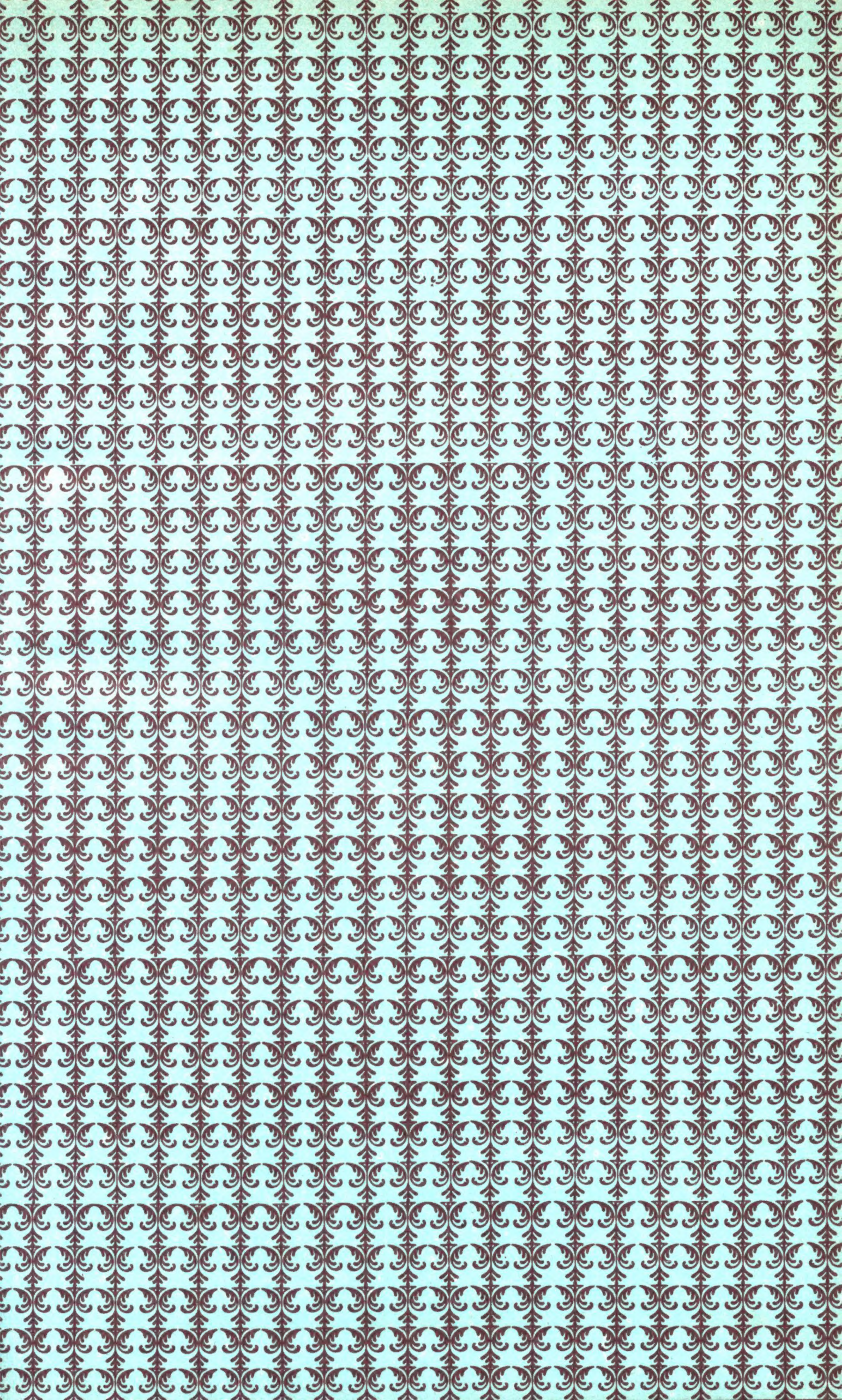
НОВИНКИ «СОВРЕМЕННИКА»

Николай Иванов

НОВИНКИ «СОВРЕМЕННИКА»

Николай
Иванов

Рассветы Саура

ПОВЕСТИ

Москва
«Современник»
1987

Оформление *А. Белослудцева*
Иллюстрации *Г. Животов*

Рецензент
В. ВЕРСТАКОВ

Иванов Н. Ф.

И20 Рассветы Саура: Повести. — М.: Современник, 1987. — 240 с. — (Новинки «Современника»).

В книгу молодого прозаика Николая Иванова вошли повести, написанные очевидцем и участником сложных событий, происходящих в последние годы в Афганистане.

Все повести — о силе братства по оружию, о борьбе за равенство и справедливость, о верном служении советских воинов интернациональному долгу.

И $\frac{4702010200-143}{М106(03)-87}$ КБ—7—43—87

ББК84Р7
Р2

Считается, что о писателях говорят их книги. Читая повести Николая Иванова, по четкости изложения событий, краткости языковых характеристик героев видишь: писал их офицер. По многочисленным сравнениям, знанию обстановки и местных обычаев, по тщательному описанию быта наших воинов у служивших в Афганистане не возникает сомнений: автор летал в ДРА не в командировки, он жил там долгие месяцы. И, наконец, по достоверности описания боев понимаешь: Николай Иванов сам участвовал в боевых действиях.

И тем более было приятно узнать, что военный журналист офицер-десантник Николай Иванов около полутора лет в самом деле служил в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане, награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

Автору не нужно было выдумывать своих героев. В капитане Цветове и лейтенанте Мартьянове из «Рассветов Саура», в молодых офицерах Спирине, Трунине, Воронове из других повестей я узнаю своих боевых товарищей. Да, обстановка порой выводила нас на острие событий. И многочисленные примеры отваги, мужества подтверждают: советские воины с честью выполняют свой интернациональный долг в Афганистане. Порой даже ценой собственной жизни. У офицеров и солдат, которые служат там, исчезают из лексикона слова «мое» и «чужое». Боль — общая со страной, разоряемой душманами. Победа над ними — одна на всех. В этом сила и непобедимость Саурской революции. И повести Николая Иванова еще и еще раз подчеркивают это.

Герои Иванова — в основном молодые офицеры, на два-три года старше своих подчиненных. Но на их плечи ложится такая ответственность, что, читая повести, порой боишься за них: справятся ли? Тем более что автор не упрощает для них ситуации, он ставит все новые и новые проблемы перед молодыми командирами, заставляя характер раскрыться в полной мере. Как правило, герои повестей мало говорят, а больше действуют. И оттого им веришь, на них надеешься.

События в Афганистане — это не просто события в соседней, дружественной нам стране. С вводом ограниченного контингента наших войск на территорию республики они стали историей и нашей Родины. Повести Николая Иванова, выходящие в издательстве «Современник»,— ее чистые, правдивые страницы.

Герой Советского Союза майор
Василий Пименов

ГРОЗА НАД ГИНДУКУШЕМ

* * *

Кабул, 28 декабря (ТАСС). *Кабульское радио передало сегодня заявление правительства Демократической Республики Афганистан. В нем говорится:*

Правительство ДРА, принимая во внимание продолжающиеся и расширяющиеся вмешательство и провокации внешних врагов Афганистана и с целью защиты завоеваний Апрельской революции, территориальной целостности, национальной независимости и поддержания мира и безопасности, основываясь на Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 г., обратилось к СССР с настоятельной просьбой об оказании срочной политической, моральной, экономической помощи, включая военную помощь.

Правительство Советского Союза удовлетворило просьбу афганской стороны.

1979 г.

Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Демократической Республикой Афганистан.

Статья 4

Высокие Договаривающиеся Стороны, действуя в духе дружбы и добрососедства, а также Устава ООН, будут консультироваться и с согласия обеих сторон предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих сторон.

В интересах укрепления обороноспособности Высоких Договаривающихся Сторон они будут продолжать развивать сотрудничество в военной области на основе заключаемых между ними соответствующих соглашений.

5 декабря 1978 г.

Устав Организации Объединенных Наций

Статья 51

Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную и коллективную самооборону...

1949 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В 18 километрах севернее Пешавара создан лагерь афганских беженцев Адезай.

Из сообщения разведчика

Вдоль покосившихся, трижды перелатанных палаток лагеря афганских беженцев бродил человек. Несколько раз он пристраивался на корточках где-нибудь за палаткой, но поднимавшееся в зенит солнце опаляло своими лучами и это место, и человек вновь начинал неприкаянно бродить по лагерю. Ему нестерпимо хотелось пить, но он не нашел здесь ни колодца, ни арыка,— видимо, вода была привозная. Редкие жители лагеря, к которым он пытался обратиться, проходили мимо, не останавливаясь.

И только Гандж Али, случайно увидев новичка, долго наблюдал за ним из-за палаток, пока окончательно не убедился, что это Абдульмашук. Неухоженная черная борода, поношенная одежда, усталый взгляд, сгорбленная тень, ползущая вслед за ним по раскаленной гальке,— неужели это и все, что осталось от веселого и подвижного тридцатилетнего дуканщика Абдульмашука Абдужалиля?

«А может, и я не лучше?» — подумал Али.

Новичок, побродив по словно вымершему лагерю, присел у одной из палаток.

Али неслышно подошел сзади, негромко, полувопросительно окликнул:

— Абдульмашук?

Тому словно положили на плечи мешок муки: он согнулся от вопроса, застыл в этом неудобном положении, боясь пошевелиться.

— Салам алейкум, Абдульмашук. Это я, Гандж Али,— поспешил добавить Али, чтобы снять напряжение с друга и соседа по торговому ряду.

Тот наконец обернулся, и первое, что увидел Али,— его глаза. В них затаилось все — напряженность, страх, отчаяние, опустошенность, и лишь по мере узнавания земляка они немного потеплели.

По народному афганскому обычаю троекратно приложились щекой к щеке.

— Алейкум салам, Али. Я уж думал, что не встречу больше на этой земле ни одной родной души.

— Погоди, ты голоден?

Абдульмашук горько усмехнулся, и Али вытащил бережно завернутую в платок лепешку, протянул другу. Тот нетерпеливо облизал губы, сглотнул голодную слюну, но сдержался: с достоинством отломил кусочек, начал жевать. Али провел его в тень своей палатки, вынес воды и теперь молча смотрел, как утоляет жажду и голод друг.

Заметив его взгляд, Абдульмашук виновато и смущенно улыбнулся:

— Спасибо, брат, я просто долго ничего не ел. Ты давно здесь?

— С февраля 1980 года. А ты откуда? Как оказался здесь, я ведь тебя раньше не видел?

Абдульмашук замер, потом тщательно завернул в платок остатки лепешки, опустил голову:

— Не спрашивай, Али. Видно, не замолить и на Коране мне своих грехов. Ты еще не был т а м? — Он поднял взгляд и через колючую проволоку ограды посмотрел на далекие горы с покачивающимися от марева хребтами. Там была родина — Афганистан.

— Еще нет, я долго болел. Но, кажется, скоро и за меня примутся. Добровольцев идти туда становится все меньше, вот и устанавливают очередь, как за водой. Говорят, скоро моя. Только вот с кем пойду, еще не знаю. Меня и в ИПА, и в ИОА, и в ДИРа[1] — каждый вербов-

[1] Контрреволюционные организации.

щик записывает в свою партию. А я даже не знаю, чем они отличаются друг от друга.

— Ничем,— вдруг встрепенулся Абдульмашук, схватил за руку друга, сжал ее.— Ничем не отличаются, все идут убивать. А ты не ходи, заклинаю аллахом, не ходи туда с оружием. Иначе проклянешь себя так же, как я,— добавил он уже тихо.

— Так ты оттуда? — обрадовался Али.— Из Афганистана? Ну, говори, как там?

Больше всего Али хотел услышать о женском лицее в Кабуле. Последние отряды, вернувшиеся из столицы, рассказывали, что в лицее отравили воду, пищу, у входа взорвали химическую гранату. Даже принесли списки, кто уже скончался в больницах. Али, первый день вставший на ноги после болезни, страшась, заглянул в листок и сразу же увидел имя Фазилы — оно значилось первым. Больше он ничего не помнил. Горячка опять свалила его на долгое время. И вот теперь, оправившись после болезни, он пытался узнать: померещилось это ему или было на самом деле?

И сейчас Али, чувствуя, как давит на виски кровь, желал только одного — опровержения той страшной вести. Но он сдержал себя: мужчине не пристало интересоваться женщиной, пусть даже и невестой. Хотя ему не терпелось узнать все подробности о лицее, он лишь повторил:

— Как поживает Кабул?

— Что можно увидеть, если думаешь только о том, как не попасть в ХАД или царандой?[1] — махнул рукой Абдульмашук.— А так — жизнь идет, дуканы работают, наш Зеленый ряд процветает, дети бегают...

Он замолчал, видимо вспоминая недавние картины жизни родного города. Тень от палатки совсем укоротилась, и друзья сели плотнее друг к другу, прижались к горячей прорезиненной ткани жилища. Потом Абдульмашук, оглядевшись по сторонам, вытащил из складок одежды измятый листок бумаги, молча протянул его Али. Тот быстро пробежал глазами текст:

«Указ о помиловании.

Во имя аллаха милосердного и милостивого!

Соотечественники! Правительство Демократической Республики Афганистан, с глубоким пониманием изучив положение в стране, утвердило Указ о помиловании тех лиц,

[1] Органы государственной безопасности и милиция.

которые по своей и против своей воли борются против завоеваний Апрельской революции.

Согласно Указу о помиловании все лица, которые добровольно, бросив оружие, сдадутся органам власти, будут помилованы. К тому же лица, которые до сдачи работали в государственных учреждениях, смогут продолжить свою трудовую деятельность там же.

Соотечественники! Правительство поручило губернаторствам, правительственным и партийным органам, воинским частям ведение переговоров с пожелавшими вернуться на родину, к мирному труду, счастливой жизни.

Соотечественники! Наше революционное правительство еще раз обращается к вам, обманутым, насильно взявшим в руки оружие, борющимся против революции, покончить с братоубийственной войной, не участвовать больше вместе с душманами в их преступлениях.

Аллах призывает вас к этому!»

Али почувствовал, как тяжело дышит над ухом Абдульмашук, вместе с ним перечитывающий листовку.

— Что же тогда ты... не остался... там? — кивнул Али на горы.— Зачем же ты вернулся?

Абдульмашук бережно сложил по старым сгибам листок, спрятал в одежде. Задумавшись над вопросом, устало лег лбом на подставленные ладони. Рядом с его избитыми сандалиями зеленела верблюжья колючка. Он нежно потрогал ее пока еще мягкий ствол:

— Скоро зацветет. А для чего? Зачем ей цвести, все равно ведь выгорит.— Помолчав, он выпрямился, посмотрел в сторону далеких гор: — Я убежал. Только куда — не знаю. И можно ли убежать, если повсюду хватают и спрашивают, почему не веду священную войну против неверных с Севера. Наш лагерь всего в полночи пути на юг. Когда меня записали в банду — так называемый партизанский отряд — и отправили в Афганистан, еще жива была мама. Она тоже была в лагере и оставалась как бы заложницей, так что я должен был вернуться... Четыре месяца меня не было, а когда вернулись, она уже смотрела на Мекку[1]... Говорят, в последние часы она была без памяти, а все звала меня.

Руки Абдульмашука начали подрагивать, он сцепил пальцы.

---

[1] Могилы в Афганистане отрывают строго с севера на юг. Умершего кладут на бок, лицом на запад, где находится святое для мусульман место — Мекка.

— Это сейчас меня здесь ничего не держит. Только и там, где я оставил кровь, уже никто не ждет. Нет мне прощения, и ищет самого смерть.— Он судорожно, словно от холода, передернулся, сжал руками голову: — Понимаешь, мы их отравили. Рассказывают, многие совсем еще были девочки... Отравили только за то, что они хотели учиться. Ты понимаешь? — Он повернулся к Али и вдруг отпрянул.

— Так это ты,— прошипел Али и потянулся к Абдульмашуку трясущимися руками.— Это ты... ты убил Фазилу?

— Что с тобой, брат? Какую Фазилу? — испугался Абдульмашук, чувствуя, как рука Али сжала ему запястье, и стараясь увернуться от его безумного взгляда.

— Так это ты отравил девушек в лицее? Будь тогда проклят, убийца! — Боль за Фазилу, только чуть-чуть успокоенная временем, прорвалась с новой силой, заполнила Ганджа Али всего, до последней клеточки. Черное бородатое лицо Абдульмашука стало расплываться, отдаляться, и Али, теряя опору, откинулся на палатку, прикрыл глаза. В темноте сомкнутых век замельтешили белые шарики. Потом неясно стало проступать уже забываемое лицо Фазилы, и Али напрягся, стремясь уловить образ любимой. Но шарики запрыгали быстрее, и за их сеткой лицо девушки исчезло совсем.

Али слышал, как встал Абдульмашук, медленно начал удаляться. Единственным желанием Али было тихо сидеть, не возвращаться из этого белого, мельтешащего, но покойного мира...

И вдруг рядом глухо хлопнул выстрел.

Али с трудом раскрыл глаза и сразу увидел около колючей лагерной ограды лежащего на боку Абдульмашука. Из палаток на выстрел вышло несколько человек, начали сбегаться дети, но к упавшему никто не подходил...

Уже который год страх и непонимание происходящего бродили между этими палатками. Афганские беженцы забывали о традиционном гостеприимстве, о помощи ближнему. За эти годы большинство семей осталось без кормильцев — не все мужчины возвращались в лагерь после вылазки на территорию республики, и это страшило людей больше всего. Кальдары и афгани[1], выданные какими-то людьми «за погибших за свободный Афганистан героев», таяли быстро. Умирали от голода и болезней дети.

[1] Пакистанские и афганские деньги.

Разрывающиеся от горя и забот женщины не знали, что делать. Здесь, в лагерях, афганские женщины, прежде соблюдавшие честь свою, становились проститутками, чтобы накормить детей.

Уже давно должны были расколоться небо и провалиться горы за эти преступления, освободив заодно людей от дальнейших мук, но вставало каждое утро и жгло землю солнце, дети вновь просили есть, пить, и никуда не исчезала за ночь колючая проволока вокруг лагеря...

Почувствовав на своем лице дыхание, Абдульмашук с трудом приоткрыл глаза, долго всматривался в склонившегося над ним человека.

— Ты, Али?..

— Я. Зачем ты так, Абдульмашук? Прости меня.

— Я убийца, Али... Ты прости. Возвращайся... и не убивай...

Пелена в глазах стала темнеть, и Абдульмашук последним проблеском сознания успел уловить, что он сейчас будет куда-то проваливаться. Он хотел ухватиться за что-нибудь руками, но сил поднять их уже не было. Из ладони выскользнул на землю небольшой итальянский пистолет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

> Во всех лагерях идет усиленная вербовка для заброски банд на территорию республики. По предварительным данным, многие банды нацелены на северные провинции.
>
> *Из сообщения разведчика*

Али забрали через три дня. В палатку заглянул незнакомый парень, выкрикнул его фамилию и кивнул на выход.

— Партия «Движение исламской революции» доверяет тебе, Гандж Али, встать под знамя священной борьбы за ислам.— Парень был одного возраста с Али, но смотрел и говорил высокомерно и даже презрительно.— В случае гибели или увечья семье будут назначены пенсия и единовременное пособие, а в нашей печати и специальных листовках будут описаны подвиги погибшего или пострадавшего. Пока дойду до машины, ты должен собраться.

Не оглядываясь, он пошел к пыльному джипу у ворот, и Али поспешил юркнуть в палатку. Не отвечая на вопросительные взгляды жильцов, свернул в одеяло пожитки. Презирая себя, бегом направился к вербовщику, взявшемуся за дверцу кабины.

Через полчаса они были в другом лагере — с часовыми вдоль всей ограды. Пожилой, с седыми усами мужчина, к которому подвели Али, тоже был немногословен. Не отрываясь от журнала, он медленно проговорил:

— Будешь пока в группе новоприбывших. Уход за больными, заготовка дров, всевозможные работы — твое дело. Отличишься — перейдешь в саперную группу или боевую. Деньги тоже будешь иметь от боевой активности.

Не успел Али осмотреться в новой палатке, а его уже усадили под навес толочь мыло для самодельных гранат. Из-за перегородки несло бензином, и Али, улучив момент, заглянул в щель. Худой старик, подслеповато щурясь, сыпал мыльную крошку в бутылки, заливал их бензином. Готовые бутылки уносили за следующую перегородку, и, что делают дальше с этими гранатами, Али не видел.

Однако не успело солнце заглянуть под навес с другой стороны, к Али быстрым шагом подошел вербовщик, вновь кивнул, подзывая к себе.

— Переходишь в другой отряд, к Делавархану. Я тебя поздравляю.— Он так красноречиво улыбнулся, что от упоминания имени нового главаря у Али пробежал озноб, а под чалмой стало жарко от пота.

Делавархана они нашли в палатке на противоположной стороне лагеря.

— В строй! — коротко бросил он, осмотрев Али.

За палаткой в шеренге уже стояло человек двадцать. Ни на кого не глядя, Али пристроился крайним, опустил голову. Однако из палатки вскоре вышел главарь, и шеренга впилась в него взглядами. Делавархан достал из полевой сумки список, начал выкрикивать фамилии.

— Гандж Али,— назвал наконец главарь его, и Али вышел из строя, стал перед Делаварханом.

Сквозь прищур век тот начал осматривать очередного мятежника. Пауза затягивалась. Али хотелось переступить с ноги на ногу, пошевелить потными, сжатыми в кулак пальцами. Вот этот человек поведет его на родину, будет заставлять убивать, грабить, жечь. Но почему он так долго смотрит? Неужели о чем-то догадывается? А может, ему уже донесли про пистолет и листовку?.. Тогда конец. Бе-

жать, надо бежать прямо сейчас. Но куда, куда? До гор далеко, кругом охрана. Неужели смерть?

— Будешь гранатометчиком,— вновь заговорил Делаврхан.

Али почувствовал, как вместе с облегчением выступил по всему телу пот. Он смахнул его со лба, машинально перевел дыхание.

— И предупреждаю, Али, промахнешься пять раз подряд по цели — расстрел. За оружие заплачены немалые деньги, и мы должны оправдать и их, и пожелания тех, кто нам дает его. Становись в строй.

Делавархан, заложив руки за спину, пружинисто покачивался на носочках: вверх — раз, два — на пятки, вверх— раз, два — на пятки. Он видел страх в глазах Али и сейчас с улыбкой наблюдал, как тот после пережитого волнения неуклюже становится в строй. Так лучше и надежнее. Пусть боятся. Пусть заискивают. Пусть знают, что он сейчас для них — сам аллах. Темнота и забитость людей — лучшие спутники власти и богатства.

Он презирал их всех, стоящих перед ним, хотя через неделю им вместе предстояло идти в «логово к дьяволу». Презирал точно так же, как и всех тех, что были раньше. Он приказывал, повелевал — и они убивали, грабили, жгли себе подобных. Легче всего, конечно, было с первым отрядом, в который он забрал всех мужчин аула перед самым приходом правительственных войск. И эти черви, молящиеся аллаху, земле, воде и ему, Делавархану, до десятого поколения вперед увязшие в долгах, безропотно шли за ним. Это не была образцовая банда в военном отношении, но это были идеальные послушные исполнители. Жаль, что почти все погибли в больших и малых операциях. А эти? Что у них на уме? Нет, пусть чувствуют силу. Пусть дрожат и заискивают.

— Завтра вас примут в штаб-квартире партии.— Делавархан прошелся перед строем.— Советую отвечать коротко: «Иду для уничтожения живой силы и техники противника». Кто не понял?

На его продолговатом лице появилась ухмылка, и, словно смущаясь ее, главарь опустил голову. По опыту знал, что мятежники сейчас все облегченно переведут дыхание, и тогда он злобно бросил припасенное:

— И пусть меня простит аллах. Но я предупреждаю вас. Не вздумайте исчезнуть из отряда. Али!..

Али вздрогнул, он только что представлял, как юркнет в толпу в первом же городе, исчезнет, затеряется в нем и во всей стране. Потом он отыщет сестру, откроет свою лавку — и пусть будут прокляты лагерь, банда, эти два года, принесшие ему столько бед, страданий и унижений. И тут, услышав свое имя, поняв, что попался, он начал перемалывать, прятать где-то внутри себя мысли о побеге.

— И ты, Саид.— Делавархан подошел к еще одному мятежнику, и Али вновь покрылся испариной облегчения.— Вы у меня единственные, у кого здесь, в Пакистане, не остается родных и близких. Остальные вернутся, я уверен. А вас двоих я буду держать под особым контролем. Запомните сразу: при малейшем неповиновении или шаге в сторону...

Делавархан вытащил из кобуры пистолет, погладил вороненую сталь ствола, вновь заботливо опустил его в кожаный футляр.

— У меня пока все. Нам осталось пять дней. С утра начнем заниматься боевой подготовкой. А сейчас продолжайте изучение книги. Саид, это не у вас в центре ее выпускали?

Саид торопливо кивнул: да, у них. Эта книжечка — пылинка из того, что печатает их Мобильный информационный центр, расположенный на северной окраине Пешавара.

— Мы — доноры нашей священной войны за свободный и независимый Афганистан,— поучал своих сотрудников директор центра господин Кари Мохамед Шариф.— Вот ты, Саид, сколько можешь мусолить этот плакат? Убери с него все слова и призывы — народ ведь в основном неграмотный, он должен видеть картину, а не читать, что на ней нарисовано. Ты же художник, Саид, а фантазии у тебя никакой. Какая там у тебя тема? Русские в Афганистане? Ерунда. Смотри: здесь, вверху, рисуем начальника Генерального штаба Народных вооруженных сил республики. Да еще с туловищем свиньи. Вот-вот, именно свиньи и именно потому, что этому поганому животному не место на священной мусульманской земле Афганистана. Уже улавливаешь политику? И пусть он держит на поводках советских солдат, которые идут и стреляют в детей, женщин и стариков. Впрочем, стариков можно и не рисовать, пусть будут женщины и дети. И больше крови на них, не жалей красной краски, нам знамена не рисовать. Вот и

вся картина, а вместе с ней и политика. И не надо ничего объяснять, все видно и понятно. Нами хода[1] нас простит, ибо главная цель нашего центра — поднять народ против неверных. Ты с чем-то не согласен, Саид?

Саид, машинально кивая на слова директора центра, и на этот раз кивнул головой. Кари Шариф нахмурился, но все же справился с собой, натянуто улыбнулся:

— Впрочем, ты прав: художник должен видеть все собственными глазами. Готовься, сходишь с одним из отрядов, пожуешь пыль, если тебе скучно работать в студии. Хочу верить, что винтовку ты будешь держать увереннее, чем кисть. Кто еще хочет на натуру? — Директор обвел взглядом сотрудников центра, и те усердно склонились над картинами, блокнотами, пишущими машинками, гранками оттисков.

Прошла неделя после того разговора, и вот уже он, Саид, стоит в этом лагере и сам держит за спиной винтовку. И читает ту книгу, которую создавали опытные убийцы для убийц начинающих.

— Но я тебя предупредил, художник,— напомнил главарь еще раз Саиду.

Пружинисто шагая в горных ботинках по камням, он ушел к своей палатке.

Али вместе со всеми в изнеможении опустился на землю, раскрыл наугад выданную Делаварханом книжечку «150 вопросов и ответов бойцам партизанских отрядов».

«Этот шариат не для трусливых и низких, он не для похотливых и не для рабов материального богатства. Этот шариат не прислан для тех, которые, как пух, летят с ветром, и не для тех гадов и насекомых, которые с течением воды протекают и скользят, и не для тех бесцветных, которые красят себя любой краской.

А прислан он для тех храбрых львов, которые в состоянии изменить направление ветра, и для тех, которые могут противостоять волнам океана...»

Али не смог уловить смысла в этом витиеватом посвящении, перевернул еще несколько страниц.

Вот здесь все было ясно и понятно:

«Вопрос: Что еще является объектом нападения для нанесения урона врагу?

---

[1] Обращение к богу.

Ответ: Больницы, школы и столовые, у которых бывает мало постов, а персонал не может оказать сильного сопротивления...»

«И лицеи, женские лицеи»,— тут же подсказала память.

На странице стало возникать лицо Фазилы, и Али замер, затаил на полуслове дыхание, призывая видение проясниться или хотя бы не исчезать совсем.

И пелена стала улетучиваться, лицо проясняться. Но когда Али наклонил к нему голову, вместо Фазилы вдруг ухмыльнулся Делавархан с плоскими, без скул, щеками, переходящими сразу в длинную шею, с черным кругом усов и бородки вокруг узкого рта. А за подрагивающими веками — полные ненависти глаза.

Али тряхнул головой, возвращаясь в реальный мир. К ста пятидесяти ответам на один и тот же вопрос: как легче и быстрее убить человека?

Он искоса, исподлобья, короткими взглядами стал изучать людей, с которыми ему указано два-три месяца делать одно дело, жить одной семьей. Станут ли они как братья в предстоящих испытаниях? Сможет ли их сблизить пролитая кровь убитых ими людей? Породнят ли поджоги и отравления? О чем сейчас думают эти настороженные и угрюмые люди?

Али почувствовал острое одиночество. Он вдруг словно со стороны увидел всю банду, исподлобья, как и он, бросавшую друг на друга взгляды, объединенную только тенью от навеса, контрреволюционной книжечкой вопросов и ответов и Делаварханом. И все же по отвернувшимся, спинами к нему сидевшим мятежникам Али почувствовал к себе особую настороженность. Он отыскал взглядом Саида. Художник, которого главарь почему-то выделил особо, был заметно испуган, и бандиты, сидевшие рядом с ним, тоже повернулись к нему спинами. Саид поднял голову, и перекрестившиеся взгляды двух отторгнутых от группы людей сплотили их, высказали друг другу признание за поддержку.

Перед сном, с молчаливого согласия, а вернее, по молчаливому приказу банды Саид перебрался со своим одеялом к Али, и они легли лицом друг к другу. И хотя между ними в этот день не было сказано ни слова, они чувствовали облегчение, позволившее им уснуть среди враждебности и настороженности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

> В связи с участившимися провокациями мятежников на дорогах движение автотранспортных средств вне расположения лагеря в одиночку разрешать только в исключительно крайних случаях...
>
> *Из приказа*

Афганец налетел так неожиданно и с такой силой, что замполит роты лейтенант Алексей Спирин и ротный связист ефрейтор Олег Новичков не успели перебежать от арыка к караван-сараю. Ветер толкнул в спины, сорвал панамы, потащил вперед, вырывая из рук резиновые ведерки с водой. Мгновенно стало темно: мельчайшая бархатная пыль неслась сплошной стеной, и замполит, протянув руку к Новичкову, не увидел своей ладони.

Опустив ведро, Спирин, не дыша и не открывая глаз, отыскал в кармане носовой платок, накрыл им лицо и лег на песок.

«С легким паром»,— грустно усмехнулся он про себя, вспомнив, как только что плескался в воде. Пыль уже хрустела на зубах, ее надувало под куртку. Не мог Алексей до конца и отморгаться — глаза резало, и тогда он через платок надавил пальцами на веки, новой болью перебивая жжение.

Наконец первая ураганная волна афганца начала стихать, и Спирин приподнял голову. Новичков лежал шагах в трех впереди и еще не шевелился. Развалины караван-сарая неясно, но все же вырисовывались сквозь облако пыли.

— Новичков! — окликнул лейтенант.— Новичков, проснитесь и вдохните полные легкие здорового горного воздуха. Давайте сюда, а то когда еще вот так спокойно полежишь посреди Азии.

Связист зашевелился, словно тюлень, повертел головой по сторонам, отполз к лейтенанту.

— А я то ли прикорнул малость, товарищ лейтенант, то ли просто задумался. И сразу дочурка перед глазами...

— Большая уже?

— У меня не семейная жизнь, а цирк на проволоке: я их в четверг из роддома привез, а в субботу уже сапоги в части примерял.

Видя, что лейтенант тоже о чем-то задумался и не спешит вставать, Новичков отцепил от рукава веточку

верблюжьей колючки, достал небольшой перочинный ножичек, срезал шипы.

— А скажи, Олег, по кому больше скучаешь: по жене или дочурке? — спросил Спирин.

— По дочурке,—улыбнулся связист.— Она ведь такая беспомощная. Может, надо и наоборот, может, жена и обидится, если узнает об этом, только перед глазами всегда первой — Надюшка. Я ей здесь имен напридумывал: Надюшка-крикушка, Надюшка-хохотушка, Надена-сластена, Наденька-сладенька... Не, жена точно обидится, ее-то я всегда просто Таней-Танюшей звал. Вот, она подарила,— показал он Спирину ножичек.— На вокзале вдруг схватилась, что подарок мне дома забыла. Туда-сюда, в киоске лишь карты и ножики. А что за подарок готовила, так и не сказала. Говорит, приедешь — отдам. Теперь уже скоро, каких-то полгода осталось.

— Пишут часто?

— Жена у меня молодец. О дочке в каждом письме по две страницы пишет. А еще спрашивает об Афганистане: как и что происходит здесь, за Гиндукушем. Революционные баррикады, пишу, здесь: по одну сторону старое, по другую — новое. И что много людей, у которых эти баррикады проходят по семьям, по сердцам. Словно заново книгу по истории читаешь, только что оценки не выставляют... А вы что, не женаты, товарищ лейтенант? А то вроде и неудобно: подчиненные уже детишками обзавелись, а командир холостякует.

— Успею еще, Олег Анатольевич, женатый человек. Жизнь только начинается. Вернусь вот в Союз — тогда, наверное, точно встречу какую-нибудь глазастую.

Лейтенант сказал эту фразу и сразу же вспомнил прекрасный южный город и свой последний день на Родине перед отлетом в Кабул.

Внутренняя возбужденность перед неизведанным, которой он не позволял все эти дни вырываться наружу и управлять поведением, распирала сердце, требовала хоть какого-то выхода. И хотя он знал, что в Афганистане с ним ничего не случится, что служба на новом месте пойдет нормально, все же где-то глубоко-глубоко, песчинкой в море, сидело «а вдруг»... Он, например, спохватывался и обнаруживал, что стоит, улыбаясь, у фонтана или в задумчивости сидит на скамейке в парке. И такой силой обладало это «а вдруг», что сквозь мужскую убежденность в правильности своих поступков, сквозь офицерскую уве-

ренность в своих военных знаниях, сквозь величайшее чувство долга, которое он вроде особо не воспитывал в себе, и такое же величайшее желание испытать себя там, где наиболее трудно, оно все же подспудно прорывалось в самое сердце и, прежде чем быть подавленным и отброшенным силой воли, успевало взволновать. И именно тогда Алексей замечал, что он как бы впитывает впрок красоту города, старается запомнить все — и трамваи, и продавца морса, и афиши кино. Еще он заметил, что время разделилось на «сегодня» и «завтра», и вместе с минутной стрелкой в часах пространство, отведенное на сегодня, сужается и сужается. Что будет за той стеной, которая зовется «завтра»?

На глаза Алексею попался рекламный щит, призывающий быстро и дешево воспользоваться услугами междугородного телефона-автомата. Он разменял на монеты целых три рубля, отыскал кабину на Киев, сел рядом с девушкой-узбечкой, рассматривающей фотографии каких-то памятников.

Вспомнилась мама с мелкой, частой сеткой морщинок у глаз, с поседевшими за время его учебы в училище висками. Вспомнилась не потому, что он собирался звонить ей. Он понял, что самое страшное из этого «а вдруг» достанется не ему, а ей. И это о ней его тревога и волнение. Сейчас он услышит ее тихий голос и скажет... Впрочем, что он скажет? Где найти слова, чтоб успокоить тревогу матери о детях?

Подошла очередь звонить девушке, она заторопилась, заспешила к кабине, забыв на лавке фотографии. Номер она набирала несколько раз, и Алексей по первым цифрам увидел, что она звонит в его район. Наконец девушка замерла, потом быстро заговорила. Алексей показал ей, что она не нажала кнопку для ответного разговора, но та ничего не поняла, ее миндальные глаза попытались было округлиться от удивления и непонимания. Но потом она радостно закивала головой, нажала кнопку, начала говорить сначала:

— Алло, алло, Валя? Это я, Зарифа. Валя, я насчет фотографий. Спасибо тебе, милая, они чудесные и как раз к выставке. Ой, я их забыла на лавке, погоди.

Зарифа хотела было выбежать из будки, но Алексей приподнял фотографии и показал, что присмотрит за ними.

— Алло, Валюша, милая, Общество охраны памятников в моем лице целует тебя за такой подарок. Я в долгу

перед тобой. Все, Валюша, у меня было только три монетки и я отпросилась всего на десять минут... Что? Говори быстрее...

Девушка даже пристукнула ногой, когда загорелась табличка об окончании переговоров. И тогда Алексей подхватился, протянул ей в кабину целую горсть пятнашек. Девушка машинально выхватила одну монетку, опустила в автомат и только потом испуганно прикрыла ладошкой рот и нерешительно кивнула в знак благодарности. А Алексей вдруг высыпал все монетки в карман ее цветастого сарафана, положил на столик фотографии, дружески подмигнул девушке и направился к окошечку приема телеграмм. Все верно, нельзя ему сегодня звонить маме. Звонок только разбередит ее, вновь напомнит о расставании, и разговор наверняка будет тяжел для обоих. Нельзя, чтобы мать видела сына слабым, тогда она в два раза будет слабее. Ему вспомнились ее слова при расставании.

— А девушка у тебя есть, сынок? — уже в аэропорту, сама смущаясь своего вопроса, спросила мама. И заторопилась, оправдывая и объясняя любопытство: — Ты как-то писал, что после училища можно будет и о свадьбе подумать. Тебя кто ждать еще будет?

Алексей покраснел, хотел отшутиться, но ситуация была не та. Однако что ответить матери? Да, была Лена-Елена, говорили-мечтали с ней и о свадьбе после училища, и о службе, и даже об академии. Но лишь подал Алексей рапорт с просьбой направить его в Афганистан и просьбу пообещали удовлетворить, все стало вверх ногами. А вернее, на свои места.

На следующий день Лена-Елена уехала к бабушке. Родители ее продолжали вежливо улыбаться, но в гости уже не приглашали. Будущее свое многие хотят видеть аж до самой старости. Афганистан этой возможности не дает. Может, это в какой-то мере и хорошо. Отпадают в этом случае между парнями и девчатами громкие слова — остаются одни поступки...

— Но ты-то меня будешь ждать? — с улыбкой спросил Алексей, обнимая мать.

Та все поняла, горько вздохнула. Как, наверное, ей хотелось переживать ожидание вместе с кем-то!..

Алексей подвинул чистый бланк телеграммы.

«Мама, дорогая, все хорошо, особенно здоровье и настроение. Любуюсь югом Родины. Улетаю завтра утром. Целую. Алеша».

Пока он расплачивался за телеграмму, подошла девушка-узбечка, смущенно улыбаясь, протянула в двух кулачках монеты:

— Спасибо, вы очень добры. Я истратила четыре монетки, как мне вернуть их вам?

Миндальные глаза узбечки — вот они, совсем рядом, он даже видит себя в них — смотрели на Алексея с теплотой и признательностью, и где-то там, на задворках сознания, подумал, что хорошо было бы встретиться с девушкой еще раз.

— Вас зовут Зарифа?

Девушка кивнула.

— Это очень трудное дело, Зарифа: вернуть мне монетки. Так что будем считать, что вы их случайно нашли в своем сарафане. А через год, когда буду лететь в отпуск, я отыщу ваше Общество охраны памятников, и, если вы не забудете этот день, мы вместе придем сюда и позвоним в Киев.

Зарифа улыбнулась, чуть наклонила голову:

— Хорошо, только не забудьте и вы заехать. А я завтра же положу в шкатулку монетки. А вы туда? — она неопределенно мотнула головой, но смысл был ясен, и Алексей кивнул.— Удачи вам.

Алексей согласно улыбнулся. Девушка спешила, он видел это и торопливо искал более-менее связную фразу, чтобы запомнилась ей надолго, но не смог ничего придумать. Окончательно смутившись от своей нерасторопности, он только развел руками: простите, мол, что я такой.

— А вас как зовут? — нарушила тогда молчание Зарифа.

— Алексей. Лейтенант Спирин! — обрадовался ее голосу и вопросу Алексей.

— Еще раз спасибо вам, Алексей. До свидания. Ни пуха ни пера там, за Гиндукушем.

— Спасибо. До свидания. К черту...

По кафельному полу переговорного пункта торопливо простучали ее каблучки...

— Товарищ лейтенант,— вывел его из задумчивости голос Новичкова, и Спирин из зеленого города мгновенно перенесся в пыльную долину, на которой он лежал лицом вниз, с набитым песком ртом.

— Товарищ лейтенант! — вновь окликнул связист, видя,

что замполит продолжает смотреть перед собой.— Кажется, афганская колонна на шоссе. Посмотрите.

— Где? Вижу. Одной перебежкой — вперед.

Пока бежали, грузовые афганские машины, звеня всевозможными подвесками, свернули к караван-сараю. Само здание было разрушено, но афганский пост, охранявший развилку дорог, обжил развалины, возвел по углам навесы, и оттуда навстречу колонне вышли люди. Лейтенант узнал двух бришей[1]: афганского— Кадыра и своего — Дмитриева — и побежал, расплескивая остатки воды, быстрее.

— Салам алейкум, командор,— поздоровались сначала с ним, потом с сержантами водители грузовиков: старших афганцы чтят и уважают. Потом уже разом о чем-то заговорили, показывая на БТР, свои машины и дорогу.

— Они спрашивают, когда вы поедете вперед и можно ли ехать с вами,— с готовностью перевел Инклоб, маленький солдат-афганец, неплохо знающий русский язык.

В первые дни службы в ДРА Спирин удивлялся, откуда люди, часто вместо росписи ставившие отпечаток пальца, умеют считать и знают языки. «Мы ведь торговцы,— просто и доходчиво объяснил один из царандоевцев.— Не будем знать язык — не зазовем покупателя, не покажем и не продадим товар. Язык — наши деньги».

Инклоб, правда, практику перевода приобрел во время учебы в Ташкенте, и его помощь в эти сутки общения афганцев и русских была неоценимой.

— Они говорят,— продолжал Инклоб, которому теперь объяснялись водители,— что везут груз в Кабул и что сегодня им надо быть там.

— Так в чем же дело? — удивился Спирин.

— Душман, душман,— закивали водители и принялись вновь объяснять что-то ему.

— Они боятся душманов,— перевел Инклоб.— Говорят, недалеко их уже пытались остановить и они еле уехали. Боятся впереди встречи с ними. А если с шурави[2] — душман не тронет.

— Нис, нис,— подтвердили водители.

— Они говорят, что везут муку на хлебозавод. Если они не успеют к ночи, хлебозавод будет немножко...— Инклоб щелкнул пальцами, подыскивая слова,— пополам, напополам работать не будет, и утром в Кабуле не будет лепешек. Водители очень просят шурави.

---

[1] Сержанты.

[2] Советские.

— Вот теперь ясно. Кадыр, Инклоб, приглашайте гостей пить чай, а я свяжусь с начальством. Новичков, на связь!

Лейтенант был рад продолжить путь, который прервался вчера под вечер из-за неполадок в бронетранспортере. Ноль первый дал команду ремонтироваться и ждать у афганского поста следующую колонну, но через несколько часов «обрадовал»: ожидаемые машины пойдут в Кабул другой дорогой. Оставалось одно — отдыхать, ждать утреннюю колонну, хотя по разговору, вернее, по интонации строго ограниченных для выхода в эфир слов чувствовалось, что и замполит, и люди, и БТР нужны в «хозяйстве».

И вот теперь есть повод просить разрешения двигаться дальше. Всего-то навсего шестьдесят километров...

— Ноль первый, я — Ноль третий. Докладываю обстановку: колонна «зеленых» просит сопровождения в квадрат... Везут муку для хлебозаводов... К движению готов.

Алексей опустил тангенту. Над ухом защелкало, затрещало, потом сквозь шум пробился еле слышимый резкий, отрывистый голос Ноль первого:

— Вас понял. Ждите указаний.

«Значит, сам комбат не против, если не запретил сразу,— обрадовался Спирин, стараясь плотнее прислониться к броне, чтоб хоть немного защититься от пыли. Новичков укрывал рацию своей тельняшкой.— Теперь все зависит от комполка, разрешит ли он. Если нет, то...»

Что тогда он сделает, Спирин не успел додумать: комбат вышел на связь.

— Ноль третий, я — Ноль первый. Сопровождение разрешаю. Высылаю навстречу две «коробочки», встретитесь в квадрате... Будьте осторожны, Ноль третий. Связь — через каждые пять минут. Прием.

— Новичков, на связи. Пр-р-риготовиться к движению! — Складывая на бегу карту, лейтенант, перепрыгивая через кустики верблюжьей колючки, побежал под навес.

Здесь, в Афганистане, наши солдаты, постоянно находясь в моральном и физическом напряжении, часто думают об отдыхе. Но лишь выпадает минута-другая свободного времени, человек теряется. Только работа спасает от тоски по родным, по стакану молока, по запаху сена. Душевное равновесие, как ни странно, здесь находишь только в напряжении.

И этот день невольного отдыха, выпавший на долю

Алексея из-за поломки БТР, будоражил больше, чем любой выход в горы.

Хотя, впрочем, нет, первый выход на задание запомнится Алексею тоже надолго.

В тот день жара стояла страшная: две фляжки, которые Алексей нацепил на ремень, опустели мгновенно. И он украдкой забегал в штабную палатку, где стояли питьевые бачки, наполненные кипяченой водой. Алексей черпал кружкой из бака и, обманывая сам себя, делал два-три больших глотка: авось обойдется.

— С водой здесь надо уметь обращаться, товарищ лейтенант,— глядя на мытарства замполита, сказал мимоходом старшина роты.— Побольше чая вечером на ужине, на завтраке тоже чашки три-четыре. А потом до обеда — ни капли. Начнете пить — не остановитесь. Это все наука.

Совет замполит воспринял, но последняя фраза кольнула. Значит, его еще здесь не воспринимают всерьез! А если он докажет, что не лыком шит! И вообще, про Афганистан в Союзе столько разговоров — что чуть ли не с аэродрома надо идти в бой. А здесь уже почти сутки на территории республики, а войны не видно. Можно весь срок службы отбыть, так и не подняв автомат на защиту республики.

Подогреваемый обидой и боязнью остаться не у дел, Алексей пошел к командиру и настоял пойти на ночь в боевое охранение. На самую дальнюю «точку», вынесенную на вершину горы, подступавшей к лагерю с юга.

Сержанта Дмитриева, командовавшего взводом, появление перед выходом в горы замполита в бронежилете и каске вроде бы совсем не удивило. Он дождался, когда лейтенант станет на левый фланг, цепко оглядел его новенькую экипировку.

— Какой у вас размер обуви, товарищ лейтенант? — неожиданно спросил он.

— Сорок второй.— Спирин оглядел свои ботинки.

— Буркин, сорок второй.

— Есть, товарищ сержант,— отозвался один из десантников. Придерживая локтями подсумки, побежал в сторону палаток.

Пока Дмитриев осматривал других, прибежал Буркин, протянул лейтенанту разношенные, с въевшейся в кожу пылью ботинки.

«Да, чтоб здесь стать для них командиром, одни

погоны на плечах иметь мало,— подумал Спирин, переобуваясь.— Поэтому быстрее, как можно быстрее надо походить и побывать всюду, где бывают и ходят солдаты».

Если бы Алексей знал, как все будет тяжело ему в этот раз, он бы смирил свою гордыню и спокойно проходил акклиматизацию. Так нет же... Воду он выпил, видимо, в первые минуты пути. Вершина, на которой им предстояло нести службу, только со стороны казалась небольшой и пологой. А на деле...

— Вы себя с нами не сравнивайте, товарищ лейтенант,— тихо, чтоб не слышали подчиненные, шептал ему Дмитриев.— Мы сюда через день бегаем, привыкли. А вы только вчера из Союза, мы же понимаем.

Алексей не мог ни поднять глаз, ни что-то ответить. Кажется, он ругался на себя. Приказывал и умолял сделать еще несколько шагов. Проклинал, когда ему подносили фляжку и он не имел сил вначале отказаться от воды, а потом и оторваться от нее. Уловил только несколько раз, как озабоченно бросал взгляд на часы и на солнце сержант: видимо, из-за него взвод поднимался слишком медленно.

Как дошел до вершины — не помнит. Упал среди камней и стал безразличен ко всему: к торопливо уходящим вниз сменщикам, к наступающей ночи, к самому себе.

— Через месяц будете бегать не хуже других, товарищ лейтенант,— услышал Алексей над собой голос сержанта.— Считай, никто, кроме вас, сюда на второй день службы не поднимался. А идти вам бронежилет мешал, он сбивает дыхание.

Сержант сидел на соседнем камне и изредка поглядывал то на замполита, то на устраивающихся в ячейках десантников. Темнело быстро, лагерь уже покрывался темнотой, и Спирин с тревогой посмотрел на обратные скаты горы. Безмолвие. А если «духи»...

— Ложитесь отдыхать, товарищ лейтенант,— кивнул вниз на ложбинку, укрытую валунами, Дмитриев.— Только «броник» под себя, а то камень остывает быстро.

Спирин благодарно улыбнулся сержанту, встал.

— Спасибо, сержант. Объясните-ка лучше мне систему охраны и обороны.

Наверное, с этих слов Спирин стал чувствовать себя вновь офицером. А когда утром вернулся со взводом в роту и, доложив вместе с Дмитриевым о результатах службы, получил разрешение на отдых, осознал: он — в

Афганистане. Он с оружием в руках охранял своих товарищей. И ночь эта была для них спокойной. Пусть он перенервничал, пусть на каждый ночной шорох поднимал автомат — но он был, был на боевом задании, а не спал в чистой постели, как те, кто прилетели в часть вместе с ним и в самом деле проходили акклиматизацию.

А сержант оказался прав: через месяц Спирин и в самом деле всходил на вершину легко и свободно. С тех пор и любовь к «крестному» взводу у лейтенанта особая. И когда развалились подшипники в бронетранспортере у Дмитриева, сам напросился остаться с ним. Однако теперь все сделано, «добро» на движение получено. Вперед, домой.

Лейтенант отряхнулся у порога, пригладил растрепанные афганцем жесткие от пыли волосы. Вошел под навес. Здесь было темно, тесно и бестолково. Дмитриев, пританцовывая и гримасничая от жара костра, пек что-то на сковородке. Механик-водитель Миша Евсеев передавал по кругу тарелку с желтыми оладьями, и афганцы, весело переговариваясь, благодарно кивали, благодарили за угощение.

— Что за изделие, Дмитриев? — удивился лейтенант.

Его увидели, узнали в полутьме, подтолкнули к костру, всунули в руки пиалу с чаем.

Сержант, увлеченный делом, не услышал, и вместо него к замполиту подвинулся Евсеев.

— У водителей нашелся яичный порошок и немного свободной муки. Правда, не было соды, но Дмитриев растер туда несколько таблеток от кашля: говорит, в них есть сода. Развел, замесил, печет,— охотно раскрыл кухню сержанта Евсеев.— Ничего, вроде вкусно, товарищ лейтенант. Вот и горяченькие подоспели. Пробуйте.

— Дмитриев, как бы от такого деликатеса не прихватило...— добавил Спирин.

— Проверено на себе, товарищ лейтенант,— ответил сержант, однако сковородку отставил: — Шабаш, хорошего понемногу.

— Командор, бриш твой хорош.— Сидевший рядом со Спириным пожилой солдат-афганец подбрасывал с ладони на ладонь горячую оладушку, ухитряясь, однако, нетерпеливо откусывать от нее и кивать на сержанта,

— Ну что, товарищ лейтенант, едем? — Незаметно в сутолоке подвинулись к офицеру десантники.

Лейтенант выждал паузу, потом посмотрел на Евсеева:

— Опять в кедах?

— Жмут ботинки, товарищ лейтенант. Вернемся в роту — обменяю и обещаю даже спать в них.

— Спать не надо, а вот форму нарушать не следует. На вас же афганцы смотрят, многое берут в пример.

— Ну, товарищ лейтенант, не тяните, я потом его сам накажу. Что сказал Ноль первый? — тронул офицера Дмитриев.— Едем?

Спирин больше не стал мучить подчиненных, утвердительно кивнул, и десантники, не сдержавшись, прошептали «ура».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДИР — контрреволюционная организация «Движение исламской революции» (Харакят-е энгеляб-е ислами), руководителем которой является Мухаммед Наби. Бандитские группы этой организации отличаются особой жестокостью и грабежами.

Из справки, полученной в ХАДе

На марше старались идти в колонну по два, в шахматном порядке, чтобы не попасть под одну очередь или гранату.

Кроме оружия и снаряжения, Али казалось, что он несет на своих плечах еще и солнце. Оно прожгло ему все нутро и давило, давило к собственной тени, устало карабкающейся на склон. Воздух в глазах начал покачиваться, превращаясь в волны виденного однажды водохранилища под Кабулом. Дойти бы до воды, дойти...

Жара и страшная усталость, сдавившие грудь и сделавшие свинцовыми, дрожащими при малейшем напряжении ноги, задавили, расплющили радость и волнение от встречи с родиной. И он готов был снова променять эти хребты и кручи родных гор на переполненную беженцами палатку в лагере, где у него есть место и где у входа стоит бочонок с теплой, но — водой... Опять вода! Когда же будет привал и разрешат сделать глоток из фляги?

Али нащупал на ремне обшитую войлоком пластмассовую флягу. Под рукой тяжело и притягательно покачивалась вода. Его вода, которую не дают выпить.

— Привал!

Может, эту команду вообще никто не давал, но люди так желали ее услышать, что, когда шедший первым Делавархан резко обернулся, мятежники уже сидели, лежали там, где застало их это слово. Руки судорожно отвинчивали пробки у фляг, раскрытые рты со спекшейся слюной в уголках губ тянулись к горлышкам — эти люди ради глотка воды готовы были сейчас предать самого аллаха.

— По глотку. Не торопись. Размягчите хорошо рты.— Главарь пересилил в себе гнев от самовольства банды и теперь шел между мятежниками, стараясь уследить, чтобы не была выпита вся вода.

Делавархан рассчитывал без отдыха преодолеть последние хребты. Уже была видна Черная гора, а там, за ней,— и долина. Надо спешить. Семь суток отряд уже на территории республики, а еще не сделано ни одного выстрела. Надо быстрее, как можно быстрее запятнать всех кровью. Пусть стреляют во что угодно — в автомобиль, в дехканина, в мечеть, главное, чтобы против соотечественников, против республики. После этого отпадут все ненужные мысли о побегах, люди превратятся в ягнят.

Обойдя растянувшуюся колонну, Делавархан сделал сам несколько медленных глотков теплой, чуть подсоленной воды. Влага медленно сняла сухость во рту, блаженно разлилась внутри. Этих глотков было мало, совсем мало для обезвоженного, выделившего почти всю соль организма, но прежние походы научили Делавархана пуще всего беречь в горах воду. Беречь даже в том случае, если знаешь, что через час-полтора будешь у колодца с холодной, свинцово поблескивающей глубоко внизу водой.

Главарь приметил один из камней, поднялся к нему, пристроил голову в его короткую тень. Вытащил тщательно срисованную схему Кабула и его северных окраин.

Задача, полученная Делавarханом на эту операцию, была новой, но, если судить по авансу, равнявшемуся цене за два первых похода, прибыльной.

Главарь провел пальцем по коричневой нитке шоссе из Кабула на север и, не доходя до одного из провинциальных центров, остановился. Здесь. Это его район. С сегодняшнего вечера, а окончательно с завтрашнего утра все северные дороги, ведущие в столицу, будут перерезаны отрядами муджахеддов[1]. Полетят в воздух мосты, лягут в разбитый,

[1] «Борцы за веру», душманы.

занесенный пылью асфальт и в грунтовку мины. Поджидая колонны, замрут в засадах отряды. Парализовать жизнь Кабула с севера, перекрыть все артерии, дающие столице продукты, топливо, энергию,— таких операций Делавархан еще не видел.

Но и все равно это еще не его дело. Этим он занимался и раньше и думал, что неплохо зарабатывал. А оказывается, за политику сейчас дают намного больше, чем просто за убийство. Все-таки господа из-за океана знают толк в этих делах: практика, черт возьми!

Первому, кажется, эта мысль пришла Амир Джану. Впрочем, он всегда утверждал, что идти с оружием на власть — это глупо. Он работал ночами: поджигал, травил, взрывал — и ведь в самом деле держал уезд в своих руках. А когда ему подкинули идею с переодеванием, он тут же достал форму царандоя и «командос»[1]. Говорят, в последнее время жители кишлаков, когда видят, что через селение идут правительственные войска,— выставляют фотографии родственников, которые за новую власть, идут муджахедды — фотографии мятежников.

Амир Джан, переодевшись с отрядом в форму «командос», лично застрелил пятерых женщин, которые поспешили вынести портреты близких людей в такой же форме, как у проходящих по кишлаку сарбазов[2]. Теперь каждый мужчина долины считает своим долгом убить царандоевца или десантника и помочь Амир Джану. Век живи — век познавай жизнь.

Вот и его, Делавархана, сегодняшнее дело — политическое. Главное в нем — переодеться теперь уже в советскую форму. Это они сделают, как только спустятся в долину, к дому Карима. Потом все просто. Останавливают они афганский автобус, в него заходят два-три человека, переодетых под шурави, обыскивают пассажиров, забирают найденные деньги, оскорбляют женщин, а для гарантии какого-нибудь почтенного аксакала недалеко, на глазах у всех, расстреливают. И все. Пусть автобус катит дальше. Делавархана убедили: полдня такой работы — и к вечеру весь Кабул будет знать о зверствах шурави. Спичку зажгут другие, которые около центрального стадиона на угнанном советском уазике собьют на дороге какого-нибудь мальчишку. Постараются оборвыша — к сиротам больше жалости. А от жалости до гнева — как взгля-

---

[1] Воины воздушно-десантной части.
[2] Солдаты.

дом от одной до другой вершины. И тот мятеж, что не удался в феврале 1981 года и много раз потом, должен вспыхнуть сейчас. И сжечь все дотла. И тогда он, Делавархан, получит то, что он должен иметь,— власть, деньги, землю и людей.

Что ж, он готов ради этого сбить ноги, глотать пыль, неделями не мыться, спать на камнях. Но он возьмет свое. Он возьмет столько, сколько сам посчитает нужным. А за это, сегодняшнее, он сполна отыграется на шкурах этого же быдла, которое лежит сейчас под камнями у его ног, которое сделает ему завтра и которое само потом подставит спины.

Делавархан свернул схему, вложил во влажный от пота целлофановый мешок. И вдруг резко поднял голову, почувствовав на себе чей-то взгляд.

«Так это ты, Саид. Следи, следи, недолго осталось. Не нравишься ты мне — и аллах меня за это простит».

Главарь отыскал взглядом Содика Урехела, тот еще в Пакистане получил свою тысячу афганей за досмотр Али и Саида и теперь не должен был оставлять их наедине. Содик угодливо закивал головой, но Делавархан выразительно положил руку на кобуру. Бандит замер, что-то быстро зашептал, но поднялся из-за своего укрытия. Покачиваясь от усталости, он прошел вперед, сел между Саидом и Али. Здесь все камни были заняты, и Содик, проклиная в душе солнце, Делавархана и его деньги, вынужден был сидеть на сорокаградусной жаре.

«Расклеились, скоты,— с презрением смотрел на людей главарь.— Не были бы мне нужны — с удовольствием всадил бы каждому пулю в затылок. Неужели такие, как они, управляют сейчас страной? Как аллах посмел допустить подобное? На что они способны, кроме как ползать у ног? Что может этот трусливый Али? А жадный Урехел? А ты, Саид? Хотя, впрочем, поднять взгляд на хозяина — и то уже чересчур много для дехканина. Но ничего, ничего...»

Делавархан провел ладонью по уже заросшим щетиной щекам, увидел ногти с набившейся под них грязью и, словно желая как можно быстрее избавиться от сегодняшней реальности, решительно поднялся, начал собираться в путь.

Бессловесно поднимались и мятежники, зная, что главарь ждать не будет, а догонять в дороге — это всегда труднее.

И Али вновь уже через несколько минут ходьбы начал мечтать о воде и отдыхе, будто и не было привала. Взгляд, не удерживаясь на спине впереди идущего мятежника, скатывался в еле приметную тропку под ногами. Али бедром чувствовал малейшие колебания воды во фляге, и, казалось, все силы и внимание уходили на то, чтобы слышать ее плескание.

Кому нужны эти муки, похожие на пытку, думал Али. Почему на его долю выпало такое? Зачем эта революция, перевернувшая все вверх дном? Она отняла Фазилу! Из-за нее погибла мама и потерялась сестра! Революция заставила его быть беженцем, а теперь вот — бандитом. Из-за нее он должен убивать своих соотечественников. Пять раз не убьет — убьют его. О-о, милосердный аллах, покарай того, кто зажег эту братоубийственную войну. Где переждать ее? Кто вернет то, что у него было,—родителей, сестру, Фазилу, дукан, спокойную жизнь, наконец?!

Вдруг Али почувствовал, что колонна ускорила шаг. Он сделал над собой усилие: приподнял, расправил плечи, оторвал взгляд от пыльных, иссеченных галькой сандалий и сразу же увидел долину. И первое, что отметил Али,— в ней много зелени и домов. Значит, там — вода и отдых. Дошел. До-шел!

Неожиданно резко, словно сорвавшись с вершин, с каждой минутой усиливаясь, подул ветер. Со склонов, с которых, казалось бы, уже на тысячу лет вперед все смыто и прочищено дождями и ветрами поднялась и понеслась на отряд, на долину пыль.

«Хорошо»,— подумал Делавархан, теперь нечего бояться, что их появление в долине будет замечено.

Торопясь, почти бегом, он начал спускаться с горы. Внизу, не давая людям ни минуты отдышаться или сорвать по пути гроздь винограда, узкими проходами, вдоль небольшой речушки он вывел отряд к дому Карима.

Обитые цинком ворота распахнулись почти сразу после стука, словно отряд уже ждали. Войдя в просторный двор, мятежники тут же садились, ложились вдоль стены, не снимая оружия и не обращая внимания на бродивших телят, несущуюся пыль, ветер. Тут можно было отдохнуть и вдоволь напиться воды.

Молодой худой парень, открывший ворота, молча провел Делавархана в дом. Указав на узкую лестницу, ведущую наверх, поклонился и исчез.

По скрипучим, стертым у перил ступенькам Делавархан поднялся в комнату Карима. Он отметил про себя появление в ней шкафа и двух новых сундуков, которых в последнюю их встречу не было.

Карим, как всегда, стоял посреди комнаты и радостно протягивал навстречу пухлые, короткие руки. Однако с места не трогался, и Делавархан вынужден был пройти к нему сам.

«Все такой же сытый, хитрый и жадный»,— с отвращением думал он о хозяине дома, прикладываясь с ним щекой к щеке.

— Как прошел путь? — усадив гостя на подушки, женским голоском спросил Карим. Не дождавшись ответа, закивал головой: — Слава аллаху, что все хорошо. Да не знай больше усталости. Вот, отведай чаю, а я сейчас.

Он выглянул за дверь, кого-то окликнул. Вошла женщина в бледно-сиреневой парандже; поклонившись, замерла у порога.

— Ханум-саиб[1], у меня гость. Он долго шел. Окажи ему почесть, принеси воды и помой ноги.

Девушка замешкалась при выходе, обернулась на Делавархана, и тот словно через чачван[2] увидел ее горящие ненавистью глаза.

— Иди-иди, гость ждет,— поторопил Карим.

Женщина вышла, по ступенькам застучали ее туфли, и Карим кивнул на их стук:

— Младшая жена, Абида, 15 лет, а уже строптивая. Нехорошо, нехорошо,— покачал он головой, словно это Делавархан был строптивым и не слушался своего хозяина.— Уже наслышалась про революцию, бедняжка. Я ее подобрал в Кабуле в феврале, после того неудачного мятежа. Она не имела родителей, и куда-то исчез ее брат Али...

— Постой, Али? — переспросил Делавархан, вспоминая биографию одного из своих мятежников.— Не Гандж Али?

— Гандж Али,— удивился и Карим.

— Эге, да мы с тобой крестники,— сказал Делавархан, но объясняться не стал.

В это время вошла с тазиком воды Абида, медленно подошла к Делавархану, расшнуровала ему ботинки,

---

[1] Традиционное обращение к женщине.
[2] Мелкая сетка в парандже для лица.

и тот с удовольствием опустил потные ноги в прохладную воду. Опустившись перед ним на колени, женщина несмело, осторожно начала мыть ноги. Прикосновения ее дрожащих рук напомнили Делавархану о его шести женах, которых он не видел уже пять месяцев. О-о, как бы они его вымыли!..

Он прикрыл глаза, чувствуя только руки молодой женщины...

— Ханум,— раздался вкрадчивый голос, и Делаварxан вынужден был прервать видение, открыть глаза. Замерла и женщина.— Ханум, Делавархан — мой гость. Уважаемый гость. Поэтому сегодняшнюю ночь ты будешь спать с ним, он будет твоим господином.

Главарь увидел, как задрожали в воде руки Абиды, как она потом сжала их, и улыбнулся. «Аллах с тобой, Карим, ты хочешь вышибить ей дурь из головы через меня. Ничего, я насчет этого не гордый. Да и пятнадцатилетних у меня еще не было».

Он наклонился и уже на правах хозяина приподнял чадру, посмотрел на склоненное лицо девочки. Тонкие губы ее тряслись, по щекам текли слезы.

«Ничего, поплачь, мне это не то что безразлично, а даже как-то интересно. Только от братца тебя надо подальше спрятать»,— подумал он.

— Что, красавица, недовольна? — не давая Абиде увернуться от взгляда, цепко взял пальцами ее маленький острый подбородок.

Женщина, закрыв глаза, тихо прошептала:

— Вы... вы... вот отыщется мой брат...

— О-о,— удивился Делавархан и с издевкой посмотрел на Карима.— Карим, я женщине еще не разрешал говорить, а она уже угрожает. И это твоя младшая жена? Бедная революция, которой в наследство остаются такие болтливые ханум. Но так и быть, я разрешаю тебе говорить. Хочу послушать, что будет, если отыщется твой брат Гандж Али.— Он снова сжал пальцами подбородок.

— Он вас всех... всех... Он отомстит за меня.

— Послушай, Карим, если ты будешь продолжать спать с ней и не отрежешь ей язык, то через три ночи она из тебя или тряпку, или революционера сделает,— сокрушенно покачал головой Делавархан.— Слушай, при таком хозяине старшая жена наверняка состоит в партии коммунистов. А?

Делавархан опустил паранджу у Абиды, с ухмылкой посмотрел на хозяина дома. Тот багровел, нервно перебирал четки, и Делавархан радовался: получи, жирная скотина. Однако он был гостем, и особо издеваться над Каримом не стоило. Главарь повернулся к Абиде:

— Но ничего, пока твой брат найдется — даст аллах, мы еще поживем. Пошла вон! — Он вдруг толкнул Абиду ногой, та упала, путаясь в парандже.

— А мы сегодня ночью удачно сходили под Чарикар,— засеменил в дальний угол Карим, желая быстрее сменить разговор и вернуть благосклонность Делавархана.

Три ночи подряд ему шли указания, чтобы оказать Делавархану всякую поддержку, как только он появится в уезде. Краем глаза Карим уже успел заметить, что отряд принес с собой форму советских десантников и муджахедды уже начали переодеваться в нее. А Карим не такой уж и простак, он нюхом чует большие события.

Порывшись в тряпках, он вынес к оконцу мешок, развязал его.

— Девять штук, все партийцы.

Он сунул руку в мешок, вытащил за волосы отрубленную голову, выставил ее гостю напоказ. Абида, поднимавшая таз с водой, в ужасе закричала, пошатнулась, выронила его. Брызги полетели на мужчин, и Карим, потеряв терпение, замахнулся отрубленной головой на жену:

— Убью!

Абида, словно слепая, с выставленными вперед руками бросилась к двери.

— Вернись! — крикнул Карим, сгорая от стыда перед гостем за непослушание младшей жены.

Но Абида выбежала во двор, бросилась в одну сторону, другую. Кругом были бандиты, и она замерла, испуганно схватившись руками за голову, когда заметила у стены молодого парня с непонятной коричневой трубой у ног.

— Держи ее! — раздался тонкий, срывающийся голос Карима.

Выкрик словно подтолкнул Абиду, и она, увидев наконец ворота, бросилась к ним. Люди Делавархана поднимались медленно, нехотя. Некоторые еще не закончили переодеваться в форму советских десантников, и тогда Карим бросился к воротам сам. Но тут же отпрянул назад,

схватился за пояс, где обычно носил пистолет. Оружия не было, и тогда он подскочил к одному из мятежников, вырвал у него из рук винтовку, припал на колено, начал целиться. И тут среди общего оцепенения от стены к Кариму метнулся Саид и дернул вниз ствол винтовки. Пуля, отбив кусочек глины, вошла в стену. Бандиты отпрянули от дерущихся.

Вырвавший у хозяина дома винтовку Саид не успел распрямиться. Страшный удар в шею свалил его наземь. Прежде чем потерять сознание, он увидел Делавархана и черную точку пистолетного ствола. Огонь вырвался оттуда так быстро, что Саид даже не успел закрыть глаза.

Одного взгляда Делавархану было достаточно, чтобы оценить обстановку.

Абида, размахивая руками, бежала по дороге, по которой двигалась в сопровождении бронетранспортера колонна афганских автомобилей. Если она добежит до дороги, то уж молчать не будет.

— Огонь! — скомандовал он.

Мятежники торопливо задергали затворами, сгрудились у ворот, нестройно выстрелили. Женщина обернулась назад, но не остановилась. Автомобили прибавили скорость, а БТР вдруг на полном ходу спрыгнул с дорожной насыпи и помчался навстречу Абиде.

— Али! — крикнул Делавархан.

Гранатометчик подбежал, вытянулся.

— Скажите, эта женщина...— начал взволнованный мятежник, но Делавархан перебил его:

— Она враг, Али, подослана царандоем и слишком много знает. Уничтожить ее! — Главарь нетерпеливо кивнул на бронетранспортер, сам зарядил гранату, подтолкнул оцепеневшего парня.

— Но там же женщина...

— Выполняй приказ! — жестко отчеканил главарь и приставил пистолет к виску мятежника.— Я снимаю все непопадания. Промахнешься — будешь лежать рядом! — Он кивнул на изувеченного выстрелом в лицо Саида.

Гандж Али, чувствуя расходящуюся от теплого кружка на виске дрожь, приник к трубе гранатомета.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Воин!

Родина доверила тебе благородную и почетную миссию — помочь трудящимся Афганистана отстоять завоевания революции, обеспечить мирное строительство новой жизни.

Будь всегда и во всем достоин этого доверия. Высоко неси честь и достоинство советского воина, воина-интернационалиста.

Из обращения «Воину-интернационалисту, находящемуся в ДРА»

Первое, что увидел Спирин в триплексе после выстрела,— бегущую из кишлака к дороге женщину в парандже.

Миша Евсеев, не дожидаясь команды, бросил БТР с насыпи, выжал до конца газ.

— Подстрелят ханум, как куропатку,— обернулся на лейтенанта Дмитриев.

— Миша, прикрой ее броней! — крикнул лейтенант, пробираясь, оберегая голову от ударов, к боковому люку.

Бронетранспортер, не успевая перерабатывать в скорость всю вкладываемую в него мощь, ревел и дрожал. Наконец, описав полукруг, он встал точно между кишлаком и женщиной. Крышка люка, распахнутая ногой, упала вниз, впустив облако пыли. Спирин, задержав дыхание, нырнул в люк, выскочил на ветер. Сразу же увидел замершую афганку.

— Давай сюда,— махнул ей рукой лейтенант.

И в этот момент раздался выстрел. По испуганно отпрянувшей женщине, по наткнувшемуся на что-то сзади него звуку выстрела Спирин мгновенно понял, что стреляли из гранатомета и что сзади него только БТР. Он резко обернулся, даже не успев придумать, чего бы не желал видеть.

Дмитриев, наполовину вылезший из люка, пытался вытащить кого-то из машины. Раздались еще винтовочные выстрелы, и Спирин бросился к машине. Из люка показались нащупывающие землю ноги, и по синим кедам лейтенант отметил про себя — Евсеев жив! Он подхватил водителя под колени, стал помогать сержанту. Наконец показался Миша — с окровавленным лицом, руками, с прожженной на груди курткой.

Сержант, передав Евсеева лейтенанту, выбросил плечом в руку автомат, залег под передние колеса.

— Миша, жив? — спросил Спирин, срывая пришитый к рукаву индивидуальный пакет.

— Жив... кажется,— не открывая глаз, еле слышно прошептал тот.

— Новичков, как ты? — крикнул в люк лейтенант, переключившись в тревоге на связиста.

Тот что-то ответил изнутри дымящей машины, но сержант перебил:

— Душманы обходят. Здесь не продержимся.

— Новичков,— теперь уже повелительно крикнул лейтенант, и связист тотчас вынырнул, кашляя от дыма, из люка.

— Передал, товарищ лейтенант... Успел. Сейчас им будет цирк на проволоке.

Спирин, сунув ему конец бинта, выглянул из-за бронетранспортера.

Из широких ворот крайнего дома выбегали душманы, строились в цепь. Лейтенант прикинул — человек тридцать. Много. Дорога была пустынна. Колонна автомашин, которую они сопровождали, уже скрылась за горным поворотом. Итак, вперед путь заказан, БТР подбит. Что сзади?

Шагах в десяти от них безучастно сидела на корточках женщина. Что с ней-то делать? Новичков бинтовал голову Евсееву. Держись, Миша. Самое главное — позади горы и ущелье.

— Не дрейфь, не дрейфь,— шептал для себя лейтенант, оценивая положение. Потом решительно приказал: — Отходить в горы. Быстрее. Я догоню.

Его остановил было взгляд Евсеева сквозь щелку торопливо накрученных бинтов, но времени подбодрить, успокоить солдата не оставалось. Он лишь еще раз подчеркнул:

— Всем отходить. Всем.

Сержант ящерицей выполз из-под колес, присел, набрасывая руку водителя себе на плечо. Новичков подбежал к афганке, торопливо начал что-то объяснять ей, показывая на горы, БТР и кишлак.

— Быстрее! — ныряя в дым от машины, опять крикнул лейтенант.

В дыму он на ощупь отыскал переносную радиостанцию, столкнул ее к искореженному рулевому управлению, где прошла граната. Увидел белый бок бочонка с водой, но тянуться к нему не было времени, и Алексей, выдер-

нув кольца, бросил к рации и пулемету две «лимонки»: душманам оставлять технику не стоило.

Словно надсадный, разрывающий нутро кашель, глухо раздались один за другим стиснутые броней взрывы. И еще не перестало кататься в седловинах, биться о выступы скал эхо, как в него снова впились винтовочные выстрелы.

Испугавшись, споткнулась и упала женщина. Через нее, не увернувшись, перелетел Новичков. Пока они поднимались, Спирин успел добежать до них, помог подняться запутавшейся в парандже афганке. Из-за плеча оглянулся.

Бронетранспортер их уже не прикрывал. Душманы, потрясая в воздухе оружием и что-то выкрикивая, брали их в кольцо. Их отделяло метров пятьсот голого поля, уже можно было вести прицельный огонь, но по редкому и несколько отдаленному посвисту пуль лейтенант понял, что их рассчитывают взять живыми. Понял это, и несколько исчезла напряженность; теперь он бежал свободнее, меньше пригибаясь.

Однако, чем ближе они подбегали к ущелью, тем чаще и явственнее начали свистеть пули.

— Еще рывок!— прохрипел лейтенант, разрывая запекшуюся слюну в уголках рта.

Женщина опять упала, и тогда Алексей, заслоняя ее, встал лицом к бандитам. Поднял, словно защищаясь, автомат. Руки дрожали от напряжения, сил не хватало вдохнуть, раздвинуть грудь воздухом, саднил сбитый где-то в спешке локоть, и Спирин впервые неожиданно для самого себя вдруг подумал:

«Неужели все? Жалко».

Несколько бандитов припали на колени, прицеливаясь. Лейтенант дал длинную, веером, очередь, отметив, что при его выстрелах душманы упали на землю, поползли к укрытиям.

«Не нравится, однако,— словно удивляясь, подумал Спирин, пятясь за товарищами. Мелькнувшая было мысль о гибели показалась нелепой.— Я еще у Зарифы и пятнашки не забрал»,— шутливо подумал он, поставив многоточие еще одной длинной очередью.

И тут он почувствовал слабый удар в спину, чьи-то руки потянулись к его автомату. Спирин только снял палец со спускового крючка, как афганка схватилась за ствол. Что-то забормотала под паранджой, показывая на душма-

нов. Новичков растерянно стоял рядом, а сержант с Евсеевым уже скрывались за первыми валунами.

— Душман, душман,— кивал вперед Спирин, стараясь заслонить плачущую женщину собой.

— Нис, нис,— замотала головой женщина.— Али, барадар[1].

— Новичков, что она хочет? — испугался лейтенант, мгновенно представив невероятное: может, это не душманы, а один из отрядов самообороны?

Он впервые пристально всмотрелся в наступающих душманов, и по телу пробежала дрожь: на груди у многих синели десантные тельняшки.

— Олег,— позвал лейтенант Новичкова.— Что-то я ничего не пойму. Посмотри-ка, кто из нас наступает.

— Вроде наши,— недоуменно проговорил и связист.— Ничего не понимаю. Вроде половина в нашей десантной форме. Но с бородами. Нет, не может быть, чтобы наши, они ведь по женщине, да и по машине стреляли, а на ней — десантная эмблема. Не наши это, товарищ лейтенант,— все более убеждаясь, горячо выкрикивал уже Новичков.— «Духи» переоделись. Точно.

Словно подтверждая догадку связиста, рядом с десантниками прошла еще одна очередь.

— Новичков, возьми женщину.— Лейтенант выдернул автомат из ее рук, дал несколько очередей, стараясь, однако, не целиться в наступающих.

Женщина заплакала, вновь бросилась к Спирину, но Новичков подхватил ее на руки и побежал к ущелью. Лейтенант, прикрывая их, побежал следом.

За первыми валунами он упал рядом с десантниками, пропустив как раз очередь над головой. Рванул на груди куртку.

— Как Миша?

— Держится,— ответил сержант, наматывая новый пакет на алые пятна крови, пропитавшей старые бинты.

— Надо отходить... Идут... цепью. Если возьмут вершины — будем в кольце... Только что-то женщина волнуется...

— Во-ды,— еле слышно, почти не шевеля обожженными губами, попросил Евсеев, и лейтенант на мгновение представил, как огненная струя из гранатомета прошла прямо перед лицом водителя. Какая же это сволочь стре-

---

[1] Брат.

ляла? Как посмели стрелять по женщине? Нет, тут, без сомнений, душманы, их тактика, их методы.

— Пить,— повторил Миша.

Сержант посмотрел на Спирина. Тот кивнул, и Дмитриев сорвал с пояса флягу, склонился над Евсеевым. Новичков, поглядывая на залегших душманов, передал свою флягу женщине. Та вцепилась в нее двумя руками, отвернулась. Приподняв паранджу, припала к воде.

— Нельзя много,— стыдясь своих слов, осторожно коснулся ее плеча связист.— Это последняя, надо беречь.

Спирин, набрав полный рот воды, ждал, пока она размягчит язык, горло, губы. Наконец с блаженством глотнул, заторопился:

— Все, уходите вглубь.

Сержант перекатился к нему под валун; увидев поднявшихся бандитов, нажал на спусковой крючок и под звуки выстрелов прошептал:

— Миша не сможет больше идти. Авось продержимся.

— Вряд ли,— кивнул Спирин на нависающие над ущельем скалы.

— Но мы далеко не уйдем,— вновь под выстрелы предупредил сержант. Оставив лейтенанту одну свою гранату, перекатился обратно к раненому: — Давай, Миша, еще маленько... Надо... идти.

Вначале Новичков с афганкой, потом Дмитриев с раненым Евсеевым под огневым прикрытием лейтенанта перебрались к другим валунам, потом — за карликовые айвы. Спирин стрелял теперь выборочно, отсекая в первую очередь душманов от гор. Те, с самого начала как-то вяло, словно смертельно уставшие, начав преследование, теперь, под огнем, тем более не спешили, хотя расстояние постепенно сокращалось. Долетали отрывки команд, и тогда Спирин стрелял на голос.

«Теперь просто так не возьмете,— спокойно думал Алексей, одной рукой постреливая, а второй снаряжая магазины патронами из подвешенного к поясу мешочка.— Только бы шальная какая не залетела»,— подумал он, словно другая какая пуля убивает легче или ранит не так опасно.

Настороженный слух уловил сзади шорох, и лейтенант резко обернулся с автоматом на изготовку. Однако это пробирался Новичков, и Спирин вопросительно кивнул ему.

— Товарищ лейтенант, там пещеры. Штук десять. Ев-

сеев потерял сознание, Серега тащит его. Афганка тоже больше идти не может. Лучше переждать в них, товарищ лейтенант. «Вертушки» минут через 10—15 будут здесь, вот тогда им устроят цирк на проволоке. Продержимся. А иначе и не знаю как.

«Пещеры, пещеры... Неплохо,— обрадовался лейтенант. Но вдруг вспомнил: — Но у них же гранатомет!»

— У них гранатомет,— повторил он вслух, и Новичков тоже поник.

— Точно, упустил... Но Миша и афганка идти не могут.

— А ну-ка заставь их здесь пособирать пыль носом,— кивнул лейтенант вслед за посланной в душманов очередью.— Посматривай наверх, может, уже обходят.

Новичков кивнул, и лейтенант пополз назад.

Дмитриев окликнул его уже из пещеры, наиболее удачно прикрытой скалами.

— Сережа, останешься здесь. — Откинувшись на выступ скалы, Спирин дал несколько мгновений отдохнуть своему телу.— Минут через пятнадцать будут вертолеты, обозначишь себя. Мы с Новичковым поведем их за собой. Еще трудно понять, что они придумали с этим переодеванием, но это неспроста. Надо во что бы то ни стало задержать банду до прилета вертолетов, не дать им оторваться от нас. Так и передашь, когда подойдут наши: даже если «духи» будут уходить, мы их с Новичковым будем преследовать. Пусть ищут нас, обязательно ищут. Боеприпасы у тебя?

— Пять гранат, восемь магазинов, ракеты.

— Если они за нами не пойдут, мы не уйдем, знай об этом. Все.

Лейтенант хотел еще сказать, что для него это самое страшное — оставлять людей одних. Он хотел еще пройти в черный, извилистый зев пещеры, но тут зачастил автомат Новичкова, и Спирин, хлопнув сержанта по плечу, поспешил на выстрелы.

— Только осторожнее, товарищ лейтенант.

Не оглядываясь, Спирин согласно махнул рукой. Поблизости от Новичкова прогремел гранатный взрыв.

— Олег, отходи! — крикнул Спирин.

Связист, лавируя между пуль и валунов, подбежал к нему.

— Справа обошли, человек десять.

— Уходим.

Прикрывая друг друга, челноком побежали в глубь

ущелья. Спирин взглядом отыскал приютившую людей пещеру, махнул рукой — Дмитриев наверняка смотрит сейчас на них.

— Давай вверх! — крикнул замполит связисту.

По тактике в горах занявший вершину дирижирует боем, а сейчас лейтенант хотел, чтобы их еще и видели душманы, чтобы по ним стреляли и их преследовали. И когда вновь просвистели рядом пули, он успокоился.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

> Дружба предполагает взаимное содействие, и, исходя из нашего желания по мере возможности способствовать развитию и процветанию дружественного Афганского государства, мы готовы оказывать ему содействие, какое в наших силах...
>
> *Из «Инструкции полномочному представителю РСФСР в Афганистане». Июнь 1921 года*

Полковник Слисарь, заложив руки за спину, ходил вдоль огромной, на всю стену карты северных провинций Афганистана. Горели лампочки, обозначавшие путь идущих из Термеза в Кабул колонн с грузами. Чуть ниже провинциального центра Чарикар одна из них тревожно мигала.

Полковник подошел к тумблеру, выключил ее.

— Через пять-семь минут «вертушки» будут на месте, товарищ полковник,— опережая вопрос командира, доложил державший связь с вертолетами молоденький лейтенант-связист с красными от бессонницы глазами.

— Боевая группа?

— Ждет команды на выход,— оторвался от телефонной трубки капитан — оперативный дежурный.

— Данные о людях подготовили?

Дежурный подал мелко исписанный листок бумаги. Слисарь подошел к окну, внимательно прочитал написанное. Первой стояла фамилия замполита роты лейтенанта Алексея Спирина.

«Все-таки Спирин». — Полковник почувствовал некоторое облегчение.

Несколько минут назад ему подали листок с четырьмя фамилиями. Дежурный, правда, добавил:

— Данные уточняются. Может, будут и изменения...

Полковник взглядом оборвал капитана, и тот, согласно кивая, вновь склонился над телефоном, требуя от Ноль первого точных данных. В штабе хорошо знали: чего не может терпеть Слисарь в докладах, так это неопределенности. Однако сам полковник успел заметить на листке фамилию лейтенанта Спирина. «Пусть бы он», — мелькнуло у него в мыслях, но большего себе он не позволил.

И вот теперь подтвердилось: да, старшим в бронетранспортере был Спирин.

Полковник не запомнил его, когда тот представлялся по прибытии к новому месту службы. Знакомство более близкое состоялось позднее, месяца через два.

Афганцы провели чистку одного из районов и взяли «хвост» — где-то около трехсот пленных душманов. Радоваться удаче долго не пришлось, хадовцы запеленговали радиосвязь между двумя бандами: главари договаривались объединиться, напасть на колонну с пленными и отбить их.

Через несколько минут после перехвата связистов Слисарь уже получил приказ направить свои роты на наиболее вероятные участки налета — к ущельям, мостам, поворотам.

Командиры рот задачи получали уже в движении. Впрочем, что мог сказать им он, командир? Если у «духов» появились радиостанции, перехват команд могут осуществлять и они.

— Выйти на рубеж... закрепиться, — указал Слисарь участки для рот. Офицеры у него опытные, должны по интонации определять степень опасности.

И все же полковника не покидало беспокойство за своих людей. С оперативной группой он выехал в район боевых действий.

Что ж, Слисарь мог быть доволен своими десантниками: они вгрызались в нашпигованную камнями землю с остервенением, как перед последним боем. Так было в первой, во второй, в третьей ротах. А вот в четвертой...

При подъезде к небольшой, почти пересохшей речушке его БТР никто не остановил, и Слисарь недовольно покачал головой: где же сторожевые посты?

— Чья рота? — обернулся он к начальнику штаба, хотя прекрасно помнил, что эту речушку он поручил старшему лейтенанту Бурицкому.

— Старшего лейтенанта Бурицкого, — взглянув на кар-

ту, подтвердил начштаба и выразительно посмотрел на командира.

Бурицкого «сосватала» им Москва. Вернее, Бурицкий приехал в Афганистан с предписанием на должность командира роты. Ехать сюда на повышение — это надо иметь или незаурядные командирские способности, или, как шутили офицеры, гибкий позвоночник.

Ни в том, ни в другом новый командир до этого не проявился, и Слисарь всякий раз оттягивал момент, когда Бурицкому можно было бы доверить выполнение боевой задачи. Сегодня команда подняла всю часть, в лагере остались лишь караул и боевое охранение, и спрос что с новичков, что с опытных офицеров — один. По воинскому счету.

В глубине души у Слисаря зародилось что-то вроде удовлетворенной радости: вот, я говорил, предупреждал, требовал выдвигать на должности только понюхавших пороха офицеров, а меня не послушались. Итог налицо: даже боевое охранение не выставлено. Ко-ман-ди-ир!

Однако верх взяла озабоченность за людей, оставшихся без охраны, и он, распаляясь за преступную беззаботность командира роты, откинул крышку люка, вылез на броню.

Ротный брился, раздевшись по пояс. Стоя спиной к командиру, он напевал и пританцовывал, и Слисарь, глядя на его упругое молодое тело, вдруг вспомнил присказку о гибком позвоночнике. Рядом со штабной палаткой горел между двух кирпичей костерок, накаляя сковороду с гречкой. Боевые машины были расставлены по берегу реки грамотно, но солдаты лишь при виде Слисаря взялись за лопаты и начали обозначать работу.

— Где замполит роты? — громко, ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Слисарь.

Ротный резко повернулся и, видимо, мгновенно посмотрел на все глазами полковника. Опустил руки, на выбритой левой щеке разлилась краска стыда. Спроси его о чем-нибудь Слисарь, он еще мог бы сбросить оцепенение, как-то доложить, но Слисарь, уже исключив его из состава роты, вновь громко спросил:

— Где замполит?

Из-за палатки показался сержант, замер под взглядом полковника.

— Замполит роты лейтенант Спирин с третьим взводом там, с той стороны, — махнул он рукой в сторону реки.

Желанием Слисаря было отчитать и политработника, допустившего такую безответственность. Но за рекой, ко-

торую он перешел, не дожидаясь бронетранспортера, перед ним встала совсем другая картина. Бээмдэшки, хоть только и по гусеницы, но уже были загнаны в укрытия, между ними шли ходы сообщения.

— Замполит роты лейтенант Спирин, — представился Слисарю коренастый, с мальчишечьим лицом офицер.

Слисарь, пережидая в себе волну гнева, несколько секунд смотрел на политработника. Тот, смущенно переступая, прятал затертые о землю рукава комбинезона.

— Сколько служите здесь, товарищ лейтенант? — наконец нарушил молчание Слисарь.

— Два месяца, товарищ полковник.

— Откуда родом?

— Из Киева.

— Все мы здесь земляки, если под одним солнцем портянки сушим, — неожиданно улыбнулся Слисарь, а замполит засмущался еще больше, увидев, что полковник, когда переходил реку, промочил ноги.

— Лейтенанта — к медали, — стал вновь серьезным Слисарь. Начальник штаба, неотступно следовавший за ним, согласно кивнул головой и вытащил блокнот. — За бдительность и умелые действия на поле боя.

Слисарь специально подчеркнул последнюю фразу. Потому что представлял: если бы бандиты вышли на роту Бурицкого, достойный отпор мог бы дать только лейтенант со своим взводом.

— Где штатный командир взвода? — спросил Слисарь у Спирина.

— В отпуске.

— Передайте командование сержанту. Вы назначаетесь командиром роты.

— Есть! — вытянулся Спирин и, не удержавшись, посмотрел за реку: ротный, уже одетый, при оружии, стоял у штабной палатки, в готовности встретить полковника на обратном пути.

— Анатолий Васильевич, — обернулся Слисарь к начальнику штаба, — доведите мой приказ до личного состава роты о назначении нового командира роты. Старшего лейтенанта Бурицкого — с нами в лагерь...

Со Спириным полковник встречался еще раз, когда тот обратился к нему с просьбой вернуть его обратно на политработу.

— Из вас получится неплохой командир, — попытался убедить лейтенанта Слисарь.

— У меня нет той подготовки, товарищ полковник, которая необходима командиру подразделения. И особенно здесь, в Афганистане, — тихо, но твердо ответил Спирин.

— Будете командовать, пока не прибудет новый командир роты, — заканчивая разговор, заключил полковник.

Новый ротный прибыл из соседнего полка, и Спирин вернулся к своим основным обязанностям. Однако мнение полковника о Спирине осталось очень высоким, и сейчас, узнав, что именно он попал с десантниками в переплет, немного успокоился, зная, что тот выдержит.

«Хладнокровие, товарищ лейтенант, хладнокровие», — мысленно потребовал полковник от Спирина.

— Товарищ полковник, вертолеты видят подбитый БТР, — торопливо повторил лейтенант-связист доклад с «вертушек». — При снижении были обстреляны... Людей не обнаружено... С севера идет грозовая туча, усиливается ветер. Ждут указаний.

— Группу срочно на выход. Вертолетам барражировать над районом, внимательно осмотреть ближайшее ущелье. Поднять еще одну пару.

Слисарь опять подошел к окну. Афганец до самой земли гнул посаженный этой весной вдоль дорожек кустарник, сорвал и трепал маскировочную сеть с его домика. Изредка пробегали, укрывшись, как от пурги, с головой в куртки десантники. В закрытую дверь крайней палатки царапался Амин — высокий черный пес, неизвестно когда и как появившийся в лагере.

«Гроза — это плохо. Это очень плохо», — думал полковник, стараясь казаться спокойным, чтобы не вносить нервозность в работу подчиненных. Все, что он мог сделать в этой обстановке, он вроде бы уже сделал.

— «Санитарка» ушла? — вдруг вспомнилось неуточненное, и Слисарь замер, ожидая ответ.

— Уже на аэродроме.

— В ХАД сообщили?

— Да, их представитель выехал к нам.

— Хорошо.

«Плохо, что гроза, — опять подумал Слисарь, посмотрев в окно. — Что же молчат вертолеты?»

— «Вертушки» видят в ущелье оранжевый дым, — радостно доложил лейтенант.

— Где? — разом спросили командир и оперативный, повернувшись к карте.

— Дым в самом начале ущелья, квадрат... по «улитке»

два. Первый снижается... Сильный ветер... Слышны выстрелы... Видят людей, видят трех человек, среди них женщина.

Полковник слушал молча, хотя тянуло самому склониться над рацией и из первых уст узнать информацию. Он верил: вертолетчики сделают все возможное для спасения десантников. Но лишь бы быстрее, еще быстрее...

— Ну, почему молчат? Что за женщина? Где остальные? — не выдержал все же он.

— Погодите, работают, — отмахнулся лейтенант, вслушиваясь в эфир.

Слисарь, устыдившись своей несдержанности, прошелся по дежурке. Достал пачку «Беломора», закурил.

— Сержант ранен, — вдруг тихо сказал связист, и в комнате все замерли. Лейтенант прижал руками трубку, повторяя за Первым сообщения: — Подсаживал женщину, ранен в спину... У второго ожоги головы, рук, груди... оба без сознания... К кишлаку приближаются две «коробочки», высланные Ноль первым. Больше никого не видят. Начинается гроза, из кишлака усиливается обстрел.

— Вертолетам немедленно возвращаться, — приказал командир. Информация вновь вывела его на острие событий, и он, отдавая распоряжения, чувствовал себя увереннее: — Вернуть вторую пару. Немедленно на аэродром переводчика, узнать у женщины об остальных. Двум «коробочкам» в бой не ввязываться, ждать подкрепления. Группе увеличить скорость до предельного. Медбату приготовиться к приему раненых. И врача, одного врача сюда, к рации.

Настойчивый телефонный зуммер на мгновение отвлек Слисаря. Дежурный доложил, что на КПП подъехал полковник Кадыр. Просит принять его.

— Да, обязательно. Дежурный, обо всем новом докладывать немедленно. Посыльный! — позвал он, и тот вырос из-за дверей, заполнив проход. — Приготовьте чай в мой кабинет.

Встретив Кадыра, Слисарь сразу понял, что тот сильно чем-то озабочен. И пока шли по темному, гулкому коридору штаба в кабинет, он пытался предугадать, что привело к ним представителя Генерального штаба Народных вооруженных сил ДРА в этот пыльный, предвечерний час.

— На севере Кабула готовится крупная провокация мятежников.— Кадыр говорил по-русски почти без акцента.

Войдя в кабинет, он сразу же прошел к карте, стал рассматривать ее, разглаживая бугрившиеся места.

— Но не это самое страшное. — Полковник совсем по-русски покрутил, разминая в пальцах сигарету, задержался взглядом на семейной фотографии Слисаря под стеклом: у него от семьи не осталось никого, кроме собственной памяти. — Товарищи из ХАДа просили передать, что несколько отрядов мятежников получили задачу овладеть формой советских солдат и в ней творить бесчинства среди населения. Представляешь?

Он поднял взгляд на Слисаря, и тот словно впервые увидел его лицо: осунувшееся, с темными кругами под глазами. Левая рука, через которую аминовские палачи пытали его током в тюрьме Пули-Чархи, мелко подрагивала на столе, выдавая сильное волнение.

— Одним словом, мы ждем вооруженных провокаций в Кабуле,— закончил Кадыр.— Генштаб принимает все меры к их пресечению, но необходимо и вам усилить бдительность, предупредить об этом посты и колонны, идущие с севера. И теперь я полностью согласен с тобой, что нужно внешние посты охраны Кабула вынести как можно дальше. Врага надо бить дальше от дома, ты прав. Нет, чай не буду, некогда. — Он выставил руки навстречу вошедшему в кабинет с чайником в руках посыльному, встал.— Все, Александр Евгеньевич. Судя по обстановке, я, кажется, не попаду к тебе на прощальный ужин. Если не буду — не обижайся.

Он прошел навстречу вышедшему из-за стола Слисарю, и они обнялись посреди кабинета.

— Спасибо тебе, Кадыр, за помощь. Будь жив.

— Ташакор[1] и тебе, Александр Евгеньевич.

Кадыр направился было к двери, но вдруг остановился:

— Ты знаешь, я вот о чем думаю: если бы наши люди сумели побывать у вас в стране и посмотреть, что такое социализм, война бы прекратилась. А так... Многие ведь еще не представляют, что это такое, светлое будущее. Извини, что у нас есть еще такие, кто стреляет в нашу революцию, в вас. Они потом все поймут, необходимо только время. Но ты, уезжая, не держи обиды на нашу страну за те трудности, что выпали из-за нас на твою долю. И хочу верить в одно:

---

[1] Спасибо.

здесь вы воюете вместе с нами не только по приказу, не только как военные. Но еще и как друзья, как верные соседи...

— Мой дед, Кадыр, был революционером, так что это у меня в крови, — полушутливо ответил Слисарь, обняв гостя. Но потом серьезно ответил: — Нет у меня обиды на вашу страну. Более того, я горжусь, что как-то помогал вашей революции. Вот это уж в самом деле у нас в генах. А что касается силы приказа, то скажу: я приехал сюда добровольно. И не я один. Вот,— Слисарь достал из верхнего ящика стола папку,— это все рапорта от солдат, которые желают остаться служить здесь, в республике. Не говорю уже об этих письмах,— вытащил он стопку конвертов,— это от школьников, допризывников. Просятся служить только здесь. Так что нам замена, а вам помощь будет.

Кадыр некоторое время смотрел на письма, потом попросил:

— Дай их мне. Прошу тебя. Мы их поместим в Музей революции. Чтоб дети, внуки знали, кто у нас друг. Нам это очень важно. Нам очень важно наше будущее.

Теперь уже Слисарь думал несколько секунд. Потом протянул стопку Кадыру. Тот бережно спрятал ее в полевую сумку.

За окном вначале тихо, потом раскованно пророкотал гром. Слисарь и Кадыр еще раз обнялись, заспешили к машине.

— Привет семье! — крикнул уже из кабины Кадыр, махнул рукой.

Сам того не зная, Кадыр затронул запретную для Слисаря тему. Скорая встреча с семьей, возвращение на Родину — все это, так ожидаемое и много раз представляемое в разных вариантах, с приближением дня отъезда теряло и утрачивало остроту восприятия. Но оттого, что он уезжает, а подчиненные остаются здесь, возникало чувство вины. И хотя, как выразился один из его заместителей, он «был на посту до тех пор, пока не пропела труба», легче было отпускать самых опытных офицеров, чем уезжать самому.

А может, это боязнь доверить людей новому командиру? Но ведь и он сам когда-то впервые ступил на землю Афганистана, и самоходка тащила севший на мосты уазик по раскисшему весеннему полю к палаточному городку части. Было, что и он растерялся, когда впервые доложили о под-

рыве сразу трех автомашин и ждали его решения... Если бы можно было передать новому командиру весь свой опыт!

А может, им было под его началом тоже нелегко? Сумел ли он, как командир, поднять сознание людей до такого уровня, какой требуется здесь, на острие политических отношений? Сумел ли настроить личный состав на бескорыстие и полную самоотдачу в оказании интернациональной помощи? Все ли до конца поняли значение этих слов? А сумел ли смягчить разлуку с семьями, родными и близкими? Все ли сделал для того, чтобы сохранить людей? Борьба ведь становится все более изощренной и жестокой. Как сбить новую волну провокации, да еще с этим переодеванием? Здесь будут не просто жертвы. Новая провокация задумана, чтобы опорочить советских воинов, зачеркнуть все то, что сделано доброго за эти годы.

Кадыр согласился, что надо бить врага как можно дальше от столицы, от сердца революции. Чем спокойнее в Кабуле, тем увереннее чувствует себя вся страна. Но что выставить в противовес сегодняшней провокации? Поднять все вертолеты? Мало. Да и главное будет твориться на земле, а не в воздухе. Усилить посты? Душманы не дураки, сильного обходят, на рожон не лезут. Значит, надо придумать другие ходы... Скажем, идет машина...

Слисарь стремительно вернулся в свой кабинет. Чистого листа под рукой не оказалось, и он развернул еженедельник, быстро сделал кое-какие наброски. Нервно закурил, успокаиваясь и тщательно обдумывая ситуацию.

«Подарим им троянского коня. Только необходимо все рассчитать до километра, до минуты и до мгновения скорости. Черт, это же можно было использовать и раньше...»

Он потянулся было позвонить Кадыру, но тот, видимо, еще не доехал до Генштаба. Тогда Слисарь сам сел за расчеты: медлить с решением было нельзя. Хотя север Кабульской провинции он знал не хуже полигонов в Белорусском военном округе, где служил перед отъездом в Афганистан, долго сидел перед картой. Около ущелий, лесопосадок, на перевалах — наиболее вероятных местах душманских засад поставил синим карандашом крестики. Потом постучал по дощатой стене в соседний кабинет. Через минуту вошел начальник штаба.

— Анатолий Васильевич, приезжал полковник Кадыр, обстановка такова...— Слисарь кратко рассказал о разгово-

ре с афганцем. — Я вот здесь набросал небольшое мероприятие, взгляните.

— Вы думаете, получится? — спросил начштаба, посмотрев расчеты.

— Здесь никакой гарантии, только проценты надежды. Бандиты наверняка будут останавливать кроме автобусов и фургоны с продовольствием. И если мы их обложим внутри мешками с песком, сделаем бойницы, поставим пулеметы — это будут уже бронефургоны, крепости на колесах. А? На каждую дорогу надо пустить пять-шесть машин, и пусть они курсируют на малых скоростях вблизи этих мест. — Слисарь указал на синенькие крестики. — Повторяю еще раз, твердой гарантии, что остановят именно бронефургоны, нет, но проценты надежды есть. И их надо использовать. Берите БТР, езжайте к полковнику Кадыру и расскажите ему замысел. Если согласится, останетесь, поможете с расчетами. Главное, чтобы вертолеты с десантом были наготове и пришли на помощь через пять-семь минут после начала боя. Больше они не выдержат, будут потери. Все, Анатолий Васильевич, езжайте. Полковнику Кадыру я еще позвоню.

— Есть! — ответил начштаба.

Слисарь вышел из штаба вслед за ним.

Удастся ли обмануть врага? Впрочем, сейчас главное — сбить волну провокации, насколько это возможно, принять на себя первый удар. Нелегко будет найти добровольцев ехать в фургоне, но Слисарь знал, что и в афганской армии есть преданнейшие революции люди, готовые на любой риск ради великого дела.

«Стоп, а водитель? Его же расстреляют в упор, — вспомнил полковник очередную деталь, не продуманную до конца. — Нужно обязательно из кабины сделать лаз в фургон, чтобы водитель тоже мог укрыться за мешками».

— Товарищ полковник! — окликнули его из дежурки.

Слисарь поднял голову навстречу несущейся пыли: из окна выглядывал оперативный.

— Товарищ полковник, сержант и механик-водитель пришли в себя. Говорят, Спирин и Новичков увели банду за собой в ущелье. Лейтенант Спирин сказал им, что в банде есть душманы, переодетые в нашу форму. Сержант повторяет: «Надо искать лейтенанта, он не дает банде уйти». Бронегруппа уже соединилась с «коробочками» и приступила к их поиску.

Полковник не знал, радоваться сообщению или нет. Но

оно вносило некоторую ясность и давало нить для дальнейших действий. А вообще-то здесь Слисарь научился обходиться без мыслей «а вот если бы»: обстановка требовала только конкретности и оперативности. А Спирин... Нет, не ошибся командир в прошлый раз в лейтенанте. Не ошибся. Замполит делает единственно возможное в его ситуации: уводит врага от раненых и в то же время не отрывается от банды.

«Только осторожнее, лейтенант, только будь жив,— повторял про себя Слисарь. — Наверное, ты и сам не знаешь, на какое острие событий ты сейчас вышел. Держись сам и держи банду».

В дежурке он сел за стол, четким, уверенным движением тактика срисовал с карты ущелье, проставил километры. Подумав, нарисовал сетку дождя.

— Надолго гроза? Что говорят метеорологи?

— Часов на пять, — ответил дежурный.

— Запишите распоряжение. Первое: оповестить весь личный состав, особенно стоящие в отрыве подразделения, посты и колонны, о возможных провокациях. Второе: с 19 часов форма одежды для всех, от солдат до офицеров, — комбинезон. В иной форме всех задерживать до выяснения личности. Третье: ограничить выход машин из расположения лагеря. Дежурным подразделениям до особого распоряжения находиться рядом с боевыми машинами. Четвертое: офицеров штаба и командиров подразделений через пятнадцать минут ко мне на совещание. И еще, я вас просил соединиться с Москвой и узнать о наградном листе на лейтенанта Спирина.

— Указ на медаль «За боевые заслуги» на Спирина подписан позавчера, номер... — Дежурный заглянул в рабочую тетрадь, сообщил Слисарю номер. — Выписка сюда придет дней через десять.

Полковник благодарно кивнул капитану, словно это он принимал Указ о награждении Спирина.

«Теперь только возвращайся», — вновь подумал Слисарь о замполите.

По крыше, подоконнику, стеклу сразу крупно и сильно ударил дождь. Слисарь подошел к окну. На асфальтовых дорожках лагеря уже рябились от ветра лужи. И только кустарники и деревца, посаженные этой весной на совместном советско-афганском субботнике, словно ожили, умыто сверкая зеленью.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В своей справедливой борьбе мы всегда чувствовали и чувствуем могучую солидарность наших надежных и верных друзей, и прежде всего нашего великого и естественного друга — СССР.

Б. Кармаль. 1981 год

Делавархан тысячу раз уже проклял себя, что соблазнился легкой добычей и затеял погоню в ущелье. Люди, не успев отдохнуть после похода, шли вяло, и он читал на их лицах полнейшее безразличие к происходящему. Каждый только старался быть подальше от него, боясь попасть под горячую руку.

Но еще в большую ярость пришел Делавархан, когда понял, что они преследуют только двоих. Он оглянулся, прикидывая, сколько времени потребуется на возвращение, но в это время над кишлаком зависли два вертолета.

— Вперед, скоты! — Он вытащил пистолет, направил его на отставших.

Назад дороги не было. За эти годы он хорошо изучил шурави: своих они в беде не оставят. За вертолетами придут машины, и тогда день, два, неделю — но своих они будут искать до последнего. Нет, надо уходить из этого района, и уходить скорее. Но этих двух, уведших их за собой, словно овец, он уже не упустит. Что бы ни случилось. Он их возьмет живыми, и пусть горы содрогнутся от той казни, которую он им придумает. Не тот Делавархан человек, чтоб забывать позор свой.

— Быстрее, быстрее! — Главарь подскочил к гнущемуся под тяжестью гранатомета Али, больно ткнул стволом пистолета в бок:

— Еще раз отстанешь — пристрелю, как Саида.

«Ну и убивай... убивай... Я больше все равно... не могу.— Али остановился, пытаясь слизать с губ запекшуюся пленку. — Все. Конец!»

Сзади кто-то подтолкнул его в спину, и Али сделал несколько шагов вперед.

— Соберись, — негромко приказал кто-то рядом. — Сейчас пойдет дождь, будет легче. Оставь сумку, я помогу.

Али наконец осмелился посмотреть на предложившего ему помощь.

Рядом шел угрюмый бородатый бандит, ни имени, ни фамилии которого Али не помнил. Он незаметно снял у Али

с плеча сумку, отстал на несколько шагов, но держался теперь все время рядом.

«Не один, — с облегчением шептал Али. — Значит, не все звери. Надо уходить. Уходить с ним. Прыгнем за скалы, затаимся — вдвоем выживем. Уходить!»

По лицу вместе с пылью ударили капли дождя, и Али, раскрыв пересохший рот, поднял голову вверх. Пыльная буря стихала, за ней низко, тяжело, уверенно шли темные грозовые тучи. Ветер становился чище, холоднее, и Али передернулся, представив, как гроза накроет их в этом узком ущелье.

— Догнать! Взять живыми! — услышал он где-то поблизости хрип Делавархана и пошел быстрее, стараясь не привлекать больше его внимание.

«Уйти, уйти во время грозы, — твердил теперь без остановки Али. — Гроза — это не так страшно. Вот та гроза страшна, что сейчас в стране идет. Я сейчас и под той, и под этой. Что делать?»

Словно прося совета, он оглянулся на бородача. Тот незаметно ободряюще кивнул в ответ, ускорил шаг и теперь шел почти рядом. От его уверенной походки, спокойного взгляда Али вновь стало легче на душе.

«Доверюсь ему, во всем доверюсь», — устало подумал он и, решив это, словно испил глоток воды.

Дождь зачастил, вокруг потемнело, и Али, думающий только об уходе, не сразу услышал выстрелы.

— Ложись! — дернул его за куртку бородач, и они упали под один камень. — Кажется, прижали шурави к обрыву. Делаврахан горы знает.

Али и бородач внимательно посмотрели друг на друга.

«А вдруг он подослан Делавარханом? — неожиданно испугался Али. — Сейчас кивнет главарю — и все...»

— Будем уходить? — вдруг сразу, без намеков, не опуская взгляда, спросил бородач.

Может, оттого что Али последние минуты только и думал об этом, он непроизвольно кивнул.

— Давай за мной,— скомандовал бородач.

От камня к камню, словно выбирая позицию, Али стал перемещаться вслед за бородачом на левый фланг, подальше от главаря. Он не замечал ни дождя, ни других мятежников, исчезла усталость, им владел только страх, что в последнюю минуту все исчезнет, провалится и свобода, мелькнувшая в лице уверенного бородача, теперь уже навсегда закроет для него свои ворота.

Бандиты нехотя, наугад стреляли из-за камней. Дважды что-то крикнул Делавархан, и выстрелы прекратились. Наступившая тишина испугала Али еще больше, и он затаился за камнем, сжался. Дождь сек по спине, по коричневой трубе гранатомета, еще пахнущего гарью. Прямо перед лицом, раздвигая камешки, прокладывал себе путь ручеек.

— Ты что? — вернулся к нему бородач, тронул за плечо.

— Боюсь, — сознался Али. — Погоди немного, я сейчас... отдышусь... А мы куда пойдем?

— Ты по-русски говоришь?

— Немного. Уже забыл. А что? — не понял Али.

— К шурави пойдем. Крикнешь потом им, чтоб не стреляли.

— Куда?! — изумился Али.— К шурави? К этим?

Он кивнул вперед, где затаились прижатые к обрыву советские солдаты. Бородач кивнул, и Али зашептал ему прямо в ухо:

— Но ведь их... их сейчас всех убьют. Надо уходить назад!

— Их убивают, если ты помнишь, за то, что они хотели спасти афганскую женщину. Может, мою или твою сестру. А вчетвером мы продержимся.— Бородач уверенно стукнул по камню.

— А может, тогда этих отсюда... тихо, сзади, ножом?— искал выход Али. Оказалось, встать против банды было также страшно, как и быть в ней.

— Я коммунист и солдат, Али. Гуламсахи мое имя. А эти,— он кивнул в сторону бандитов,— обманутые и запуганные люди. В бою их убью, а вот так, как мясник,— нет, не могу.

У Али кругом шла голова. Гуламсахи — коммунист? Тогда как и почему он оказался в банде? А может, он агент Бабрака, которых так упорно ищут во всех отрядах? Но разве коммунисты такие? И вообще, как он, Али, пойдет к шурави, если подбил их бронетранспортер? Да они же на месте расстреляют его! Нет-нет, только не к ним. Люди с Севера не признают аллаха, надругаются над их верой. Об этом говорят все.

— Али! Где Али? Гранатометчика к Делавархану,— пронеслось по цепи, замерло рядом.

— Уходим. Быстрее! — Гуламсахи дернул за собой растерянного Али и, почти не скрываясь, побежал вперед.

Али, словно во сне, последовал за ним. Куда он бежит, куда? Зачем? Может, все-таки остаться?

— Гранатометчик! Али! — неслось им в спины, и Гандж Али ждал, когда вместо криков прогремят выстрелы.

И они прогремели — вначале пистолетный, потом винтовочные, а потом, казалось, сами горы обрушились под раскат грома. Али, стиснув голову, юркнул за выступ, прижался к скале. Закрыв глаза, отдавшись во власть аллаха, ждал, пока успокоятся горы.

Когда он раскрыл глаза, Гуламсахи лежал перед ним на спине и дождь хлестал прямо в его полуоткрытый рот. Али со страхом уставился на бородача, понимая, что без него ему не выжить. Через несколько мгновений и он будет лежать под дождем с открытым ртом. Зачем ты погиб, Гуламсахи? Зачем ты увел из банды? Куда идти теперь, что делать? Кто скажет?

И губы бородача дрогнули. Али бросился на колени перед раненым, чувствуя, что это не бородач умирает, а его надежда на спасение.

— Не умирай, не умирай,— шептал Али.

— В Кабуле... полковник Кадыр... Уходи к шурави...— расслышал он еле внятное.

У Гуламсахи приоткрылись глаза, и теперь дождь хлестал и в рот, и в зрачки, но ни один мускул больше не дрогнул на лице бородача.

Али бросил гранатомет, вытащил из-под Гуламсахи его винтовку, побежал дальше. Подворачивались ноги, вокруг гремел гром вперемежку с выстрелами, но ему уже ничего не оставалось делать, как бежать. Бежать, бежать и бежать — от Делавархана, от смертей, от революции, и как можно дальше.

— Стой! — вдруг раздалось спокойное и властное совсем рядом.

Али словно ткнулся в стену — команда прозвучала по-русски.

— Не стреляй, я не душман, я ушел,— начал подбирать русские слова Али, еще никого не видя.

— Оружие на землю. Отойди,— приказал все тот же властный голос, и Али безропотно положил на землю винтовку. Потом, спохватившись, вытащил припрятанный пистолет Абдульмашука, тоже бросил на землю. Как сразу спокойно и безразлично стало без оружия. Будь что будет! Останется жив — во веки веков не возьмет в руки даже ножа. А убьют — еще лучше. Он устал. Как он устал.

Из-за камня выскользнул советский солдат, подобрал оружие. За ним вышел офицер с наспех перевязанной рукой.

— Из банды? — спросил он.

— Да, убежал. Душман — зверь. Мы бежали вдвоем, но Гуламсахи убит, я один...— заторопился Али, путаясь в русских и афганских словах. Может, шурави и в самом деле пощадят? — Гуламсахи сказал...

— Банда вся здесь или кто-то остался у входа в ущелье? — перебил его офицер.

— Вся здесь,— с сожалением кивнул Али.

— Хорошо, это как раз хорошо.— Офицер отступил за камень, и Али, боясь опять остаться один, шагнул за ним.

— Не оставляйте меня. Возьмите меня с собой. Я не хочу быть душман. Они убьют меня.

Советские переглянулись, и Али замер, ожидая ответа.

— Хорошо,— произнес офицер, кивком головы стряхивая с бровей, носа, подбородка капли дождя.— Но пока будешь без оружия. И не вздумай шутить! — Он похлопал здоровой рукой по автомату.

Али вслед за ними отступил за камни, но тут же понял, что бежал он сюда не к своему спасению, а к гибели: горы после небольшой площадки отвесно падали вниз.

Он отпрянул от края пропасти, чувствуя острый холодок внутри себя. Посмотрел на советских. Офицер спокойно всматривался в сторону банды, солдат набивал патронами магазины. Неужели они верят, что вдвоем остановят Делавархана?

— Сколько их осталось? — кивнул вперед офицер.

— Восемнадцать. Теперь восемнадцать.

— Товарищ лейтенант, а может, попробуем все же как-нибудь спуститься и зайти к ним в тыл? — Солдат тоже подошел к краю пропасти, заглянул вниз.

И в этот момент прогремели выстрелы. Али успел увидеть, как качнулся над пропастью солдат, и увидел еще то место, куда сквозь прилипшую к телу гимнастерку воткнулась, разворотив для себя место, пуля — чуть ниже лопатки. И когда солдат должен был упасть вниз — туда, куда только что смотрел, лейтенант в броске схватил его за ремень. Однако солдат, хоть и замедленно, но все равно кувыркнулся вниз, и офицер, цепляясь за землю раненой рукой, подбородком, коленями, носками ботинок, тихо съезжал к краю пропасти.

Рядом засвистели пули. Али сквозь выстрелы и шум дождя услышал голос Делаверхана и в страхе оглянулся. За камнями мелькали фигуры. Надо стрелять. Что же советские?..

Лейтенант был уже рядом с пропастью. Скосив глаза на Али, не поднимая подбородка из какой-то выбоины, он шепеляво прохрипел:

— Штреляй.

Али бросился к оставленному лейтенантом автомату, нажал на спусковой крючок и выпустил весь магазин в поднявшихся в рост прямо перед ним трех бандитов. Лихорадочно пересоединил магазин, выбирая новую цель. Однако муджахедды затаились.

— Отпускай, лейтенант,— услышал он за спиной и, вспомнив про советских, повернулся к ним. Но в этот миг душманы вновь поднялись в атаку, и Али снова упал за камень. И уже сквозь выстрелы слышал:

— Бросай!

— Молчи...

— Зачем вместе?.. Это же не цирк...

Али оторвался от автомата. Лейтенант, уже почти перевалившись за край, вдруг вскрикнул от боли, отдернул из пропасти руку, которой держал Новичкова. Отшатнулся и Али: в руку офицера был воткнут небольшой перочинный нож.

«Неужели сам солдат?» — не поверил своим глазам Али.

Лейтенант тоже некоторое время смотрел на воткнутый в руку нож, на стекающую вместе с дождем на камни кровь. Словно не веря в происходящее, заглянул в пропасть. Потом молча поднялся, закусив губы, выдернул нож. Подержал его, пока дождь не обмыл лезвие, сложил, спрятал в карман. Поднял упавший автомат солдата, устало подошел к Али. Залег рядом. Отсоединил магазин, на вес проверил количество патронов. Изготовился к бою.

— Тебя как зовут? — неожиданно спросил он, посмотрев на Али.

Али удивился не вопросу, а тому, как изменился за эти мгновения офицер. Голос его был глухим, лицо посерело, осунулось.

— Я — Алексей, а ты, ты? — думая, что Али не понял его, вновь спросил лейтенант.

— Гандж Али, — тоже тихо и хрипло ответил Али.

— Значит, Али,— задумчиво произнес лейтенант.— Ну

что же, Али, давай объединяться. За революцию за вашу, за то, чтоб грозы были только мирные. За Олега Новичкова, чтобы гибель его не стала смертью — была подвигом. Борьба — это не цирк на проволоке, Али. Не цирк.

Он больше не смотрел в сторону афганца. Держать ранеными руками автомат ему, видимо, было не под силу, и Алексей чуть приподнялся, установил его в расщелину. Прижал плечом.

«Но теперь он сам будет виден!» — испугался Али.

Как ни спешно их натаскивали по огневой подготовке в лагере, но уж цели отыскивать у них в отряде всякий может. Тем более что за каждую пораженную цель идут деньги...

— Не дрейфь, Али,— словно прочитав его мысли, произнес лейтенант. Али не понял этого слова, но спокойный голос офицера и в самом деле вселил в него надежду на счастливый исход боя.— Для таких гостей у нас всегда есть подарки.

«Подарок — это бакшиш»,— мысленно перевел Али.

В лагере, в Пакистане, не давали думать, что ждет их, идущих в Афганистан на «священную войну» с новой властью. Приучали к другому. «Хорош бакшиш»,— взвешивал на руке самодельный фугас инструктор с европейскими чертами лица, улыбаясь чему-то своему, потаенному. «Бакшиш»,— всякий раз удовлетворенно произносил Делавархан, когда в отряд стали прибывать боеприпасы.

Все понимали, для кого эти подарки. То, что на территории республики таких гостей будут встречать не чаем с лепешкой, а тоже с оружием в руках,— про это думать времени не оставляли. Даже ночь отбирали командиры: за день отряд так выматывался на тренировках, занятиях, что при виде своих одеял в палатке муджахеды падали на них без сил и тут же засыпали. Когда там и о чем думать?

А ведь надо было, надо было каждый день и час помнить, что убийце в родной стране — смерть, а не слава проклятие, а не священный намаз.

Али посмотрел на лейтенанта. Почему он спокоен? От бессилия? Или он безразличен к смерти? Или верит, что победит Делавархана?

А у Спирина просто не оставалось времени на отчаяние. Он осматривал камни и уступы, из-за которых вероятнее всего появление душманов. Определил главное: не подпустить их на гранатный бросок, заставить их пове-

рить, что всякого, кто выбежит из-за укрытия, уже ждет пуля.

Нет, он не вспоминал маму, и жизнь не пролетела у него в одно мгновение перед глазами. Перед боем солдат готовится к бою, ему намного важнее количество патронов в магазине автомата, чем двадцать лет прожитой жизни. Потому что от этих патронов зависело, будет ли он жить дальше.

Правда, на несколько секунд вспомнилась Зарифа, вернее, Алексей подумал: если он погибнет, то никто не предупредит об этом девушку. И будет она думать, что его обещание заехать — так, пустые слова...

У Али заработал автомат — главарь предпринял атаку с фланга. Первым желанием у Спирина было броситься к Али на помощь, но он сдержал себя: от беготни по позиции проку мало, надо держать свой сектор обстрела.

И не успел он так подумать, как из-за выступа скалы в его сторону, непрерывно стреляя, бросилось четыре бандита. Алексей почувствовал короткие, уверенные всплески своего автомата, словно это не он, а кто-то другой выполнял хорошо знакомую работу. Душманов разметало в стороны, и Алексей скосил глаза на Али: почему у него смолк автомат?

Афганец лежал, откинувшись на спину. По его неестественной позе, по выроненному из рук автомату лейтенант сразу понял, что Али убит. Не видя из-за камней, что творится на открывшемся фланге, Спирин выхватил гранату, вырвал кольцо, приподнялся и бросил ее за камни. И в это же мгновение, еще до разрыва, душманская пуля ударила его в грудь, опрокинула, так же как и Али, на спину.

Первое время боли не было. Просто не стало хватать воздуха. Алексей чувствовал, как он слабеет, и тогда, боясь не успеть, потянулся к подсумку, к последней гранате. И только в этот момент пришла боль. Словно рожденная не пулей, а неосторожным движением, она стала заполнять в теле Алексея место, оставляемое силой.

— Нет, не-е-ет,— прошептал Алексей, сопротивляясь такому раскладу.

Увидев уткнувшийся стволом в землю, словно тоже убитый, свой автомат, лейтенант потянулся к нему. Новая боль наполнила тело, но Спирин, закусив губу, дотянулся до ствола автомата. Торопясь, причиняя себе все новую и новую боль, подтянул оружие к себе, пополз вместе с ним к пропасти. Дождь забивал глаза, рот, Алексей уже ни-

чего не видел, и все ощутимее становился воздух, который он не мог ни втолкнуть в грудь, ни вытолкнуть из нее. Боясь опоздать, опустил автомат вдоль тела, подтолкнул его ногой к пропасти. Звук сорвался с обрыва и пропал, оставив боль и дождь.

На ощупь Алексей отыскал усики на запале гранаты, обдирая ногти, отогнул их. Вдел палец в кольцо.

Судьба отмерила ему сил и сознания только на это. Раскатисто, но уже в стороне пророкотал гром, но его окончания Алексей не слышал: ушли и боль, и сознание, и силы...

А Делавархан готовил к броску очередную тройку. В нее попал Содик Урехел, и теперь он заискивающе глядел на главаря, стараясь всем видом напомнить, как верно и преданно он служил ему в походе. Пусть вспомнит Делавархан об этом. Пусть пошлет под пули другого и тогда увидит, как будет есть землю Содик Урехел по единому взгляду повелителя! Но только не его пусть посылает сейчас, только не его...

Однако у главаря не было ни желания, ни времени что-то вспоминать и тем более менять распоряжения. Он спешил и нервничал: дождь заметно стихал, из первых же просветов в тучах вынырнут вертолеты. И вновь найдутся трусы и предатели, которые поползут среди камней...

— Вперед!— поднял он пистолет на Содика и его напарников.

Муджахедды, согнувшись и непрерывно стреляя из автоматических винтовок, бросились вперед, ожидая ответных выстрелов в упор. Наверное, Содик помнил только это, потому что с первых же шагов отстал, начал смотреть по сторонам, выискивая укрытие. И тогда Делавархан, тщательно прицелившись, выстрелил ему в спину.

Содик на мгновение замер. Потом до него, видимо, дошло, что смертельная пуля пришла не от советских, а от Делавархана. Он повернулся назад и даже перед смертью попытался угодливо улыбнуться своему убийце: «Зачем? Я бы землю ел...»

Главарю было уже не до Содика. Два других мятежника все же достигли камней, за которыми прятались советские, мгновение что-то высматривали, потом махнули рукой. Муджахедды, поглядывая на Делавархана, медленно встали из-за укрытий. Крадучись, готовые в мгновение юркнуть, увильнуть от пуль, сужали полукруг.

Выстрелов не было. И тогда оставшиеся в живых бандиты с гиканьем выскочили на плато, где оборонялись шурави.

Сначала Делавархан увидел Али. Пуля попала ему в переносицу, дождь смыл кровь, и во лбу бывшего подчиненного чернела дыра.

«Но нет, ты все равно не революционер, это ты от страха поднял на нас оружие,— успокаивая себя за промашку с Али, пнул его ногой главарь.— Ты был и остался торговцем, ищущим выгоды. И до революции тебе еще далеко. Теперь навсегда. Но то, что ты поднял оружие против меня,— уже плохо».

Советский офицер лежал на спине всего в двух шагах от Али. Оружия рядом с ним не было, это Делавархан подметил сразу: у шурави принято не оставлять его противнику. Вот таких бы бойцов ему в отряд, о-о, как бы он воевал! Дрожала бы не только народная власть, все отряды были бы у него под пятой.

Главарь медленно подходил к офицеру, всматриваясь в еще совсем мальчишечье лицо с закушенной, видимо от боли, нижней губой.

«Э, да он, похоже, просто потерял сознание»,— с удовлетворением подумал Делавархан и перевел взгляд на грудь, где мелко подрагивали сложенные вместе руки. И вдруг отпрянул, увидев меж пальцев рубчатую сетку лимонки.

— Отходи! — крикнул он сгрудившимся на пятачке, дошедшим до края пропасти мятежникам.

Но на этот раз тех сильнее испугал не крик главаря, а рожденный в грозовом еще небе и мгновенно всеми услышанный стрекот вертолетов. Машины вынырнули через рваные клочья туч прямо над ними, и мятежники, забыв обо всем, бросились за валуны. Делавархан, не целясь, выстрелил в лейтенанта, а потом, понимая, что это глупо и бесполезно, однако, не имея сил унять злобу, выпустил всю обойму в вертолет.

...Время подлета вертолетов к ущелью с учетом грозы, обстрела и незнакомого маршрута Слисарь высчитал до минуты. И лишь большая стрелка на часах прилегла на крутой лоб двойки, поднял взгляд на лейтенанта-связиста. Тот помотал головой, разбрасывая дремоту, начал удобнее устраиваться у рации. Глядя на него, прибывший из медбата врач подтянул под руку зеленую сумку с крас-

ным крестом, словно ему прямо сейчас предстояло начинать работу.

От лагерных палаток долетели аккорды гитары, потом тихая солдатская песня:

Над горами, цепляя вершины, кружат вертолеты,
Где-то эхом вдали прогремели последние взрывы.
Только изредка ночью пробьют тишину пулеметы,
Проверяя, а все ли мы живы.
Афганистан, Афганистан,
Афганистан, Афганистан...

Песня отвлекала, мешала сосредоточиться, и Слисарь встал, захлопнул форточку, взглянул на часы. Минутная стрелка ползла по двойке с величием часовой — медленно, совершенно безразлично к заботам и волнениям следящих за ней людей.

— Вышли на банду,— вдруг сразу, без всякой подготовки, бросил связист.

— Есть ли возможность высадить десант? — поторопил Слисарь лейтенанта с докладом.

— Садиться негде, если только с зависания,— доложил лейтенант ответ вертолетчиков.

— Десант! — без малейших раздумий отдал распоряжение полковник.

Сейчас он уже руководил не спасением Спирина — важнее было захватить банду. Спасение лейтенанта и связиста отошло на второй план, оно подразумевалось само собой, а главным... Главным стало не дать уйти ни одному душману в советской военной форме.

Слисарь был зол на обстоятельства, заставившие его на время забыть о подчиненных. Но два года в Афганистане приучили его отыскивать основное в любой ситуации и этому подчинять все. И он заставил себя повторить, приказать себе: главное сейчас — пресечь провокацию.

— Десант пошел,— доложил лейтенант.

Полковник представил, как прыгают из зависших над склонами вертолетов десантники, как, упираясь грудью в тугой вихрь от винтов, бросаются вперед...

Порыв ветра распахнул неплотно прикрытую форточку, пронесся по дежурке, спотыкаясь об углы и стены, и вслед за ним вновь вошла песня:

Здесь про страх и опасность как будто давно уж забыли,
И в минуты отчаянья мы научились смеяться.
Но с друзьями, которых на целую жизнь полюбили,
Мы привыкли надолго прощаться.
Афганистан...

— Десант вступил в бой, товарищ полковник.— Связист не отвлекался от эфира ни на мгновение.

Слисарь облегченно вздохнул — наверное, впервые за сегодняшний день. Управление боем можно было передавать начальнику штаба: командир существует для решения основной, главной задачи. Но Слисарь продолжал слушать солдатскую песню, в то же время неотрывно наблюдая за связистом. Судьба доверенных ему людей тоже была для него важна...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Завтра в Узбекистане сохранится жаркая погода. Ночью возможны грозы...

Из сообщения Гидрометцентра СССР

Зарифа проснулась среди ночи от раскатов грома. Тени, брошенные молнией в углы комнаты, перестук дождинок по стеклу и подоконнику, несущийся по водосточной трубе поток воды — все это встревожило ее, прогнало сон. Она все же попыталась сомкнуть веки, но стало еще страшнее. Тогда Зарифа тихонько окликнула подругу, у которой осталась ночевать из-за грозы:

— Шаха!

Очередная молния вновь осветила комнату, и Шаха, поднявшись на зов подруги, испуганно прикрыла глаза рукой.

— Иди ко мне, Шаха,— переждав рокотание грома, попросила Зарифа.

Шаха перебежала к подруге, нырнула под одеяло, прижалась к ней. Несколько минут девушки, обнявшись, лежали молча на узкой кушетке, прислушиваясь к ночной грозе.

— Зарифа, можно я спрошу тебя?

— О чем?

— Скажи, почему ты отказала Бахтияру? Ведь он так любит тебя и предложение делал, я верю, от чистого сердца,— тихо спросила Шаха.

Зарифа замерла, потом сильнее прижалась к подруге, положила голову ей на плечо.

— Потому что я думаю о другом. И мне очень жаль Бахтияра, который в этом совсем не виноват.

— Ты о том Алексее, чьи монетки хранишь в шкатулке?

— О нем.

— А может, он уже и забыл тот день? Сколько же ты будешь ждать его появления?

— Не знаю. Наверное, долго, потому что с каждым днем я волнуюсь о нем все больше. Глаза у него были такие чуткие, Шаха. Знаешь, они реагировали на каждое мое слово, на каждый жест... Я ведь глаза одни его и помню.

«Все это ты себе придумала»,— хотела сказать Шаха, но вовремя прикусила язык. Словно извиняясь за обиду, которую могла нечаянно нанести подруге, поцеловала ее в щеку.

— Там у него жарко,— тихо заговорила Зарифа, глядя в окно,— и он, наверное, обрадуется дождю. Давай подойдем к окну.

— А молния? — испугалась Шаха.

— А мы возьмемся за что-нибудь алюминиевое, тогда она не тронет,— вспомнила Зарифа поговорку бабушки.— Вот тарелка.

Поежившись, она вылезла из-под одеяла, высыпала из тарелки на стол черешню, протянула ее подруге. Укрывшись одеялом, девушки, держась за тарелку, подошли к окну.

— Представляешь, Шаха, какая красота и свежесть будут утром. Все-таки хорошо, когда идут грозы. Они очищают, омывают землю...

«И пусть будут живы и счастливы, кто охраняет ее»,— подумала она об Алексее.

Не спал в эту минуту и полковник Слисарь. Ночь давно окутала лагерь, а он неторопливо, обстоятельно, боясь признаться себе, что ждет звонка из медбата о состоянии Спирина, убирал свой кабинет. Готовил для нового командира. Переставляя на край стола перекидной календарь, увидел сделанную днем свою торопливую запись: «БТР, 4 чел., бой». Именно эта запись перечеркнула и отодвинула на другие сроки все планы и дела полковника в его предпоследний день в ДРА.

Впрочем, иного здесь не должно быть. Нигде в Союзе Слисарь не видел и не чувствовал такой ответственности людей друг за друга, как здесь. Это помогало переносить разлуку с Родиной, домом, сохраняло многим жизни.

Слисарь вытащил из-под стекла семейную фотографию. Новому командиру остается лишь график распорядка дня, таблица позывных. Карта Афганистана. Телефоны. Сейф. Стол и стулья. А еще — люди. От заместителей до единого солдата. Все.

Свой прощальный ужин Слисарь отменил. Пока не стемнело, руководил поисками связиста, упавшего в пропасть. С рассветом в район ущелья выйдут новые группы поиска. Сейчас же он ждал известий из медбата. Сам не звонил, знал: у операционного стола вот уже третий час стоят лучшие врачи. Что они смогут — сделают. Помоги им сам, лейтенант Спирин.

Полковник подвинул к себе стакан чая, принесенного еще посыльным для Кадыра. Чай был холодный и горький, но сахар класть он не стал. Пил его небольшими глотками, осматривая прибранный, потерявший обжитость кабинет. На телефоне старался не задерживаться взглядом.

Внимание вновь привлекла запись: «БТР, 4 чел., бой». Да, он уезжает, а бой продолжается. Первый вопрос в Союзе, как всегда, будет один: «Когда там все закончится?»

Если бы знать. Да спросили бы любого фронтовика на той же Курской дуге — когда закончится война? И закончится ли вообще? То, что кончится,— это знали, а вот когда... Так и здесь. Все хотят и ждут быстрейшего завершения Апрельской революции. А ведь пять-шесть лет для истории — всего лишь миг, росчерк...

Резко, нетерпеливо зазвонил телефон. Звонить могли только из медбата, после окончания операции или раньше, если...

Чувствуя, как жмет под горло тельняшка, Слисарь оторвал от аппарата трубку, хрипло сказал:

— Да, слушаю.

— Товарищ полковник, из медбата просят соединить с вами,— раздался звонкий голос телефониста на коммутаторе.

— Да, да, я жду. Давайте...

«Быстрее», — закончил фразу уже про себя Слисарь, вслушиваясь в мерное потрескивание эфира...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Союз Советских Социалистических Республик, город Энск, войсковая часть №...

СЛИСАРЮ Александру Евгеньевичу

Александр Евгеньевич, здравствуй. Небось куришь свой неизменный «Беломор» и гадаешь, кто такой Кадыр? Вспо-

минаешь? За годы, прошедшие после нашего расставания, многое изменилось.

Но разговор сегодня не обо мне.

Помнишь, перед самым твоим отъездом из республики ваши солдаты спасли афганскую девушку? В тот же день еще гроза была (кстати, в Кабуле сегодня опять дождь). Эта девушка, Абида, сейчас моя приемная дочь. Недавно она рассказала, что якобы среди душманов в доме Карима видела человека, очень похожего на ее брата. Взятых в плен бандитов из отряда Делавархана мне разыскать не удалось, слишком много времени прошло. А вот вчера совершенно случайно от ваших товарищей я узнал, что вроде бы лейтенант, который был в той группе, жив. Я и подумал: может, он что знает? По старой дружбе и памяти, если сможешь, постарайся найти его и расспроси подробно о том бое. Вдруг что-то прояснится.

Письмо передай с кем-нибудь от отпускников.

Обнимаю тебя. Буду с надеждой ждать ответа.

Солдат Апрельской революции Кадыр А.

Демократическая Республика Афганистан, город Кабул, аэропорт.

Товарищу КАДЫРУ А.

Алейкум салам, дорогой Кадыр.

Рад твоему письму. Знаю, как ждешь моего ответа, поэтому пишу в тот же день и сразу о деле, волнующем тебя и твою дочь.

Лейтенанта Спирина искать не нужно было — он служит у нас в части. Правда, полученные раны не позволяли ему продолжать службу в армии, но он добился своего. Сейчас он замполит батальона.

В том бою к ним перебежал от душманов парень-афганец, потом они вместе вели бой. Парня он запомнил плохо, не до того было. Помнит имя — Али. Парня убило в голову за несколько минут до того, как он сам получил ранение и потерял сознание. Это все, что он сказал мне по телефону. Спирин сейчас в отпуске, в Ташкенте, вроде намечается у него там свадьба. Если еще что вспомнит, я сразу же сообщу тебе, только пришли подробный свой адрес.

Обнимаю.

А. Слисарь.

ПЕРЕВАЛ

I

Все произошло для Расула стремительно и неожиданно. Когда на улице послышались выстрелы и крики, он, на ходу одеваясь, рванул дверь, но тут же в грудь ему воткнулся ствол винтовки.

— Душман?

Высокий, заросший щетиной сарбаз прижал его стволом к дверям.

— Душман? — повторил он глухим, простуженным голосом, надавливая на винтовку.

— Нис, нис,— замотал головой Расул.— Дуст, рафик[1].

— Если все вы здесь друзья, то кто же тогда стреляет? — злобно спросил солдат. — Мужчины еще в доме есть?

— Отец. Он болен.

[1] Дуст, рафик — друг, товарищ.

— Проверим. Эй, кто там, давай сюда, — позвал сарбаз пробегавших мимо распахнутой калитки солдат.

Те заполнили двор, заглянули в хлев, в колодец, осторожно вошли в дом. Расул хотел было пойти за ними, но его остановили, тщательно обыскали и подтолкнули к калитке. Сопровождавший солдат молча кивнул ему в сторону площади.

Там уже широким кругом сидели на корточках захваченные в кишлаке мужчины. Расул, ни на кого не глядя, присел с краю, склонил, как и все, голову.

Второй раз за этот год он попадается при прочесывании долины солдатами Бабрака. Зимой спасла справка, купленная в Кабуле за двадцать тысяч афганей, будто он уже отслужил три года в парашютной бригаде «Командос». Она и сейчас лежала в кармане, но, говорят, этих справок по стране уже столько, что на них никто не обращает внимания. Но это — единственная возможность оправдаться при проверке. Других документов у Расула не было, если не считать зашитого в воротник пиджака удостоверения о принадлежности к отряду Абдуллы Саттары. Но лучше бы этот пиджак он не брал из дома: если найдут удостоверение при обыске — прямей пути в тюрьму нет. Но неужели будут рыться в одежде? Вон ведь сколько народу приведено!

Расул незаметно оказался в центре задержанных, а их все вели и вели — группами, поодиночке. Неужели никто из них не слышал, как подошли к кишлаку бабраковцы? Да колыхнулась бы рожь не в ту сторону от чьего-то предательства — и вместо этой толпы сидели бы сейчас здесь старики, калеки да дети. Тихо взяли, прямо в домах, почти без выстрелов. Что-то будет дальше?

Расул искоса начал оглядывать собравшихся. И сразу же вздрогнул, увидев у стены Фарида и всех тех, кто бросил вчера отряд Абдуллы. Кому и как они теперь докажут, что ушли сами, что порвали с басмачеством навсегда и что с сегодняшнего дня они собирались начать новую жизнь?

Он припомнил свою вчерашнюю встречу с Фаридом.

— Тоже в разведку? — спросил он Фарида, когда встретил людей из отряда на окраине кишлака.

— Нет, — ответил гранатометчик. Сейчас у него на плече висел карабин, и Расул насторожился.— Мы ушли из банды. Советуем и тебе сделать то же самое, пока не поздно.

— А как же Абдулла? — удивился Расул.

— Пусть он лучше уходит из долины. Если пойдешь к нему — так и передай. Но лучше не ходи.

Расул стоял в полной растерянности. Как это — пойти против хозяина? Да он же их, да он их...

Что сделает Абдулла с двенадцатью ушедшими из отряда с оружием людьми, Расул не мог представить. Двенадцать — это не один, да и не надо забывать про оружие. Стой, но ведь и с Абдуллой тоже осталось двенадцать человек! Да, точно двенадцать! Что же это получается? Выходит, с кем пойдет Расул — те и будут сильнее на одного человека? Прятаться как загнанный ягненок по ущельям, обирать дехкан в пользу священной войны и вечно ждать гнева Абдуллы, честно говоря, Расулу давно надоело. К тому же в долину, которую Абдулла объявил своей зоной, чаще и спокойнее заходили правительственные войска, чем сам хозяин, и это тоже говорило о трудностях впереди.

Но все равно Абдулла еще силен, у него много сильных друзей в Пакистане, много денег. Да и клялся ему на Коране Расул в вере и стойкости.

— Ну, так ты с кем? — нетерпеливо спросил Фарид.

— Я подумаю,— стараясь не смотреть на бывших братьев по борьбе, тихо сказал Расул. Сел на камень, снял галоши, в которых всегда ходил в разведку, в них удобно лазить по горам. Опустил разгоряченные ступни в арык. — Идите, я пока не знаю...

Он так и не посмотрел на стоящих над ним людей, и поднял голову, когда их скрипучие шаги по речной гальке уже начали стихать. Двенадцать человек возвращались к своим семьям, к невспаханной земле, к успокоенности и миру с новой властью. Расул же сидел на камне до самого вечера. Так ничего для себя и не решив, поднялся. Обойдя камень, остановился на тропе и рассудил, что переночует дома, в кишлаке, а утром пойдет в горы. Абдулла после раскола наверняка снимется со старого места, вот и получится, что Расул вроде и не бросал его. Если бы не приход бабраковцев, можно было считать судьбу обманутой.

Пересев к Фариду спиной, Расул вновь украдкой огляделся. Солнце поднималось над плоскими крышами домов, на которых черными статуями стояли женщины и смотрели на площадь. Несколько жен, подталкивая вперед ребятишек, появились с другой стороны площади. Среди задер-

жанных прошло оживление, но никто не махнул рукой, не кивнул головой, боясь привлечь лишнее внимание. Расул увидел среди женщин и сгорбленную фигурку своей матери под выцветшей фиолетовой паранджой, но тоже опустил голову. Абдулла говорил верно, тыкая указательным пальцем с черным ногтем в грудь: хочешь жить спокойно, убей не только врага, но и лучшего друга. А сейчас, среди поставленных на одну черту людей, надо быть особенно осторожным и незаметным: вдруг кто-то бросится спасаться за счет других, предавая в первую очередь наиболее заметных? Нет, надо сидеть тихо, как мышь. Глупцы даже те, кто выходит из круга, подстилает платок, становится на колени и молится.

Так и жила площадь ожиданием. Знали мужчины, знали женщины, что для кого-то идут последние минуты перед разлукой. Но укажи сейчас на таких — палящее солнце не высушит тех слез, что покроют лица жен и матерей.

Солнце открыло, высветило всю площадь, когда с ревом влетели на площадь бронетранспортеры с припудренными пылью гербами республики на броне. Охранники сразу уперли стволы винтовок в толпу, зарыскали глазами.

Среди приехавших был и гражданский — в очках, с наброшенным на голову одеялом. Его вели под руки, затем посадили прямо посреди площади. Поправили одеяло, закрывая им даже выступившие колени. И задержанные поняли, что с этой минуты их жизнь зависит от этого человека.

Солдаты подняли из круга сидевшего крайним мальчишку, подвели к странному человеку. Тот осмотрел его и махнул в правую сторону. Следующего осмотренного послал в левую. Люди только успевали вертеть головой, не понимая вершившегося.

А конвейер работал без устали. Расул, уползая от края сужающегося круга, не мог уловить логики в сортировании людей. Если вправо шли немощные старики и те, кто имел хоть какой-то достаток в доме, то влево посылались и те, кто был в банде Абдуллы, и те, кто открыто поддерживал новую власть.

Тревога на площади, казалось, пропитала воздух. У людей не было сейчас сильнее желания, чем узнать, кто скрывается под одеялом, чьи глаза закрыты черными очками. Радоваться своему распределению или уже прощаться с белым солнцем, коричнево-синими горами и за-

стывшими фигурами родных и милых женщин? Как смотреть на этого человека: с ненавистью, заискивающе или лучше показать ему свой страх и готовность отплатить потом чем угодно, пусть только намекнет, что был он...

Наконец выхватили, повели на опознание Расула. Хрустящая справка, зажатая в ладони, вмиг намокла от пота. Перестали слушаться ноги, и Расул дерганой, неуверенной походкой пересек площадь.

Солдаты начали задавать какие-то вопросы, отвлекать от черного человека, но Расул все равно не мог отвести взгляда от его сгорбленной фигуры. Кто же это? Куда и зачем он распределяет? Для кого он друг, а для кого враг? Слушает он голос аллаха или только свое сердце, когда выносит приговор? Да и можно ли верить человеку, который прячет свое лицо?

Расул впился взглядом в медленно поднимавшуюся руку: куда его? И вдруг словно тысячи стрел впились во все тело. Он отпрянул: на указательном пальце был черный ноготь. Абдулла? Главарь?

— Давай иди, не задерживай, — его подтолкнули в спину, и ошеломленный Расул безропотно пошел на указанную ему правую половину.

Что произошло, что творится в этом мире? Почему попавший в руки правительственных войск или даже сдавшийся им сам Абдулла распоряжается судьбой своих бывших «братьев-мусульман»? Почему ему верят? Правая половина — это жизнь или смерть?

Расул оглянулся и увидел, как черный палец Абдуллы без замедления посылает на левую сторону всю группу, ушедшую вчера с Фаридом из банды. И Расул, наверное, первым понял, что их половина — это половина жизни. Выходит, Абдулла верит, что Расул просто не успел вернуться из разведки. Значит, пока все идет хорошо, можно верить в свободу и радоваться, что повстречался с Фаридом и решил заночевать дома. Аллах милостив к тем, кто служит ему разумом и сердцем. Теперь можно и помолиться. Ла-илаха-илаллах![1]

Вытекало человеческое море, разбивалось об Абдуллу и текло дальше двумя реками, одной из которых суждено высохнуть, уйти из жизни. И, подобно этому, разделялись на две группы, в точности повторяя перемещения на площади, молчаливые фигуры женщин.

---

[1] Ла-илаха-илаллах — не существует бога, кроме аллаха.

«А вдруг военные поймут Абдуллу? — подумалось Расулу, и он замер в страшном предчувствии. — Возьмут и нас — под расстрел, а левых — на свободу?»

Расул наклонил голову, стараясь отстраниться потной шеей от воротника, в котором было зашито удостоверение муджахедда.

«Надо как можно быстрее выбросить его, — лихорадочно забилась мысль. — Выбросить, выбросить. Нет, лучше изорвать и съесть. Прямо здесь, сейчас».

Сидевший рядом старик со слезящимися от трахомы глазами неожиданно протянул ему жестяную коробку, угощая зеленым жевательным табаком, но Расул испуганно отпрянул. Замотал головой. Какой может быть табак, если по площади пролегла черта, отделяющая жизнь и смерть. И что самое страшное, эту черту доверили проводить черным пальцем Абдулле, которого самого, если по справедливости, нужно распилить на части. Как можно будет спокойно жить дальше, верить и на что-то надеяться? Завтра приведут в очках другого, и тогда будешь зависеть от него?! Неужели новая власть так глупа и перепроверки не будет?

Для Расула это был бы худший вариант, но ему почему-то стало жаль Фарида и его товарищей. Сумеют ли они доказать, что сами ушли из банды? О своей невинности будут твердить все до одного, да там такие и есть, но захочет ли кто различить честный голос в этом пении? Каково тем, с кем Абдулла просто сводит счеты? Кому поверят в ХАД: им или главарю, который скажет, что они состояли в банде или помогали ей?

Наконец к Абдулле подвели под руки последнего немощного старца, главарь что-то напутал, аксакала вначале повели влево, потом вправо, а потом просто оставили посреди площади.

И сразу забегали солдаты, заурчали бронетранспортеры. В этой суматохе неизвестно куда исчез Абдулла, но людям было уже не до него. Группу, где был Расул, остался охранять один сарбаз — бородатый солдат, арестовавший Расула утром. Другую сажали на бронетранспортеры. Заголосили женщины, подступая почти к самым машинам. Мужчины сдержанно махали им, что-то кричали. Щеголеватый старший капитан, похлопывая тутовым прутиком по голенищу сапога, обошел колонну, вспрыгнул на последний БТР.

Машины, подняв пыль, тронулись. Старший капитан

вначале отвернулся от нее, но потом юркнул в люк, захлопнул крышку. Сидевшие на броне, задержанные и охранники, замотали лица шарфами. На пыль не обращали внимания лишь дети и женщины, побежавшие вслед за колонной.

Теперь Расул ждал своей участи.

II

Взвод старшего лейтенанта Ивана Трунина готовился к сдаче перевала и находящейся на нем разработки цветных металлов. Вначале их должны были сменить мотострелки, но затем «Южный» передал окончательную радиограмму: охрану перевала сдать афганскому подразделению. Срок — пять суток.

Старший лейтенант сидел на койке и перебирал содержимое своей тумбочки — поставленного на попа снарядного ящика. В отведенные пять дней входили и личные дела, и хотя из них у командира взвода и была лишь тумбочка, он выкроил время и для нее. Вернее, для трех стопок писем — от родителей, друзей-знакомых и Гали.

Ее стопка — четыре письма и открытка города, где они познакомились. «Ты помнишь этот город? Этот город помнит тебя. Ты любишь этот город? Этот город любит тебя. Возвращайся скорее, уж лист облетел, уже небо осенними плачет слезами... Город ждет тебя, человек. Приезжай!»

Иван вначале повторил эту надпись на память, потом перевернул открытку. Широкий, с крупными буквами почерк Гали он теперь отличит из тысяч. А ее саму? Узнал бы он сейчас ее в толпе, с первого взгляда? Наверное, нет, все же десять минут знакомства и год разлуки...

«Почти забыла глаза твои, и образ твой почему-то беспощадно тускнеет. Но в то же время отчетливо — до звуков и запахов — помню нашу встречу. Словно ощущаю руку твою в первом и последнем осторожном прикосновении к моему плечу при расставании. Пришли мне свое фото — я не хочу забыть тебя.

Всю зиму ждала твоих писем, надеялась на встречу, а письма все не приходили, а ты все не приезжал. Я понимала, что это нереально, но верить не хотелось. Не хочу верить, что у нас и разные судьбы, потому что полюбила тебя необыкновенно...»

Галя-Галина, милый, добрый человек, поэтическая душа. В каких краях пролегали их пути-дороги раньше? Почему не пересеклись, не подошли друг к другу на вытянутую руку, на взгляд?

«Добрый день!

Здравствуй, Ваня! Получила твое письмо, и хотя рада ему необыкновенно, закралась в душу мою тревога. А ведь и верно ты подметил, что есть между нами такая грань, за которую тебе нельзя, а мне тем более. Но думается мне, что большого греха мы не совершили, ничего недозволенного не было в наших отношениях. Разве что само наше знакомство да четыре письма — два твоих и два моих. И это ли грех, что я по ночам шепчу строки твоих писем? Ты верен своей жене, а где найдется сила, которая запретит мне любить тебя? Нет ее. Бессильны громы, молнии, расстояния, наговоры и даже, наверное, смерть.

Да, я люблю тебя. И поверь мне, друг мой милый, неверно говорят, что самая сильная любовь — первая. Сильнее последней любви нет.

Не сердись, Ванечка, за это письмо. Это то ли дождливая, долгая и незаметная весна, то ли еще что.

До свидания. Галя».

Четыре письма — четыре времени года, год службы Трунина в ДРА. Он почти наизусть знал ее третье — летнее письмо. Оно пришло вместе с письмом от жены. Он держал их в руках, два конверта из Союза от двух женщин, чьи имена были для него по-разному дороги, и не знал, чье читать первым.

— Читай оба сразу, старшой, — крикнул капитан-связист, по пути подбросивший для взвода почту от «Южного». — Строчку оттуда, строчку отсюда — будешь самым любимым. Счастливо оставаться.

Первым все же Иван открыл письмо от жены, торопливо развернул листок.

«Прости меня, Иван, но я подала на развод. Наша любовь, ты же знаешь, никогда не отличалась истинными, без остатка, чувствами. Не будем обманываться, пока нет детей. Только, пожалуйста, не пиши мне. Тем более, что я, кажется, полюбила другого.

Прощай. Света».

Трунин поднял взгляд. Десантники, получившие письма, разбрелись по перевалу, ища укромные местечки. Остальные усиленно интересовались газетами. И кого больше проверяет Афганистан: офицеров здесь или жен в Союзе?

Почему у других все хорошо? Почему другим есть кому послать вырезку из «дивизионки» со стихами Симонова «Жди меня», а ему вот нет? Где потерялась любовь и была ли она вообще? Кто здесь, на перевале, подскажет? Коля Брянцев, которому только-только двадцать?

Замкомвзвода сержант Брянцев коптел над списком имущества, нажитого за год службы на перевале: слева — что увезти с собой, справа — оставить афганцам.

— Учесть все до последнего гвоздя, — дал еще утром указание Трунин своему помощнику.

— А те, что из сапог вытаскивали, тоже вписывать?

— Эти, Коля, впиши себе в память, — улыбнулся старший лейтенант.

А ведь были на вес золота и они.

Первое, чего хватились после высадки на перевале — гвоздей. Брянцев вначале не обратил внимания на просьбу командира первого отделения Кости Фроландина. И даже когда командир второго Борис Кузьмин поинтересовался, где их взять, замкомвзвода написал шутливую записку в третье отделение с предписанием выдать соседям двадцать пять гвоздей «сотка». Но когда с этой запиской прибежал удивленный Миша Гусаренко и затараторил, что у него у самого ни одного гвоздя в отделении, что все хотят выехать на Гусаренко, что не обязательно у украинца все должно быть, тут же Брянцев произнес свое любимое: «Не понял», — и приказал сержантам перевернуть и вывернуть каждую упаковку. И через час на полевую сумку командира легли, испуганно прикатившись друг к другу, шесть разномастных гвоздей и пятнадцать ржавых шурупов.

Еще через час лично Трунин после долгих прикидок выдавал сержантам каждую щепочку или кусок веревки.

— Камни, ребята, камни — лучший строительный материал, — казня за промашку в первую очередь себя, сновал среди десантников Брянцев. — Прогресс двигают вперед лентяи и крайние обстоятельства.

— А почему лентяи? — не понял кто-то.

— А потому, товарищ Петя Буховцев, что, если я дам тебе команду дробить камни, ты по своей исполнительности возьмешь кувалду и будешь стучать. А лентяй начнет придумывать всякие машины, лишь бы не работать самому. Уловил?

— Что-то ты пока ничего не придумал, — по праву погодка съязвил в сторону замкомвзвода Буховцев, который и в самом деле дробил кувалдой камни.

— Не понял, — повернулся к шутнику Брянцев, но Петя поднял молот для очередного удара, и ему пришлось отскочить в сторону.

В первую очередь строили укрытия для боевых машин, окопы для боевого охранения, душ и туалет. Когда все под рукой — оно вроде и не сложно, но если из подручного лишь камни — не только у Брянцева будут болеть язык, шея, спина и руки. На наблюдательных постах работа шла и ночью, а утром Трунин, экономно умываясь после физзарядки кружкой воды, дал команду до завтрака думать всем.

Вот тогда-то Черемных и принес сто восемь сапожных гвоздей, раскроив свою обувь из подменного фонда. Дело нашлось и для этих коротышек, но Трунин категорически запретил принимать подобные решения без его ведома.

И тем не менее вначале жили — не тужили, все казалось хорошо. А когда через неделю вертолеты подбросили с «Большой земли» вместе с продовольствием все забытое и плюс кое-что по мелочам для быта, начались мечтания. Про баню, ленкомнату, уголок отдыха, столовую, спортуголок...

— Я на объектах, — сказал Трунин замкомвзвода.

Сложил письма назад в тумбочку и шагнул из домика прямо в перегретый, обжигающий горло воздух ложбины.

Четыреста на четыреста метров в этом квадрате, легшем на перевал, Трунин прожил со взводом почти год. Вернется в Союз — вот уж расскажет друзьям-знакомым о загранице, о загадочном Востоке. Про выдолбленный взрывом окоп на северной четырехсотке, про натасканные валуны на южной, про ложбину в центре, словно специально для штабного домика сотворенную природой. Про застывающий, с увязшими в нем солнечными лучами воздух летом и его вымороженность зимой, когда он сам однажды, не выдержав холода, выпустил в воздух очередь из автомата и стал греть руки на его потеплевшем стволе. Можно, правда, добавить, что за этот год на перевале не было ни одного подрыва на минах людей и техники, сохранена разработка, но это вроде так должно быть и к восточным достопримечательностям не относится. Вот и вся заграница!

Трунин прошел в спортуголок. Поднял штангу — лом и траки по краям. Рядом лежало с десяток гантелей — две банки из-под масла, залитые цементом, а посредине отполированные до стального блеска пальцы из гусениц. Сна-

рядные ящики с песком. Сектор для толкания камней. Волейбольная мини-площадка для команд по три человека. Выжили, черт возьми. Занимались, играли, веселились. Радовались: «Хорошо, что не на льдине где-нибудь в море, там, наверное, было бы хуже».

Душевая — два корыта, склепанных из жести. Старший лейтенант хотя и не сомневался в дотошности санинструктора сержанта Борзова, вошел за мешковину, посмотрел порядок. В углу стояло обтянутое клеенкой кресло — гордость взвода. С ним у старшего лейтенанта были связаны особые воспоминания, и командир взвода до мельчайших подробностей помнит, как оно появилось.

Когда в бочке из-под огурцов показалось дно, Брянцев укатил ее к строящемуся «личновременным» способом штабному домику, он же лазарет для больных, он же приемная для гостей. Пятого мая, когда Трунин, подмигнув в бритвенное зеркало, поздравил себя с двадцатитрехлетием и вышел из палатки, Брянцев и Гусаренко под губной туш стоящего рядом взвода преподнесли ему это кресло — наполовину распиленную бочку с полукруглой спинкой.

— Товарищ старший лейтенант, — краснея от ответственности, тем не менее громко начал замкомвзвода. — Разрешите поздравить вас с днем рождения, пожелать всего самого доброго и подарить вам это кресло, на котором почти прилично можно отдохнуть от таких подчиненных, как мы.

Из строя вышел Фроландин, протянул командиру гильзу от зенитки.

— Возьмите и это, товарищ старший лейтенант. В этой капсуле земля, вернее, каменная крошка с нашего перевала и адреса всех солдат взвода. Когда станете генералом, а мы верим в это, вскройте капсулу и сообщите об этом нам. Мы обязательно вас поздравим и вспомним об этой земле. Возьмите.

Взволнованный Трунин одернул китель, отыскал в кармане солнцезащитные очки. Проморгавшись за ними, снял, вновь одернул форму. Пожал руки Фроландину, Брянцеву, остальным кивнул. Потом обошел всех и сказал «спасибо». Капсулу с выцарапанной ножом датой он запрятал в рюкзак, а кресло перенес в душевую. Впрочем, была бы возможность — увез бы его с собой в Союз. И этот спортуголок, и склон горы, на которой белым камнем ребята выложили слова из детской песенки: «Пусть всегда будет солн-

це!» И керосиновую лампу, и табличку с расписанием боевого расчета, сколоченную гвоздями из сапог пулеметчика Вити Черемных, и... сам перевал.

Казалось, надоел он до печенок, приелся, как геркулесовая каша, сил нет смотреть на эти камни. А вот пришла пора покидать этот край — дошло до сердца, что уезжаешь отсюда навечно. И останутся на память об Афганистане только воспоминания да капсула с землей и адресами. Не сядешь на самолет и не прилетишь на встречу со своим лейтенантством. «Солдатские окопы в далекой стороне — я в них познал науку солдата на войне», — поет под гитару вечерами Костя Фроландин. Даже по его песням судил командир взвода о взрослении своих подчиненных: если вначале ребята любили тянуть есенинские мотивы, то сейчас, перед увольнением в запас, песни стали строже, тверже, чеканнее. Такие солдаты, как у него сейчас во взводе, какого угодно командира не то что в генералы — в маршалы выведут.

Командир взвода вышел на дорогу, поднялся на перевал. На наблюдательных постах закачались обшитые мешковиной каски: подчиненные показывали, что служба идет, волноваться не стоит.

Что ж, может, и не стоит. Это вначале Трунину казалось, что его перевал — наиглавнейший в Афганистане, что минимум через час после их прихода сюда полезут душманы и для взвода начнется непрерывный бой.

Вспоминая себя тогдашнего — мечущегося от наблюдателя к наблюдателю, нервирующего, наверное, подчиненных, он сейчас снисходительно улыбнулся. За год сюда пытались сунуться две мелкие группы душманов, это уже обросло солдатскими легендами, а так перевал был где-то местного значения, пропускал тридцать — сорок машин в сутки и особых хлопот у командования не вызывал. Если за эти пять суток ничего существенного не произойдет, то можно считать свой интернациональный долг в Афганистане выполненным.

— Эй, Ваня,— услышал он голос Гуляма.— Россию смотришь?

Афганец шел к нему от своей палатки, и Трунин невольно залюбовался младшим лейтенантом. Гулям был юн, подвижен, влюблен в военную форму и нескрываемо гордился кинжалом и револьвером, приспособленными на пестрящем заклепками ремне. Он принимал у Трунина перевал и прибыл на несколько дней раньше своего взвода,

чтобы изучить систему охраны и обороны, присматривался к местности, перенимал какие-то мелочи из отлаженного быта шурави! Знание же Гулямом русского языка снимало преграды в общении.

— Салам алейкум, Гулям,— протянул обе руки для пожатия Иван.— Что-то долго спал сегодня. Так и молодость проспишь.

— Какая неправда, Ваня,— сокрушенно покачал головой афганец и расправил плечи.— У меня еще усы хорошо не растут, а ты уже о бороде говоришь. Что будем делать сейчас?

— Наверное, готовиться к встрече с твоими людьми.

— А почему твои десантники там, у камней, ползают между ними?

— Занимаются тактикой.

— Ты думаешь, что твой солдат — плохой? — удивился Гулям.— Да если бы у меня были такие воины, я бы на смерть с ними пошел.

— А я, Гулям, хочу, чтобы они домой вернулись.— Трунин посмотрел на ложбинку, где свободное от караульной службы отделение Фроландина отрабатывало приемы.— И тебе советую, Гулям: люди должны быть уверены, что они умеют все. Тогда не будет растерянности в бою, а это — первый шаг к победе.

— И солдатам нравится так ползать? — после некоторого молчания спросил афганец.

— Я думаю, что нет,— ответил Иван.— Но чем больше солдат проползет на учениях, тем длиннее будет его жизнь. Так что здесь мне, как командиру, выбирать не приходится. Согласен?

Афганец неопределенно пожал плечами, на погонах блеснули звездочки и эмблемы, и Трунин подумал, что надо посоветовать снять Гуляму все сверкающее на груди и плечах: снайперы блестящее любят.

Храбрости и удали Гуляму, видимо, не занимать. Но жизнь кроме геройства заставляет по крупицам собирать военный и походный опыт, чего у младшего лейтенанта пока нет. И надо дать ему как можно больше советов сейчас, чтобы изгнать неудачи с этих четыреста на четыреста метров. Пусть даже Гулям что-то пока не воспримет, обстановка потом покажет. Лишь бы удаль и отвага не толкали его на риск ради похвалы и награды, не прервались подвигом, рожденным безалаберностью или неопытностью. Единственный подвиг, который требуется от командира и

за который надо поощрять — это создание обстановки, исключающей жертвенность. Даже героическую. Ценнее этого для офицера ничего нет и не будет.

Все это думано-передумано Труниным не раз и ложится в мыслях легко и прочно. А о чем будет думать за его столиком Гулям? Вроде мелочь, а уже и не безразлично. Как наверняка не безразлично теперь всему советскому народу, что происходит здесь, за Гиндукушем...

В долине раздался выстрел, среди зелени деревьев пронесся, отыскивая себе преграду, ярко-красный трассер. Словно торопясь не опоздать, вслед за ним прогремели еще три-четыре выстрела, и все затихло.

— Что-то в последнее время начали постреливать,— озабоченно сказал Трунин, рассматривая в бинокль долину.— Твои люди когда должны подойти?

— Да уже надо бы,— бросил взгляд на часы младший лейтенант.— Может, это они?

В долине вновь прогремело несколько выстрелов. Теперь Гулям с некоторым беспокойством и растерянностью посмотрел на Трунина. Тот окинул взглядом лагерь: каски наблюдателей замерли, отделение Фроландина получало от Брянцева какую-то задачу.

— Когда точно должны были подойти твои люди? — повернулся Трунин к Гуляму. Тот, вытащив пистолет, судорожно загонял патрон в патронник.— Подожди, Гулям, успокойся. Когда должен был прибыть отряд?

— Через... через...— младший лейтенант наконец зарядил оружие, облегченно передохнул: — Через полтора часа всех двадцать человек должен был подвести к перевалу агитатор уездного комитета партии Мохаммад. Он работает в уезде вместе со своей сестрой.

— Ты их всех знаешь?

— Нет, не всех. Я своих сарбазов еще ни разу не видел, их наберут из добровольцев. Я знаю Мохаммада и его сестру Марзию. Но смотри,— Гулям указал вниз.

Веер трассеров взмыл вверх, набрал высоту. И не успел он еще начать падать вниз, затухая бледно-белым цветом, как под этим салютом мгновенно родился бой с захлебывающейся перестрелкой и разрывами гранат.

— Это уже хуже,— произнес Трунин.— Гулям, идем к людям.

III

Черный палец Абдуллы указал Расулу не только место на площади. Судьба словно ждала этого указующего перста, чтобы взять в галоп и понести своего хозяина между светом и тьмой, между холодом и жаром.

— Братья! Ни на север, ни на восток, ни в какую другую сторону от нашей священной земли, ни в одни века не было случая, чтобы империалисты поддерживали прогрессивные революции.

Давайте разберемся, кто друг, а кто враг в нашей стране. Душманы говорят, что мы безбожники, а у нас в гербе — минарет и Священное писание. Душманы говорят, что они борцы за веру. Но почему у них тогда столько партий? Почему душманам помогают американцы? Да только потому, что, если будет свергнута новая власть, главари банд сразу же отдадут Америке наши полезные ископаемые. В нашей провинции действуют банды Гульбуддина. Но у собаки Гульбуддина автомат китайский, пулемет английский, нож пакистанский, поводок американский, а смерть все равно будет собачья. Смерть Гульбуддину! Смерть врагам нашим! Аллах акбар!

Все это выпалила на одном дыхании девушка-агитатор, неизвестно когда появившаяся на площади. Для нее подогнали бронетранспортер, и комсомолка гордо стояла на башне, стремительно оглядывая оставшихся на площади людей. Это было удивительно и непривычно — девушка учит убеленных сединами аксакалов и старших по возрасту, поднялась выше их и без устали говорит, говорит. Расул даже где-то в глубине души позавидовал: стоит, никого не боясь, и словно суру из Корана читает по памяти.

— Братья! Главари банд обманывают благородный афганский народ, уверяют его, что они истинные борцы за веру и счастье народа. Но правоверный мусульманин никогда не пойдет против своего народа, не взорвет мосты и не уничтожит посевы. Правоверный мусульманин не поднимет руку на муллу, служителя аллаха. Он не погубит ребенка, не уничтожит больницу и не убьет учителя, который несет знания детям. Это делают лишь враги Родины — душманы. Можно ли после этого называть их мусульманами? Нет!

Агитатор выбросила вперед руку и словно ударила ею по толпе: люди еще ниже опустили головы. Расул вдруг

на миг представил, что девушка-комсомолка узнает, перед кем она сейчас выступает, о ком и кому рассказывает. Тогда наверняка в ее руке будет автомат...

— Но нашу революцию им не погубить. Народ все больше понимает, что только в рядах вооруженных сил республики, царандоя и в отрядах защиты революции можно действительно помочь своему народу быстрее покончить с бандами. И я призываю вас, братья, вступить в создаваемый в нашем уезде отряд защиты революции. Родина ждет от вас подвигов. Подходите по одному.

Может, и есть где люди, готовые вслед за словом девушки завязать глаза и пройти по бревну над пропастью. Скорее, такие нашлись бы среди тех, кого увезли на машинах в провинцию. А оставшиеся на площади даже не переступили с ноги на ногу. Люди знали: записываться можно куда угодно, вон в ИПА[1] — всего одну рекомендацию и сто афганей взноса. Но попробуй выйти из нее — миллиона не хватит рассчитаться. А в этот отряд революции, видать, вообще бесплатно зазывают, значит, и жизнью потом не расплатишься, когда уйти захочешь.

Нет, агитатор юна, а потому жизнь ей кажется не дороже камней, валяющихся на площади. А камень — он и есть камень, хоть и лежит посреди Азии.

— Ну, кто записывается в отряд защиты революции? — уже тише, без прежнего запала спросила комсомолка.

Люди сразу уловили эту перемену, задвигались, зашептались. Выброшенная вперед рука уже не давила их, превратившись из указывающей в просящую. А в этом случае они имели полное право не давать в нее ничего.

— Стары мы, кости не греют...

— Землю поливать надо, урожай гибнет...

— Мы уже служили, у нас справки есть...

Мужчины стали подступать к бронетранспортеру, и агитатор повернулась за поддержкой к стоящим рядом солдатам. Расул со страхом увидел, как от них отделился «его» бородач, медленно вошел в толпу.

— Ты, ты, ты,— он высматривал самых молодых и указывал им место у БТРа.— И ты тоже.

Расул поднял голову. Сколько раз еще ему будут тыкать вот так пальцем все, кому не лень? Бай тыкал, главарь тыкал, народная власть на каждом углу кричит, что

---

[1] ИПА — контрреволюционная организация «Исламская партия Афганистана».

она хорошая — а тоже тычет. И вправду: кто сильный, тот и сверху?

Расул безропотно стал пятнадцатым в шеренге у бронетранспортера.

И вот с этого момента жизнь начала набирать скорость, как камень, сорванный ветром с вершины. Отобранным объявили, что отныне они — отряд защиты революции, еще через мгновение вручили найденное при обыске в кишлаке оружие, хором заставили повторить за агитатором присягу. Тут же, на площади, им выдали продукты и дали пять минут попрощаться с родными.

Но не успел Расул отыскать среди женщин свою мать, а уже раздалась команда на построение. Отряд подравняли, впереди и сзади стали несколько солдат, и девушка-агитатор дала команду «Марш».

Отряд шагнул с площади. И вновь побежали за мужчинами дети и женщины. Расул наконец-то увидел среди них мать. Она торопилась из дома со свертком в руках, и он, глядя на ее сбивающийся шаг, вдруг подумал: а ей-то за что? Будет ли на этом свете такое время, когда матери успокоятся за своих сыновей? Вспомнилось и зашитое удостоверение повстанца. Смех, да и только: муджахедд идет защищать революцию. Если подобное творится и в других уездах, то как еще держится новая власть? На речах таких девушек-агитаторов?

Расул оглянулся. Мать уже присоединилась к идущим за отрядом женщинам, но подойти ближе боялась. Поймав взгляд сына, протянула ему сверток. Но он пожал плечами: наверное, нельзя.

Два года назад она точно так же бежала за отрядом Абдуллы, в котором уводили сына на священную войну против неверных. Тогда она добежала до моста через реку, а когда ей пригрозили оружием, ушла вниз по течению и там перешла холодный стремительный поток.

Словно одинаковые страницы в двух разных книгах, повторяется жизнь Расула. Словно дает возможность сравнить, отыскать ошибки. Правда, исправить их все равно не удастся. Вот те же жерди через реку, так же стоит у них охрана и только по паролям пропускает с берега на берег. А остальным, кто не знает пароля, но хочет перейти? На каком берегу и кем родился — там и тем умри?

Может, как-то и по-иному взглянул бы на события Расул, не попади он два года назад к Абдулле. Там изо дня в день повторялось одно и то же: люди президента Бабра-

ка — насильники, они отдали душу шайтану и забыли аллаха. Все, что делают они — вопреки Корану и во вред народу.

Перейдя по узким, не успевающим разгибаться под тяжестью людей жердинам, Расул еще раз обернулся. Женщин остановили перед мостом, и только его мать, как и в прошлый раз, побежала вниз по реке.

— За мной, бегом! — скомандовала комсомолка.

Лениво, словно делая одолжение, поднялась под ногами пыль. Расул бросил взгляд на мать. Она уже переходила реку и была посредине потока, все так же протягивая ему сверток.

А девушка стучала своими горными ботинками все чаще, словно желая быстрее разорвать нить, зрительно соединявшую два берега. Не первый раз, видимо, она уводила такие отряды от родных и своим девичьим умом дошла до простой истины: чем быстрее идет расставание, тем короче боль. К крови привыкнуть легче, чем к слезам.

— Так ты в самом деле не душман?

Расул испуганно отшатнулся в сторону. Бородач, бежавший рядом, не то дружески кивнул, не то сбросил с бровей искрящиеся на солнце капли пота.

— Не душман, спрашиваю?

— Нет,— замотал головой Расул, стараясь не смотреть на соседа.

— А что же не записывался в отряд? Сейчас время такое, что или в банде, или у нас. Других не бывает.

Парень промолчал, надеясь, что бородач отстанет. Но агитатор перешла на шаг, и солдат повеселел.

— Видал, какой у нас агитатор? — кивнул он вперед. Сплюнул пыль, вытер кепкой лицо.— Были бы все, как она — можно было бы уже возвращаться по домам. Знаешь, как шурави зовут таких, как Марзия? Ко-мис-са-ры. Во! Это кто вначале говорит, а потом первым идет туда, куда звал. Ты читать умеешь?

— Нет,— удивился Расул. Абдулла говорил, что учение вызывает головные боли, и искренне жалел себя, когда ему приходилось писать или читать какие-то бумаги.

— А я уже немного читаю, в отряде всех учат.— Бородач улыбнулся, что-то прошептал, растягивая слова — наверное, вспоминал первые прочитанные фразы.— Ты не злись, что мы так в армию записываем. Революцию не только надо совершать, но потом и защищать. Я уже второй срок служу, а на смену мне призвать некого, у каждого

по чараку[1] справок. Так что же, сложить мне, да и всей революции оружие? Нет, надо убедить взять его в руки тех, кто еще не в бандах. Правда, не всегда есть время убеждать, но революция сейчас не имеет выбора. Так говорит ко-мис-сар-р Марзия.

— Да, да, да,— закивал головой Расул, видя, что бородач повернулся к нему посмотреть, как он относится к словам агитатора.

«Сейчас надо со всем соглашаться, а там будет видно»,— решил Расул. Впрочем, если бородач такой разговорчивый, может, он скажет, куда они идут?

— Рядом будем, не бойся. Перевал Паймур знаешь? Один фарсах[2] отсюда. Там сейчас шурави охраняют, будем их менять. Они ведь тоже должны домой возвращаться, а? Командир наш уже там, на перевале. Он тоже орел, так что держись нас. Тебя как зовут?

— Расул.

— А меня Султан. Ты что-то хотел спросить?

Расул ничего не хотел спрашивать, но Султан опять повернулся к нему. И тогда, сам не зная почему, Расул поднял голову:

— Скажи, а что будет с теми, кого увезли?

— С теми? Проверка будет. Кто не виновен — отпустят, кто поднимал оружие против революции — тому суд. Если желаешь знать, человек, который смотрел вас — бывший главарь банды. Когда ее разбили, он сдался в плен и пообещал указать каждого, кто помогал ему. Веры предателю мало, но что поделаешь, если времени нет. Вот отобьемся, станем на ноги — сможем спокойно во всем разобраться. А пока бывает и так, как сейчас...

У Расула немного отлегло от сердца. Значит, Фарид сможет доказать, что он не виновен. Смелый он человек, не побоялся главаря, увел от него людей — и за это уважал его Расул, желал удачи. Только скоро ли она придет к нему в тюрьме?

Фарид в это время, стараясь не видеть недоуменных взглядов своих товарищей, незаметно подвигался к сидящему на башне старшему капитану. Фарид все же решил добраться до него и спросить: почему их арестовали? Куда их везут? На какой срок? Кто этот черный человек, который распоряжался их судьбой? Почему он и сейчас пря-

---

[1] Чарак — 1,7 кг.
[2] Один фарсах — 6 — 7 км.

чется внутри бронетранспортера? Кому будут верить: ему или людям, которые сами порвали с басмачеством?

— Куда, сидеть на месте,— положил Фариду на плечо руку один из охранников.

И вновь Фарид постарался не заметить взглядов своих товарищей. Откуда он знает, что делать. Может, спрыгнуть под обрыв, когда на них понесет пыль? А что потом? Куда идти, кому что рассказывать? Из банды ушел, от народной власти ушел...

— Сиди-сиди, не дергайся,— вновь осадил его охранник, и Фарид притих.

Колонна вместе с дорогой перепрыгнула через полуразрушенный мосток, втянулась под навес скал. Слева внизу бежала серая, с грязно-белыми барашками, река. Справа громоздились черные ущельные скалы. Дорога становилась все уже, извилистей, и если бы не появившийся тоннель, камни в конце концов спихнули бы ее в мутные воды.

Охранники задвигались, с опаской поглядывая на черную арку тоннеля и задержанных. У Фарида вновь мелькнула мысль о побеге. Он скосил глаза на товарищей, увидел их напряженные позы и понял, что они ждут его сигнала.

Солнечный луч от истертого о камни приклада автомата охранника скользнул по глазам, и Фарид прикрыл их рукой. Нет, бежать глупо. Охрана откроет огонь — и кто-то наверняка упадет от пули, упадет как враг и уже никогда не докажет, что он хотел свободной жизни и что ушел от Абдуллы сам. Надо ехать в провинцию, там обстановка спокойнее и у коммунистов есть время во всем разобраться.

Под солнцем, на узкой дороге остался лишь их бронетранспортер. Старший капитан осмотрел сарбазов, те один за другим клацнули затворами, загнали патроны в патронник. Но лишь БТР коснулся своей острой грудью границы света и тени, под его передними колесами взметнулся сноп огня. Машину приподняло, отбросило прямо на срез арки, и Фарид, падая, успел увидеть летящие в небо обрывки резины прямо перед лицом и чьи-то хватающие воздух руки.

Его ударило о скалу спиной, отбросило обратно под обрубки передних колес. Он хотел подхватиться, куда-нибудь отбежать, но вокруг засвистели пули, сыпануло осколками от гранаты. Откуда стреляют, кто — понять было невозможно, и Фарид, впервые попав в бой без оружия, растерянно жался к оставшимся колесам БТРа. Кто-то ползал под машиной, стонал и ругался. Несколько человек

метнулись к арке, но их догнала очередь, и они надломились, рухнули во тьму тоннеля.

— Встать, всем встать. Бросить оружие,— раздался голос сверху.

Фарид приподнял голову. Несколько человек бежало по дороге к бронетранспортеру, кто-то лазил, осыпая крошку, по невидимым выступам вверху, и он понял, что лучше встать, подчиниться судьбе и на этот раз.

Переступив через исполосованного очередями сарбаза, Фарид вышел из-за бронетранспортера. Поискал глазами капитана. Его, отбивающегося, связывали веревкой по всему телу, и Фарид почему-то обрадовался, что он жив.

— Все за мной,— мотнул головой молодой парень в форме песочного цвета.— Муртази, прикрой.

От муджахеддов отделился тучный мужчина, подбежал к тоннелю. Не целясь, выпустил в его черноту длинную очередь. Остальные мятежники, подталкивая оставшихся в живых пленников и сарбазов, свернули на еле заметную тропку в горах.

И вот, не зная того, Фарид и Расул бежали сейчас в одну сторону. И не ведали, что их ждет впереди, за поворотом.

— Воды хочешь? — Обернулся к Расулу Султан.

Он отстегнул от пояса флягу, протянул. Расул припал сухими губами к горлышку, замедлил шаг, глотая воду. Влага возвращала тело к жизни, оживляла его, и, почувствовав в себе силу, он начал успокаиваться: что-нибудь можно будет придумать.

Он с усилием оторвался от воды, протянул флягу Султану. И в этот момент раздался первый выстрел. Красный трассер прошил зелень деревьев...

IV

— Это безумие, Гулям,— Трунин схватил младшего лейтенанта за руку, словно тот именно в это мгновение побежит в долину.

— Что такое — «безумие»? — отрешенно спросил афганец.

— Безумие — это когда человеку не хватает нескольких секунд, чтобы поступить иначе. Так, как нужно. Объясни мне, если я бестолковый: где твои, где душманы, сколько их, из-за чего бой? Хоть на один вопрос ты мне ответишь?

Гулям выдернул руку из цепкой хватки.

— Я — командир, а там мой отряд,— сказал он, не отрывая взгляда от простреливаемой долины.

Но не только отряд беспокоил Гуляма. Пули душманов, видимо, летели и в Марзию — удивительную девушку в военной форме, о которой ни на миг не забывал младший лейтенант после их встречи в уездкоме партии.

— Хочешь, познакомлю с самым революционным агитатором уезда? — спросил его Мохаммад, с которым они вместе приехали из Кабула в провинцию.— Марзия!

Из дома выбежала к их машине девушка в военной форме, радостно пожала руку Мохаммаду, остановилась перед Гулямом.

— Моя сестра,— с нежностью проговорил Мохаммад, любуясь ею.— Она будет у вас частый гость на перевале, работа в армии — ее участок. Так что дружите.

Гулям до сих пор помнит холод ее твердой ладошки и смущенно опущенный взгляд. Поэтому даже будь отряд уже здесь, а Марзия там — Гулям все равно бросился бы к зданию комитета. Да ведь об этом не расскажешь Ивану, пусть думает, что внизу только отряд — и никого больше. Он отыщет своих бойцов, они вместе спасут Марзию.

— Их всего около двадцати человек, и лишь пятеро — солдаты. Остальные по набору — что это за люди, ты, видимо, знаешь. Я должен быть с ними, иначе там всех перестреляют,— тихо, но твердо продолжил Гулям.— Пойду.

Трунин вновь придержал афганца за рукав.

— Подожди. Я тебя понимаю и удерживаю только потому, что не могу дать сопровождение. Ты человек военный и знаешь, что моя задача — перевал и разработки, и отсюда я не имею права уйти ни под каким предлогом.

Старшему лейтенанту очень хотелось, чтобы афганец понял, почему он не может послать десантников на помощь его отряду. Если в долине появилась банда, значение перевала уже возросло. И даже трудно предсказать, до какой степени. Но только все равно стыдно смотреть в глаза Гуляму. Поэтому Трунин тянул время, надеясь все-таки что-то придумать.

Но, наверное, приказы потому так коротки и отдаются только в повелительном тоне, что не подразумевают подмены. Десятки раз уже здесь командир взвода убеждался в том, что в пространном объяснении запутаться намного легче, чем в трех словах приказа. А он был один: охрана

и оборона перевала и разработок. Этому он должен подчинить все.

— Брянцев! — кликнул он своего помощника, и сержант, побежавший в штабной домик за своим биноклем, замер на полпути.— Сколько у нас осталось воды?

— Ведра два, товарищ старший лейтенант. Сегодня вечером должны были ехать за ней.

— Погоди, Гулям, погоди,— Трунин крепче сжал руку младшему лейтенанту, хотя тот и не вырывался.— Нам нужна вода. Вода, вода... Слушай, мы можем проводить тебя почти до центра кишлака, до колодца. Ну, а там...

Иван развел руками. Он твердо знал лишь одно: пока он на перевале — и по географии, и по тактике он выше любой обстановки в долине. Хотя там, внизу, дело не шуточное: дело дошло до гранат. Конечно, Гулям нужен там. Но разберется ли в обстановке, найдет ли своих? Не в последний ли раз ветер перевала треплет его волосы — пули ведь так легко находят свои цели...

— Брянцев, четырнадцатый и семнадцатый борта за водой. Ты — старший. С тобой — отделение Фроландина,— отдал приказ Трунин, когда замкомвзвода вернулся на наблюдательный пункт.— Только очень осторожно, Коля. Береги людей. Младший лейтенант поедет с вами до колодца.

Замкомвзвода отрешенно кивнул, все еще продолжая лежать на бруствере. Трунин знал, что он восстанавливает в памяти путь до колодца и уже, видимо, отмечает наиболее опасные участки. Он заметил: если посылаешь на задание одного человека — осторожности меньше, люди редко вот так проигрывают в мыслях свои действия. Но стоит отправить группу — старший, взявший ответственность и за других людей, мгновенно преображается. И эта сила ответственности за подчиненных в боевой обстановке часто предопределяет успех в выполнении задания. А нередко к тому же спасает жизнь и самому командиру.

На это сейчас надеялся Трунин, назначая Брянцева старшим. Два ведра воды — это на ужин и завтрак. А если душманы захватят или отравят воду в колодце? Что, если несколько дней придется провести в окружении, да еще вдруг появятся раненые? Без воды в июле в горах — это если не смерть, то еще хуже. Нет, вода необходима, и брать ее нужно сейчас, пока бой идет на противоположной стороне селения. Риск? Да. Завтра его может и не быть совсем, если душманы уйдут. А если нет? Тогда опасность

возрастет в десятки раз, и капля воды станет не просто на вес золота, а на цену жизни. Это решение верно, лишь бы был Брянцев умницей.

Трунин анализировал в мыслях ситуацию, еще и еще раз доказывая себе, что его распоряжение — единственно правильное в данной обстановке. Когда у командира этого убеждения нет — людей лучше не трогать.

Где-то над всеми его остальными мыслями, особняком стояло желание помочь Гуляму и тем, кто ведет сейчас бой в узких, запутанных улочках кишлака. Но больше всего старший лейтенант боялся подчинить ход своих рассуждений этому желанию. Выше всего должен быть приказ, а уж если помощь возможна не в ущерб ему — он будет только рад.

А может, это он просто успокаивает свою совесть — вдруг что случится с его десантниками? Хорошо, пусть даже это. Но неужели совесть не отзовется, если отряд защиты той революции, которая позвала их на помощь, погибнет в каком-то километре от перевала с целым взводом советских десантников?

— Товарищ старший лейтенант, готовы,— отвлек от мыслей Брянцев.

Две «бээмдэшки»[1] выцарапались из своих укрытий и стали на дороге. Отделение Фроландина подцепляло ко второй машине бочку из-под воды.

— Построй людей,— сказал Трунин замкомвзводу.

Еще одну особенность заметил в своем поведении командир взвода. Во время боя он незаметно для себя переходил с подчиненными на «ты». Конечно, устав предполагает в первую очередь взаимное уважение, именно отсюда идет повсеместное армейское «вы». Но так откуда же «ты»? Неужели для него, командира, жизнь солдата в бою обесценивается? А может, наоборот, бой сближает людей, одинаковый свист пуль над головами стирает некоторые грани между командиром и подчиненными? Тем более разница-то в возрасте не более пяти лет.

Увидев, что Брянцев построил людей, Трунин спустился к дороге, остановил доклад. Молча обошел строй. Стояли сосредоточенные Брянцев и Фроландин, невозмутимый Черемных, весельчак Петя Буховцев, который, казалось, вот-вот подмигнет и успокоит: «Все будет в норме». Рядом с ним — Валя Субботин, единственный не обстрелянный в отделении солдат, прибывший с пополнением. Панама не

[1] БМД — боевая машина десанта.

держится на его стриженой голове, и он, словно при морозе, заправляет под нее уши. Какие, оказывается, разные лица и характеры у его парней! Но сумеют ли они стать одним целым там, внизу, если вдруг...

У Трунина мелькнул в памяти эпизод из какого-то фильма о войне: командир посылал в разведку людей и добровольцев просил выйти из строя. Тогда мгновенно шагнула, словно литая, вся шеренга. Неужто его десантники хуже?

— Товарищи. В долине идет бой, вода у нас на исходе. Нет сомнения, что эта поездка в кишлак будет не той прогулкой, как раньше. Поэтому просьба: кто может стать обузой для других, кто хоть в чем-то не уверен в себе,— откажитесь от задания. А добровольцы — шаг вперед!

Командир взвода отступил, давая место шеренге, но строй не шевельнулся. Он не поверил своим глазам: трусят? Все как один? Невозмутимый Черемных, громадина Буховцев? Ну Валю Субботина можно понять, не нюхал парень пороха. Но Брянцев со своим неизменным «не по-о-онял», Фроландин? Что они? Им-то все равно придется ехать. Ну же! Хоть кто-нибудь, Гулям же рядом, он прекрасно понимает русский язык...

Скрежет гальки послышался с правого фланга. Вслед за командиром все, даже Гулям, облегченно повернули головы. Брянцев отчеканил два шага и ухитрился четко повернуться на россыпи камней.

Строй оживился. Вторым шагнул Фроландин, затем сразу вместе с левого фланга Володя Хорошилов и Сергей Кротов. С улыбкой сделал свои два шага Буховцев. Валя Субботин, словно потеряв опору, тоже шагнул вперед. Петя незаметно показал ему кулак и кивнул назад, в строй, но Субботин яростно мотнул головой, панама повернулась звездочкой к уху, и все улыбнулись.

— Не разрешайте ему, товарищ старший лейтенант,— попросил Буховцев.— Он же еще не за водой едет, а за подвигом. Пусть он мне лучше шнурки свои отдаст, а то на моих только святому духу качели делать.

Пройдясь, словно по клавишам, пальцами по пуговицам куртки, сделал два шага Черемных. «Витя — это хорошо, это спокойствие и рассудительность»,— обрадовался командир взвода.

На месте остались стоять только два человека — Юсупов и Кондаков. «У Юсупова перелом ключицы, у Кондакова —расстройство желудка»,— мгновенно вспомнил Тру-

нин. Солдаты под его взглядом виновато опустили головы, они стыдились своих болезней, стыдились, что не сделали эти два шага вперед. Но они честно оценили свои возможности, и старший лейтенант удивился, с какой тщательностью десантники сами отобрались в группу Брянцева. Наверное, тот фильм, из-за которого он полез выискивать добровольцев, был все же плохим. И, торопясь избавить оставшихся от незаслуженного чувства вины, сказал:

— Спасибо, товарищи. Рядовым Юсупову и Кондакову — особое спасибо. Наверное, мужество — это не только сделать два шага вперед, но и от них отказаться. Я рад за вас. Единственное, что изменю — оставлю на перевале и рядового Субботина. Причины всем известны. Хочу, чтобы и он правильно все понял.

Стараясь не смотреть, как молодой солдат заморгал белесыми ресницами, Трунин поднял руку с часами. С начала боя прошло восемнадцать минут, и он спохватился:

— К машинам!

Брянцев, распределяя места, указал Гуляму на первую БМД. Афганец ловко юркнул в командирский люк, махнул оттуда Трунину.

— Только внимательнее, Коля,— опустил руку на плечо замкомвзвода командир, когда тот оглянулся за последним советом.— Присмотри, сколько сможешь, за Гулямом, дай ему пяток гранат из НЗ машины. И постарайся оценить обстановку. Все. Возвращайтесь. Из связи не выходить, быть постоянно на приеме.

Сержант сразу на все согласно кивнул, вспрыгнул на броню.

БМД, чихнув солярой, покатили вниз, навстречу выстрелам. Брянцев влез в темноту и тяжелую духоту машины, задел кого-то ботинком. Извиняться не было времени — они уже спускались к подножию горы.

— «Броня», доложите обстановку, не исчезать из эфира,— послышался в шлемофонах голос командира взвода.— И прикройте люки.

Крышкой, словно ладонью, обрубило свет, и темнота стала еще одним членом экипажа.

— Мужики, как приедем, разбудите,— вдруг неожиданно прокричал Буховцев, и десантники сдержанно, лишь бы снять напряжение, посмеялись.

— «Броня-2», уменьшить дистанцию,— послышалось новое распоряжение Трунина, и Брянцев представил, как,

не отрываясь от бинокля, наблюдает за ними с гор командир.

Осторожно миновали круглые, словно выросшие из земли, печи для обжига кирпича. На окраине, несмотря на выстрелы и грохот машин, дети собирали в подолы и широкие миски кизяк. Брянцев положил руку на плечо механика-водителя, хотя тот и так уже заставлял стрелку спидометра биться рядом с нулем. Перебежали дорогу аксакал и тонконогий ослик с двумя бурдюками на спине, мокрыми от воды.

Это обрадовало сержанта, даже Трунин сдержанно бросил — «хорошо». Лишь Гулям, уткнувшись лбом в резину триплекса, неотрывно смотрел на изгибы улицы. Выстрелы были слышны даже сквозь рев двигателя, и волнение младшего лейтенанта передалось Брянцеву. Он снял руку с плеча водителя, тот молча кивнул и добавил скорости.

— Подгазовывай,— крикнул ему сержант, зная, что Трунин, потеряв их из виду за дувалами, наблюдает только за пылью и выхлопными газами.

Наконец выбрались на небольшую площадь, посреди которой находился колодец. Две женщины, испуганно закрыв лица и отвернувшись, пробежали мимо, скрылись за поворотом.

Прикрыв колодец бортами, машины остановились.

Гулям тут же потянулся к люку, но Брянцев остановил его. Кивнул назад, на десантный люк — выход туда. Незачем лишний раз маячить на броне. Выползем на четвереньках — скромненько, но зато надежно.

Вслушиваясь в звуки близкой перестрелки, Фроландин уже рассылал людей по площади для круговой обороны. Брянцев, напихав Гуляму во все карманы гранат, проводил его за броню, подождал, пока афганец скроется в узкой улочке. Все, теперь вода.

Однако Фроландин показывал ему обрывок веревки.

— Не по-онял,— медленно произнес Брянцев, хотя с первого мгновения стало ясно, что ведро исчезло.— Костя, ведра у механиков?

— В соляре.

С поганым ведром в колодец не лезь — это Брянцев знал еще с детских деревенских времен. Здесь же, где воде так же низко кланяются, как и богу, это тем более должно быть законом.

— Надо просить у людей,— сказал Фроландин.

Николай оглянулся на бочку. Четыреста литров — это

где-то пятьдесят ведер воды. Бутылками здесь, конечно, не натаскаешь.

— Прикрой меня. Попробую что-нибудь поискать,— согласился Брянцев.

Он на мгновение замер, прислушиваясь. Перестрелка лениво затихала, и это еще больше насторожило его. Если душманы смяли сопротивление и вошли в кишлак, то с минуты на минуту будут здесь. Надо спешить.

Брянцев пробежал к ближним воротам, с размаха ударил по ним кулаком. Звук словно увяз в толстых бревнах, и сержант в отчаянии огляделся. Увидев покосившуюся калитку в дувале, перебежал к ней. Распахнул, вошел во двор.

Прислонившись к стволу тутового дерева, на циновке сидел аксакал и курил трубку. Лежавшая у его ног собака вскочила, но хозяин положил ей на взгорбившуюся спину руку, и та опустила живот.

— Вы не дадите ведро, лить воду, мы отдадим, ведро,— начал жестикулировать Николай.— Ведро, достать воду...

— Не кричи, понял,— вдруг почти чисто по-русски сказал аксакал, и у Брянцева от неожиданности открылся рот. Здесь — русский? — Ты лучше скажи: Ташкент построили на старом месте?

— Как построили? — удивился Коля.— Когда?

— Да говорили лет двадцать назад, что разрушился от землетрясения.

— О-о, да это уже и забылось,— оживился сержант.— Ташкент сейчас — звезда Востока. Так ведро дадите, дедунь?

— Я тебе не дедуня, а ты мне не внук,— оборвал старик. Однако встал, прошел мимо могилы с православным крестом, скрылся в закутке. Вернулся с небольшим резиновым ведерком.

— А правда еще, что в войну русские прямо до дома Гитлера дошли? — спросил он, прищурив один глаз и словно вкладывая в другой всю остроту зрения.— Только не дури, я тебе не кто-нибудь, а...

Однако не договорил, посмотрел опять одним глазом на сержанта и безнадежно махнул рукой. Протянул ведро.

— Хорошо хоть в России сейчас? Грибы растут?

— Конечно, растут,— удивился Коля.— Куда им деться?

— Ладно, иди. Ведро принесешь,— прервал хозяин разговор и опять прилег под деревом набивать табаком трубку.

Брянцев выбежал на площадь, махнул Фроландину вед-

ром. А из головы не выходил старик. Неужели это тот самый басмач, о котором на перевале ходили упорные слухи? Как же он оказался здесь? И кто лежит в могиле под русским крестом — жена? друг? И неужели у него от родины только и осталось, что запах грибов?

Вокруг машины и колодца сновали бритоголовые бачата[1], выпрашивая у солдат хлеб. Костя разрывал сухпайки, вытаскивал им галеты.

— Все, некогда,— отмахнулся он от детворы, когда подбежал Брянцев.— Кыш.

Быстро привязали ведро, по источенному желобу перекинутого через сруб бревна выпустили его вниз. Обжигаясь о мчащуюся в ладонях веревку, Николай кивнул в сторону калитки:

— По-моему, там наш русский басмач живет.

— Ты что, серьезно? — не поверил Костя.

— А черт его знает. По-нашему лопочет и не верит, что мы Берлин взяли.

Веревка дернулась на вбитом крюке, придавила к бревну ладонь.

— Не по-онял.

Брянцев заглянул в черный, извилистый провал. Глубоко внизу раскачивалось ведро над клочком света в воде: веревки не хватало.

— Быстро, какие есть ремни,— крикнул он, выбирая ведро назад.

И в этот момент над площадью, рассекая воздух, пропела пуля. Ребятню словно ветром сдуло от боевых машин. Один только замешкался у бочки, и Брянцев шугнул его. Мальчик, придерживая шаровары, тоже помчался за дувалы.

Над площадью пронеслась еще одна пуля, уже ближе к колодцу. И лишь затих ее вибрирующий звук, под бочкой раздался взрыв.

Сержанты упали на землю, Володя Хорошилов вскрикнул.

Это был подрыв — из рваной дыры в бочке осторожно вытекал бело-сизый дымок и тут же боязливо рассеивался под днище.

Фроландин вскинул автомат на убегавшего мальчугана, но Николай, упуская ведро, в прыжке отбил оружие.

— Это же ребенок, Костя!

— Командир приказал срочно возвращаться,— прокри-

[1] Бача — мальчик.

чал из-за брони механик-водитель первой машины, державший связь.

— Всем по местам,— не поднимаясь, крикнул по сторонам Брянцев.— Володя, что у тебя?

— Царапнуло ногу,— отозвался Хорошилов.— Ну стервец пацаненок, а я ему еще банку тушенки отдал. Мина, кажись, самодельная.

— Всем в машины,— успокоившись за раненого, вновь крикнул замкомвзвода.

Плюхнулся рядом прибежавший сбоку Черемных, кивнул на жужжащие вверху пули:

— Как пчелы с реактивным двигателем. Ответить?

— В машину! — нетерпеливо кивнул сержант, с тревогой наблюдая за прижавшимся к дувалу на противоположной стороне Петей Буховцевым.

«Может, подъехать к нему?» — подумал Брянцев.

Но десантник уже оттолкнулся от стены и огромными прыжками понесся через площадь. Ровно на половине пути, нелепо взмахнув руками, он рухнул. Ботинок, сорвавшись с ноги, кувыркаясь, перелетел остаток дороги и упал недалеко от колодца. Брянцев даже рассмотрел на подошве прорезанные солдатом бороздки для лазания по горам.

— Шнурки, сволочи,— завопил с площади Петя, но тут же смолк, подбирая свое большое тело от заплясавших рядом фонтанчиков пыли.

— Я прикрою,— крикнул уже из БМД Фроландин.

Машина, присев от вбираемой в себя мощи и скорости, рванулась вперед. Описав полукруг около Буховцева, она осторожно наехала на лежащего десантника, замерла над ним, давая ему время устроиться между гусениц. Затем медленно тронулась к колодцу. Петя, отплевываясь от пыли и, видимо, ругаясь, полз под машиной.

— Коля, Брянцев! — услышал замкомвзвода его крик.— Покажи им, чтоб над ботинком проехали. Где ботинок? Подрули нас, а?

Брянцев показал ему кулак — не до шуток, но потом подумал, что ботинок сорок шестого размера на перевале вот так, как здесь, валяться не будет. Показал механику-водителю влево.

Осторожно повернувшись, боевая машина направилась к ботинку. Петя хмыкнул, схватил высокое голенище зубами, и Брянцеву показалось, что десантник подмигнул ему из-под пыльного чуба.

Заехав за броню второй БМД, машина остановилась.

Петя выполз из-под гусениц, подхватил поудобнее автомат и ботинок, прикинул, где миновать на всякий случай сержанта. Рядом раздалась очередь, Брянцев приник к броне, и Петя под шумок беспрепятственно юркнул в десантный люк.

Сержант, оглядев пустую площадь, влез вслед за ним. В последний момент увидел натянутую колодезную веревку.

«Без воды,— подумал он.— И ведро не вернул».

V

Гулям, упираясь пятками в дно, по арыку на спине выползал из-под обстрела.

Кто-то охотился именно за ним: пули свистели над самым лицом, мягко и с наслаждением впиваясь в левый берег. Но, видимо, узким и маленьким было оконце, из которого вели стрельбу, и там не могли опустить чуть ниже ствол винтовки.

Поняв это, младший лейтенант положил автомат на грудь и не отрывал теперь взгляда от узкого коридора крыш в сине-белом небе — лишь бы оттуда не бросили гранату. Вот тогда точно конец. Глупо быть убитым не в бою, а в этом узком вонючем арыке. И что может быть позорнее, чем революционный командир, выползающий среди отбросов из-под душманских пуль.

Может, знай Гулям, какие испытания ждут его впереди, он не стал бы захлебываться сейчас водой и загребать воротником грязь. Но чтобы узнать миг, ожидающий нас впереди, нужно обязательно его прожить. И младший лейтенант, упираясь пятками и локтями, полз вперед.

Наконец коридор в небе стал расширяться, вода под головой зажурчала звонче. И Гулям теперь со злостью за свое унижение начал расстреливать каждое оконце, каждую бойницу, выходившие к арыку. Шипели рядом в воде стреляные гильзы, летела крошка от стен, черными точками в зеркальных стеклах окон проходили его автоматные очереди. Арык вытекал из глиняного плена дувалов и, потолкавшись о затоны в чьем-то огороде, вливался в речушку, доверяя ей нести свои воды дальше в долину.

Гулям перевалился животом на берег. Оттолкнувшись руками от речной гальки, бросился к кустам. И когда осталось сделать последний рывок и он оттолкнулся для него,— в спасательной листве мелькнули фигуры. Младший лей-

тенант попытался остановить свое тело, крутнулся в воздухе и упал на ветки. На него тут же навалились, прижали лицом к земле. Боль заставила закрыть глаза, и он замер в темноте, чувствуя на спине чьи-то острые колени.

— Вроде наш, офицер,— услышал он глухой удивленный голос.

С него тотчас слезли, перевернули лицом вверх.

Над младшим лейтенантом стояли бородач в армейской форме и два молодых парня с карабинами за плечами. Увидев, что офицер приподнимается, они виновато переглянулись, замерли. Бородач припал на колено, помогая Гуляму встать, и, чтобы не попасть ему на глаза, начал отряхивать его сзади.

— Целый кишлак душманов,— оправдывался он за спиной.— Уже не знаем, откуда и ждать. А вы как здесь оказались?

Он наконец вышел из-за спины и вытянулся в готовности понести наказание. Гулям же еле сдержался, чтобы не обнять солдата. Главное — теперь не один.

— Вы из какого отряда? — спросил младший лейтенант, прижимая ладонью ссадину на щеке.

Спрашивать о судьбе отряда не хотелось, все было ясно и так, но все же теплилась в глубине души надежда на лучшее. И младший лейтенант сейчас пытался согреться и успокоиться у этого слабенького тепла.

— Наш отряд шел на перевал,— погасил надежду тихим голосом бородач.— Агитатора мы потеряли сразу, остальные — кто погиб, кто убежал.

Гулям поднял голову. Три человека, из них двое — по набору. Он хорошо знал эти наборы: в них одинаково могли попасть и бай, и бедняк. Здесь смотря кто дает наводку.

— Я — ваш командир.— Гулям поправил ремни.— Будем пробиваться к перевалу. Там советские, они в беде не оставят. Как вас зовут, бирадар[1]?

— Султан,— ответил бородач и легонько сжал огромной ладонью тонкие пальцы офицера.

Гулям долго и внимательно смотрел прямо в глаза бородачу, словно говоря: мы — солдаты, и ты должен слушаться и поддерживать меня во всем. Я надеюсь на тебя, а ты будь уверен во мне.

Султан, казалось, понял офицера, чуть заметно кивнул головой и еще раз, но уже крепче, пожал руку младшему лейтенанту.

[1] Бирадар — традиционная форма обращения — «брат».

— Расул,— представился высокий худой парень.

— Исматулла,— кланяясь, назвался второй, ловя руку офицера.

Гулям хотел посмотреть ему в глаза, но парень не поднимал склоненной головы. Тогда младший лейтенант поднял свою руку к его лицу, и Исматулла тут же припал к ней губами.

Офицер обернулся к Султану, тот неопределенно пожал плечами. Вспомнились десантники Трунина — открытые лица, готовность действовать по первому слову командира. «Лучше один преданный революции солдат, чем целый отряд колеблющихся»,— кажется, так сказал Иван, когда говорили о будущей службе Гуляма на перевале.

«Не выстрелит ли он в спину, когда другой протянет ему руку для поцелуя?» — подумал Гулям, не скрывая, что вытирает ее о брюки.

— Я тебя отпускаю, ты свободен,— сказал парню Гулям, и тот впервые поднял глаза. Они были черные, левый чуть косил к переносице. Но главным в них было другое — там пробился рожденный где-то внутри этого человека и пока больше никак не проявившийся импульс радости и надежды.— Отдай оружие и иди,— еще тверже сказал Гулям.

Исматулла поспешно стащил с плеча карабин. Не дождавшись, пока кто-нибудь возьмет его, прислонил оружие к валуну. Кивая, задом начал отходить вдоль ручья. И чем дальше уходил, тем быстрее дергался его косящий глаз в противоположную сторону. Наконец, приметив в кустах тропинку, Исматулла тут же юркнул туда.

— Может, и ты хочешь уйти? — спросил Гулям у Расула, когда стих треск веток.

Не успел Расул еще ничего подумать, как рядом с ним стал Султан.

— Нет, он останется, я за него ручаюсь,— сказал он.

Никто в жизни не становился вот так рядом с Расулом и не ручался за него. О братстве твердили и в банде, но только там каждый старался быть подальше от всех и надеялся только на себя. Впрочем, Исматулла бы там хорошо прижился, ее законы именно для таких: ручку поцелуешь — при дележе добычи будешь стоять по правую сторону от главаря...

— Что-нибудь знаете об уездкоме? — не дождавшись ответа от Расула, спросил Гулям. Султан отрицательно

покачал головой.— Надо узнать, что с коммунистами, где они.

Султан с готовностью выпрямился. Глядя на него, поднял грудь Расул. Обстановка для солдата перестает быть безвыходной, когда появляется командир. Уездком — значит, уездком, лишь бы шел кто-то впереди. Хотя лучше, конечно, идти на перевал, к советским.

Гулям выглянул из-за кустов, отыскал крышу здания уездного комитета. Флага над ним не было, и это означало только одно — там сейчас хозяйничали душманы. Тревога за Марзию вначале сковала Гуляма, потом в нем словно распрямилась пружина.

— За мной! — крикнул он.

Пригнувшись, перебежал жиденькое пшеничное поле. Прислонился спиной к теплой, шершавой стене дувала. Подчиненные, тяжело дыша, остановились рядом.

— За мной!

Бежали вдоль дувала, готовые в любое мгновение открыть огонь. Задержались лишь на одном из поворотов: за торопливой свалкой камней лежал убитый сарбаз. Оружия у него не было, хотя рядом валялись гильзы. И лежал он, выгнув спину, словно силился подняться или подтянуть к ране колени.

Вид погибшего остудил немного Гуляма. Мысль о смерти вновь, как в арыке, притаилась рядом с сознанием и исподволь руководила офицером. Он перешел на шаг, на изгибах дувала высовывал на стволе автомата сначала кепку. И чем ближе подходили они к центральной площади, тем чаще останавливался младший лейтенант, вслушиваясь в звуки и обдумывая свои действия.

Увидев в стене пролом, он влез в чей-то сад, помог товарищам. Султан и Расул заметно нервничали, замирали при каждом шорохе, и Гулям вскоре оторвался от них. Впрочем, он и сам не представлял, что будет делать в окружении врага.

Наконец показалась калитка, в ее косом проеме мелькнули люди. Гулям залег, подполз к ней, осторожно выглянул.

Перед зданием уездкома стояли жители кишлака. Гулям уткнулся взглядом в их сгорбленные спины, приподнялся, стараясь заглянуть поверх их голов. И сразу увидел Марзию. Она стояла, связанная по плечам толстой веревкой, в мальчишечьем одеянии. И только упрямо поднятый подбородок подтверждал: да, это она, Марзия!

— Наш агитатор? Жива? — прошептал над ухом офицера удивленный и радостный Султан.

Рядом с Марзией стоял сгорбленный старик в таком старом халате, что перехватившая его грудь веревка казалась чистой и новой.

Вокруг девушки и старика ходил парень в униформе песочного цвета. Несколько раз он дотрагивался до веревок, однако менять ничего не стал. Повернулся к собравшимся, поднял руку.

— Почтенные аксакалы, братья и сестры. Меня, вашего слугу, зовут Хавар. Запомните это имя, потому что вместе с ним в ваш кишлак будет отныне приходить спокойствие, хлеб и вода.

Главарь снял желтую кепку, растрепал прилипшие ко лбу потные волосы.

— Мои бойцы — бойцы за истинную мусульманскую веру и свободный Афганистан. Вы это поймете, когда сейчас мы поделимся с вами последним, что имеем сами. Муртази,— крикнул главарь в сторону выстроенного у дувала отряда. Оттуда отделился тучный мужчина, замер через три шага, готовый слушать и исполнять.— Муртази, приготовьте все, чем можем поделиться с людьми этого благочестивого кишлака. И еще раз предупредите бойцов: если хоть один житель пожалуется на кого-то из них, я его расстреляю. На этой вот площади. У этой стены. На глазах у всех.

Хавар надел кепи, из-под руки посмотрев на господина Роулда. Тот едва заметно кивнул русой головой. Роулд мог быть и был доволен своим учеником: Хавар в точности выполнял его инструкции. Главное, чтобы не оказались здесь жители того кишлака, где они утром собрали продукты и одежду для сегодняшней раздачи.

— Так запомните,— продолжал Хавар, уловив настроение хозяина.— Мой отряд, если потребуется, будет защищать вас до последнего солдата и патрона. Мы с теми, кто становится рядом с нами в священной борьбе против предателей ислама и неверных. Но тех, кто поднимет против нас, против вас руку, мы жалеть не будем.

Площадь затихла. Гулям поднял автомат.

— Но мы не звери, — прошелся Хавар около пленников.— Мы не войска Бабрака, которые истинных мусульман жестоко пытают и затем без суда и следствия расстреливают прямо в тюрьмах. Мы готовы освободить даже этого аксакала, хотя только за то, что он дал ведро этим не-

верным с севера, хотел позволить им пить нашу воду — уже за это надо отрубить ему руки. Но я повторяю, что мы освободим его, если вы об этом попросите.

Гулям не верил своим ушам: откуда такая доброта? А люди на площади сдержанно заговорили, несколько человек подошли ближе. Матери, устав держать вырывающихся из рук детей, отпустили их, и ребятишки уселись прямо у ног главаря. Тот подмигнул им, вытащил из кармана несколько монет, бросил их на стриженые головы. У детей началась свалка, они загалдели, и после этого улыбнулись даже самые недоверчивые: и правда хороший отряд пришел в кишлак, если обещают не убивать и не грабить.

— Просим, отпусти его,— раздались голоса.

Гулям не поверил теперь своим глазам: главарь ловко разрезал веревку, подтолкнул старика к толпе. Тот сделал несколько шагов, но ноги его надломились, он качнулся и сел прямо среди ребятишек. Плечи его сотрясали беззвучные рыдания. И его плач снес, растворил последнюю стену недоверия между Хаваром и жителями кишлака. Они все разом заспешили к зданию и кричали, уже не прячась за спины:

— Аллах воздаст тебе должное за твою доброту.

— Будь счастлив и не знай горестей.

— Слава Хавару.

— Отпусти и девушку, Хавар. Она глупа, что подняла против тебя оружие.

— Нехорошо, женщина, надевать мужскую одежду.

— Прости ее, Хавар. Она уйдет отсюда...

Замер Гулям, затаили дыхание Султан и Расул: что будет дальше? Площадь постепенно угомонилась, успокоенная своей благочестивостью. Все ждали решения Хавара. А тот посмотрел на господина Роулда: как кивнет? Кивнул — пощади.

Главарь подошел к Марзии, поддел ножом под веревку. Та, ослабев, сползла к ногам девушки.

Марзия, с усилием подняв затекшие руки, обхватила ими свои плечи, словно ей вдруг стало холодно. Затем выступила из пут, подняла высоко голову. Посмотрела на копошащихся в песке мальчишек, плачущего старика. Пробежала взглядом по площади. Гулям чуть ли не полностью показался в калитке, махнул автоматом. Но Марзия не заметила его.

— Люди,— хрипло сказала она. Закашлялась, взялась рукой за горло.— Люди,— повторила она уже звонче.—

Я прошу у вас снисхождения к моему поступку. Вчера подло, из-за угла, убили моего брата Мохаммада. И я надела мужской костюм, срезала волосы. Но что делать, если мужчины в нашем уезде боятся взять в руки оружие.

— Люди! — еще звонче крикнула она, видя, что Хавар незаметно приближается к ней.— Многие из вас верили мне до этого. Поверьте в последний раз: эти бандиты не так добры, как хитры. Они окружены со всех сторон и сейчас задабривают вас, чтобы вы спрятали их, когда придут правит...

— Молча-а-ать, поганая овца,— заорал Хавар, заглушая ее голос.— Муртази!

— Не верьте им, люди,— кричала Марзия, отбиваясь от главаря и подскочившего Муртази.— Не верьте их хлебу — он в крови дехкан. Не верьте...

— Заткни ей глотку,— прошипел главарь, и голос девушки смолк за широкой ладонью Муртази.

Хавар обернулся на господина Роулда, но тот отвел взгляд. Люди на площади замерли, и Гулям, предчувствуя что-то страшное, приник к автомату. Спина главаря заполнила выемку прицельной планки, и младший лейтенант острием мушки вытолкнул оттуда желтизну куртки. Остановил оружие, замер сам.

Вскрикнул Муртази, замахал рукой: видимо, Марзия укусила его.

— Умоляю, не верьте,— крикнула вновь девушка.

— Выбрось ее язык собакам,— нетерпеливо проговорил главарь, и в руке Муртази сверкнуло лезвие ножа.

Он занес его над девушкой, замер, ожидая, когда подбежавшие на помощь душманы зажмут голову активистке и разожмут сцепленные зубы. Гулям, боясь опоздать, переметнул оружие с главаря на Муртази, задержал дыхание и нажал на спусковой крючок.

Выстрел потерялся в крике толпы. Люди, сбивая друг друга, бросились с площади. Душманы открыли огонь по всем окнам и калиткам. Муртази, качнувшись от удара пули, чувствуя ее нестерпимое жжение около позвоночника, бессильно и жалобно замычал. Из уходящего мира перед ним были только испуганные глаза девушки, и он, падая, ударил занесенным ножом по этим глазам. Успел увидеть, как брызнула кровь — и рухнул.

VI

— Опять стреляют, товарищ старший лейтенант,— вслушиваясь в выстрелы, озабоченно сказал Брянцев.— Может, как-то поможем?

— Придумаешь — представлю к ордену,— не отрываясь от бинокля, буркнул Трунин.

Ситуация на перевале становилась все более тревожной. Из южной долины подъехали два грузовика с дровами и санитарная машина с ранеными афганскими солдатами. Русского языка никто не знал, но по пробоинам в машинах и встревоженным лицам водителей и раненых Трунин понял, что их обстреляли душманы. Значит, по ту сторону перевала тоже действуют банды. Неужели разведчики не уловили их перемещение в этот район? Но, если оценивать обстановку, банды пришли не сами, их преследуют подразделения афганских вооруженных сил. Почему же тогда не было предупреждено наше командование о предстоящих боевых действиях? Где оборвалась цепочка, по которой шло сообщение к нему, Трунину, что перевал окажется в центре боев, своего рода наковальней, о которую будут разбивать банды?

Выход у Трунина был один: как можно быстрее найти направление своим действиям. Укреплять охрану перевала, зная, что тот же Гулям нуждается внизу в помощи? Пойдут банды через перевал или будут пробиваться из окружения через долину?

Легче всего здесь было сказать: действовать, исходя из обстановки. Но это может сказать ротный, находясь отсюда за десятки километров и имеющий из перевала только точку на карте. А для Трунина перевал — вот он, с камнями и тропами. Исходить из обстановки — тогда не нужно было учиться четыре года в училище. Брянцев, не в обиду ему сказано, может действовать по обстановке. Но из офицеров этим могут прикрыться только те, кто не хочет или не умеет тактически мыслить. Ситуацию надо высчитать, приготовиться именно к ней — только тогда можно быть уверенным в победе. «На авось» здесь рассчитывать нельзя, стреляют не холостыми, а вполне реальными, разделяющими жизнь и смерть солдатскую, патронами. Здесь не начнешь, как на учении, все сначала после обнаруженной ошибки. И оправданий никто слушать не будет. Раз доверены люди, поставлена задача — становись хоть богом, хоть чертом, а еще лучше — грамотно думай, но приказ вы-

полни, людей сохрани, местные законы не нарушь. Большего от командира не потребуют. Но и меньшего тоже.

Выстрелы тем временем в долине утихли. Этому одинаково можно было и радоваться, и огорчаться. Но только не успокаиваться.

— Ну что же, товарищ старший лейтенант? — Вновь нетерпеливо обернулся Брянцев.

Если бы Трунин мог тоже вот так обернуться на кого-нибудь и спросить!

— Будем держать перевал.— Наконец твердо и решительно сказал он. Брянцев, увидев подходивших Фроландина и афганского санитара, махнул рукой: подождите. Трунин, скорее для собственного успокоения, пояснил: — Людей у нас — только для круговой обороны, не больше. Помощь, если она сейчас вышла, будет не раньше чем через сутки. Вертолеты, я считаю, вызывать опасно: судя по выстрелам, у душманов есть крупнокалиберные пулеметы. Если же пойдем вниз, нас могут вынудить ввязаться в бой, свяжут действиями, и, если главарь умный, на наших же плечах поднимется на перевал. Сколько потом усилий и жизней потребуется сбросить их оттуда — ты представляешь. Именно поэтому я считаю, что послать помощь в долину мы не можем. Боевые машины вернуть в укрытия.

Брянцев согласно, но со вздохом кивнул. Помахал рукой Фроландину — остаемся. Увидев этот жест, Трунин нахмурился: сержанты, а тоже рвутся туда, где опаснее. Это подмечали все офицеры: вслед за чувством долга у десантников сразу же идет желание испытать себя, утвердиться в опасной ситуации. Для молодости это, наверное, естественно, но если это желание становится выше воинского долга — остается никому не нужное лихачество, солдат превращается в удачливого или не удачливого жонглера собственной жизнью. А для охраны перевала Трунину нужен взвод как боевая единица. И для родителей нужны живые сыновья, а не память о них.

— Накажу,— сказал Трунин сержанту, и Брянцев тотчас отозвался таким редким для себя словом:

— Понял.

Подошли Фроландин и афганец.

— По-моему, он спрашивает, сколько они пробудут здесь,— сказал командир отделения, указывая на санитара.

— Воду собрали? — перебил его Трунин.

— Так точно. Два ведра и три с половиной фляжки. У афганцев тоже литра три есть.

— Беречь как боеприпасы.

Трунин пригласил афганца лечь рядом, дал ему бинокль. Санитар с охотой устроился рядом с офицером, закрутил окулярами. Старший лейтенант тянул время, ожидая связи с «Южным». Хуже всего, когда надеешься на кого-то. Тысячу раз ясно, какая последует команда, все предварительные распоряжения для подстраховки этого приказа уже отданы, а все равно волю и разум словно сдерживает пружина, не дает им проявляться без всяких «но» и «если».

— Брянцев! — подозвал комвзвода заместителя.— Пройди по линии охранения и всем, кому можно,— спать. Пусть попробуют поспать,— добавил он, взглянув на раскаленную пустыню неба.

Кивнув Фроландину, замкомвзвода направился к его отделению, перекрывшему дорогу. Трунин оглянулся на штабной домик. Связист, повесив на антенну и устроенный между камней шомпол от автомата плащ-палатку, пытался всунуть себя в тень.

«Что-то долго вверху выясняют обстановку,— подумал старший лейтенант.— А здесь еще раненые...»

Афганские солдаты вылезли из грузовика и ютились в тени под ним. Мелькала белая пластмассовая фляжка, и Трунин покачал головой: люди гор должны знать цену воде. А скорее, они просто не верили в серьезность ситуации и надеялись через час-другой быть в долине.

Санитар вдруг резко отстранился от бинокля, словно что-то неожиданно страшное произошло в приближенном линзами кишлаке. Трунин выхватил у него бинокль и сразу же увидел душманов.

С оружием на изготовку из-за дувала выходила их густая цепь. Лиц бандитов различить еще было нельзя, но в спором тренированном шаге неуверенности или страха не чувствовалось.

«Неужели пойдут в атаку? — не верил старший лейтенант.— Если это не разведка боем, то главарь — профан».

Цепь наступающих, смешиваясь, подравниваясь, попрежнему шла к перевалу. Ее уже увидели в боевом охранении, десантники начали оглядываться — видит ли банду командир?

— «Южный» на связи,— крикнул от домика связист.

— Рацию ко мне,— не отрываясь от бинокля, прокричал в ответ Трунин.

Затем, торопясь, вытащил за красную головку из полевой сумки сигнальную ракету. Приложив ее к стволу автомата, направил в сторону наступающих и дернул кольцо. Красная звезда, прожигая расстояние, вспыхнула прямо над душманами. Они остановились, посмотрели на ее извилистое падение и уже чуть ли не бегом устремились вперед.

— К бою! — скомандовал Трунин, и словно сам перевал клацнул затвором, загоняя патрон в патронник.

Что-то закричали раненые, и старший лейтенант кивком головы послал к ним санитара. На его место тотчас впрыгнул связист. Не удержав на весу рацию, ударил ею о бруствер. Трунин так зыркнул на ефрейтора, что тот принялся гладить оцарапавшийся бок.

— Доложите, что ведем бой,— сказал Трунин связисту, а сам включил связь с командирами отделений.

— «Первый», «Второй», приготовиться к бою! — четко, успокоенно подал команду старший лейтенант.— Огонь открывать по сигналу белой ракеты. «Третьему» не ослаблять внимания за своим сектором, быть готовым выдвинуться к «Первому». Как поняли? Прием.

— «Первый» понял.

— «Второй» понял.

— «Третий» понял.

Трунин поднял к глазам бинокль. Душманы на подъем шли медленнее, но уже устраивали поудобнее оружие у бедра. До них было еще больше километра, и командир взвода перевел взгляд на готовящихся к бою десантников.

Брянцев, положив автомат на ладонь, покусывал травинку. Слева от него выкладывал из подсумка на бруствер магазины Володя Хорошилов. Валя Субботин, оглядываясь по сторонам, нервно водил автоматом.

«Еще своих перестреляет»,— испугался Трунин.

Хотел было дать команду Брянцеву, но в это время к Вале перебежал Буховцев, сказал что-то веселое, прижал автомат Субботина к земле широкой ладонью.

«А может, зря я не разрешил Субботину ехать за водой? — вдруг мелькнула мысль у командира взвода.— На всю жизнь от свиста пуль, злого взгляда или дурного слова человека не упрячешь».

— «Южный» ведет бой,— доложил связист, и Трунин невольно оглянулся, словно это не в десятке километров, а у позиции третьего отделения «Южный» прикрывает его тыл. Но сзади было все спокойно, если не считать, что санитар перетаскивал раненых к домику.

— «Третий», будьте внимательны,— еще раз напомнил Трунин сержанту Гусаренко, прикрывающему перевал со стороны гор.

— Вас понял,— отозвался тот, и командир взвода вновь переключился на душманов.

Те начали стрельбу. Стреляли навскидку, замедляя шаг и затягивая ногу — по всем правилам огневой подготовки. Уже по этому было видно, что в наступление идет не рядовая банда. Значит, при таком грамотном обучении вопрос взятия перевала с ходу наверняка не стоит. Скорее всего, это давление на психику и параллельно разведка боем, стремление выявить систему обороны.

Пули свистели все ближе и чаще, и Трунин вновь зыркнул на связиста: почему рация на бруствере? Отложил в сторону ненужный теперь бинокль, отвинтил белую крышку ракеты, вдел палец в выпавшее на шнуре кольцо.

— «Второй», вам огонь не открывать,— отдал он последнее распоряжение и, дождавшись подтверждения, дернул шнур ракеты.

Заметалось меж хребтов эхо, потеряв, к какому выстрелу оно принадлежит. И казалось, не пули, а гул слитого воедино отзвука выстрелов с перевала вначале пригнул, а потом и придавил душманов к склону. Их цепь залегла.

— Прекратить стрельбу! — донеслась до НП команда Фроландина.

Щелкнули предохранители, дав возможность успокоиться, прийти в себя горам. Душманы заползали между камнями, но чей-то окрик поднял их вновь. Но прежде чем они успели сделать первый шаг, сорвавшийся с позиции Фроландина гул вновь прижал, опрокинул, разбил этот рывок.

Душманы залегли.

Щелкнули предохранители.

Катилось, выискивая себе место где-нибудь в ущелье, эхо.

Краем глаза Трунин увидел, как, пригибаясь, к окопам отделения бежит с винтовкой афганский санитар. Он соскользнул в траншею рядом с Хорошиловым, повертел головой, тоже приник к оружию. Несколько мгновений тело его еще искало для себя удобное положение, но вновь раздалась внизу гортанная команда, и афганец замер.

— Ого!..

Выстрелы сорвали окончание команды с губ Фроландина и бросили его вниз. Душманы и в третий раз залегли.

Из его подчиненных, как понял Трунин, нервничали лишь

Валя Субботин и Сергей Кротов, расстрелявшие длинными очередями по полному магазину.

— Уполза-а-ают,— злорадно протянул связист.

Душманы и в самом деле отползали, а поняв, что по отступающим с перевала не стреляют, выбежали из опасной зоны. На окраине кишлака они быстро построились и, оглядываясь, скрылись за дувалом.

Трунин опустил бинокль. Вот пока и все. Что предпримет противник? Вернее, надо думать так: какие обстоятельства движут главарем? Душманам нужен сам перевал или хотят просто уйти? Их преследуют или они сами куда-то спешат?

Старший лейтенант оглянулся на связиста, словно тот мог дать ответы. Ефрейтор, почувствовав передышку, сбросил наушники на колено и перечитывал светящееся на сгибах письмо. Поймав взгляд командира, торопливо наклонился, одним движением передвинул с колена на голову наушники.

— А уже была связь, во время боя,— начал оправдываться он.— Я вас не отвлекал, вы...

— Ну,— нетерпеливо перебил Трунин.

— «Южный» передал, что вокруг перевала вооруженные силы Афганистана проводят крупную операцию,— ефрейтор уловил недовольство командира и теперь тянулся в струнку.— Наше командование об этом почему-то своевременно предупреждено не было. Но сейчас к нам идет подкрепление. Перевал держать...

Связист умолк, но продолжал стоять по стойке «смирно».

— Что еще? — насторожился Трунин.

— Товарищ старший лейтенант, аккумуляторы садятся.

— Возьмите с подзарядки, вы же вчера поставили.

— Я...— связист опустил голову.— Товарищ старший лейтенант, я вместо зарядки... разрядку сделал. Перепутал клеммы...

Трунин удивился не этому, а как сам сдержался, чтобы не вскочить, не схватить солдата за грудки. Когда дело касалось службы — безалаберности старший лейтенант не терпел. Знал, что становится чересчур резким, непримиримым, но не мог понять, откуда у восемнадцатилетних безответственность к своему делу? До каких лет считать их несмышленышами, все прощать?

— Уйдите с глаз,— все-таки тихо, по слогам, выговорил

Трунин. Ефрейтор схватился было за ремни рации, но старший лейтенант остановил: — Рацию оставьте.

Перекатив из-за спины автомат, связист направился к боевым позициям.

— Стойте! — остановил его Трунин.— Связистом быть вы еще не научились, а солдатом, вижу, уже разучились. Идите в тыл, поступите в распоряжение повара... Не слышу ответа.

— Есть...

— «Первый», ко мне Черемных. Будет на связи.

Витю ставь хоть поваром, хоть связистом, санитаром, водителем — мастер на все руки. И сейчас, глядя, как солдат прошелся, словно по клавишам гармонии, пальцами по всем тумблерам, выдул из углов пыль, Трунин постепенно начал отходить.

В кишлаке было спокойно.

— Я в штабе,— предупредил командир Черемных.

Между улегшихся на полу раненых старший лейтенант прошел в свой угол, открыл тумбочку. Если солдат всегда должен быть уверен в победе, то у командира есть право предполагать и худшее. Не боязнь собственной смерти донимала Трунина с началом боя. Более всего страшило, что к душманам могут попасть письма и фотографии близких. Это ощущение возникло, когда однажды увидел журнал, изданный в Пакистане. На фотографии, напечатанной в нем, в знак презрения перевернутой, были перечеркнуты лица советского капитана и двух мальчишек, сидевших у него на плечах. Как попала фотография в журнал, сказать трудно, но она представилась Трунину сразу, лишь только душманы пошли в атаку. Нет, перевал им сдан не будет. Но...

Трунин, отвернувшись от раненых, быстро пересмотрел письма от матери, друзей... Отложил к ним два письма Гали, прочитанные утром. Торопясь, вытащил третье, пришедшее вместе с письмом от жены.

«Добрый день.

Здравствуй, Ванечка. Быть-то мне как в этом холодном дождливом лете? Я, кажется, делаю ошибку, но сегодня разрешила отцу Димы переступить порог дома моего. Если бы не счастливые глазенки сына... Но я люблю по-прежнему только тебя. Целую. Галина».

Словно боясь остаться в том дождливом, холодном лете, Иван вытащил последнее, осеннее письмо от Гали.

«Ванечка, добрый день. Сегодня ровно год, как мы

встретились. Светел день, светлы мои мысли о тебе. Верю, что с тобой ничего не случится в твоей далекой стороне, потому что моя любовь встанет на пути несчастий. И стихи еще я начала писать. Первый — о тебе: Буду ждать тебя год, Буду ждать тебя век, Мой любимый, Мой самый родной человек!

До свидания, мой хороший. Я никогда не скажу тебе «прощай».

Кто-то из раненых застонал, и Трунин очнулся. Посмотрел на письма: сколько, оказывается, радости может принести конверт. Заколебался было в своем решении, но потом стремительно встал, вышел из домика. Сунул всю пачку меж камней, на которых по вечерам грели чай. Чиркнул спичкой. Невидимый на солнцепеке огонек охотно перескочил на уголки писем.

Еще было время выхватить их из огня, спасти свои «времена года». Но Трунин не тронулся с места, не отвернулся от жара, пыхнувшего в лицо от занявшейся огнем всей пачки.

С НП послышался шум, и старший лейтенант оторвал взгляд от пепла. Черемных, прикрывая радиостанцию собственным телом, бежал к штабу.

— Связь пропала,— выпалил он. Тут же, у ног командира, поставил рацию, тронул, проверяя настройку, каждый тумблер.— «Южный» запросил у нас помощи — и сразу тишина. Дословно так: «Нуждаюсь в помощи. Прошу...» — и обрыв, товарищ старший лейтенант. И сейчас по нулям.

— Что может быть? — Трунин сам склонился над рацией, перешел на запасную частоту.— Что у них может быть, Черемных? — допытывался он, хотя сам уже предположил наиболее вероятное.

— Вышла из строя рация. Может, осколок или пуля.

— «Второму» срочно с людьми ко мне! — вышел Трунин на взводную связь.— Брянцев, тоже. «Броня-14», заводи.

До «Южного» — десять километров горного серпантина. «Южный» — это его тыл, это мостик, связывающий его по связи с командованием. В конечном итоге он — самый близкий по расстоянию и условиям службы советский гарнизон. И если командир, которого Трунин и в глаза еще ни разу не видел, просит о помощи,— хоть сам разделись пополам. Не для того летели в Афганистан, чтобы прятаться за чужие спины и терять веру в соседа справа и слева.

Старший лейтенант остановил рапорт Кузьмина, подошел вплотную к его отделению. Подбежавшему Брянцеву указал место на правом фланге.

— Товарищи десантники. С той стороны перевала идет бой. «Южный» запросил помощь. Обстановку обрисовать не могу, так как пропала связь. Старший — сержант Брянцев. С собой всем взять полные фляги воды. Все. К машине.

Десантники, словно на тренировке, умело распределились у люков. Разница была лишь в том, что сейчас они сгоняли подсумки с боеприпасами под руку, на живот.

— По местам.

Брянцев, проследив за посадкой, обернулся к командиру. Трунин подошел.

— Если что-то прояснится, я пошлю к тебе Фроландина. Поспеши. Ну, и...

Замкомвзвода согласно кивнул и впрыгнул на броню. БМД задрожала, присела на задние скаты. Гусеницы натянулись — и машина рванулась вперед. Брянцев качнулся, но успел махнуть рукой.

— «Ноль-ноль четвертый», к нам, кажется, идут парламентеры,— раздалось в наушниках, и старший лейтенант быстро поправил ларингофон. Резина плотно облегла ухо, и он теперь отчетливо услышал удивленный голос Фроландина.— Честное слово, парламентеры. Два человека, с тачкой и красным флагом.

Это было что-то новое в службе Трунина. Он бегом направился на позицию Фроландина, спрыгнул в окоп. Сержант кивнул вниз.

По дороге из кишлака медленно шли два человека. Молодой толкал перед собой тележку, прикрытую рогожей, семенивший рядом с ним аксакал в длинном халате держал на вытянутых руках палку с красной тряпицей. Дойдя до валунов, у которых душманы залегли в первый раз, они остановились. Старик замахал флагом.

Фроландин посмотрел на задумавшегося командира.

— Вам нельзя, товарищ старший лейтенант,— сказал он. Вытащил из внутреннего кармана стопочку документов и писем, нашел в них какую-то фотографию, посмотрел на нее и протянул Трунину.— Вам нельзя,— повторил он.— Брянцева нет, пойду я. Разрешите с Буховцевым?

Нет тяжелее для командира минуты, когда по его решению большая часть опасности падает не на него, а на

подчиненных. Но умные люди говорят, что голову надо беречь даже тогда, когда бьют по телу.

— Мы будем вас прикрывать,— сказал Трунин сержанту, и тот вместе с Буховцевым вылез на бруствер.— Близко не подходите, не закрывайте их от наших снайперов.

— А как нам быть с флагом? — вспомнил сержант, прикидывая свой путь.— Эй, есть у кого красная материя? А то они с красным, а мы, что ли, с белым пойдем?

Красного ни у кого не нашлось, и Трунин заставил Фроландина взять все же кусок материи для подворотничков: береженого бог бережет.

— Ну что, Петро, дипломатом еще не был? — спросил Буховцева Фроландин. Тот лишь глубоко вздохнул и сделал первый шаг. Сержант догнал его, пошел рядом, не спуская, однако, взгляда с кишлака и парламентеров.— Я тоже еще не был, а теперь вот... Пусть попробуют теперь в МИМО без экзаменов не принять. Ты что шепчешь?

— Шаги считаю и пить хочу. Двадцать шесть... Двадцать шесть или двадцать семь? — Буховцев остановился с поднятой ногой и посмотрел на сержанта.

— Брось, Петя,— подтолкнул его Костя.— Если считать каждый свой шаг на земле, то это уже, извини, не человек, а памятник. Тебе это сейчас надо? Впрочем,— Фроландин отстранился, осмотрел друга,— когда афганцы захотят поставить нашему солдату у себя памятник, тебя можно и рекомендовать для эталона.

— Да будет тебе,— смутился Буховцев.

— Нет-нет, это мысль,— оживился Костя.— И ее надо продумать. А пока идем, а то командир небось извелся от нашего стояния. Еще этот флаг чертов... Слушай, а без оружия на этой земле ходить еще непривычно и тоскливо, а?

Чем ближе подходили десантники к парламентерам, тем беспокойнее становились те. Наверное, и Костя с Петей вели себя не так, как всегда — не каждый ведь день ходишь на переговоры с душманами. Но тем не менее расстояние между ними сокращалось, и Фроландин хорошо рассмотрел и старика, и парня с черной густой бородой, в форме народных вооруженных сил ДРА. Он стоял, придерживая тачку, и неотрывно смотрел на подходивших советских солдат.

Не дойдя несколько шагов, Фроландин остановился. Вспомнив наставление командира, отошел в сторону, открыв обзор снайперам.

Старик оглянулся на кишлак, посмотрел на бородача. Тот кивнул, и аксакал сделал шаг вперед.

— Я русский, и меня послали к вам,— сказал он, и Костя сразу вспомнил про деда, о котором говорил Брянцев.— А это Султан, он захвачен в плен со своим командиром.

Бородач кивнул, приподнял рогожу, и десантники отпрянули: на досках лежало обезглавленное и четвертованное тело. Увидев на нем ремни с заклепками, Фроландин понял, что это Гулям.

— Младший лейтенант? — стараясь больше не смотреть на труп, переспросил все же сержант.

— Они сказали, что так будет с каждым жителем кишлака, если вы не пропустите их через перевал с рассветом,— тихо сказал старик.

Султан что-то добавил, и аксакал закивал:

— Они сказали так: возьмут двадцать заложников. Каждому привяжут гранату, и если шурави станут стрелять, они дернут веревки. Смилуйтесь, там будут женщины и дети. Пропустите банду, не берите грех на душу. Еще раньше Красная Армия ваша ради бедняков шла на все. Не банда об этом просит — жители просят. Там дети и женщины...

Фроландин, глядя на сморщенное, потерявшее русские черты лицо, вдруг пожалел не этих двадцать заложников, а самого аксакала. Неужели он столько лет прожил без Родины? Здесь на два года улетел — а при увольнении, кажется, пешком пойдешь на север.

— Сколько в банде человек? — догадался спросить Буховцев, и Фроландин одобрительно кивнул.

— Где-то двадцать. Есть пулемет, винтовки, автоматы,— ответил старик. Переговорив о чем-то с Султаном, добавил: — В банде есть европеец или американец, главарь Хавар его слушается. Европеец сказал, что, если отряд не пройдет через перевал, все жители кишлака будут убиты и весь мир узнает, что это сделали шурави.

— Что? — подался к старику Буховцев, но сержант остановил его.

— Нам надо возвращаться, иначе пять девушек отдадут бандитам,— сказал старик.— А этого командира сказали оставить вам.

— Да, оставьте, мы похороним его,— ответил Фроландин, хотя и не представлял, можно ли им это делать. Но Гулям — высокий, ладный парень стоял перед глазами, и

Костя подошел к тачке, взялся за ручку. Буховцев стал рядом.

— Султан говорит, что женщина, из-за которой погиб командир, лежит на площади и никого к ней не подпускают.

Поклонившись, аксакал отступил назад. Однако солдат торопливо сказал еще что-то, и он замер.

— Среди душманов есть три верных человека,— старик сообщил это тихо, словно его могли подслушать из кишлака.— Надо найти Фарида. Он просил передать для вас, что у главаря есть карта с военными объектами в Кабуле.

Аксакал повернулся к своему спутнику. Тот с грустью посмотрел на перевал, положил свой флаг на тачку, кивнул десантникам и пошел вниз. Проводив их взглядами, Фроландин и Буховцев налегли грудью на тележку.

VII

Трунин вел совет перевала. Все, кто мог уйти с позиций, плотно сидели в тени штабного домика. Командир взвода стоял у самой стены.

— Исходить нужно из конкретной ситуации: душманы под прикрытием заложников будут проходить через перевал.— Трунин оглядел подчиненных. Пожалел, что не было среди них рассудительного Коли Брянцева, сообразительного Бориса Кузьмина.— Наша задача, товарищи: первое — сделать все, чтобы не пострадал ни один житель кишлака и ни один заложник; второе — не дать банде выйти из окружения, то есть не пропустить их через перевал. И то и другое — наш интернациональный долг. Скажу еще — у главаря имеется карта военных объектов Кабула.

— Узнать бы чьих,— протянул Буховцев.

— По-моему, не имеет значения, советских или афганских,— ответил Трунин.— Прошу всех думать и не бояться высказывать предложения, какими бы фантастическими они ни казались.

Командир взвода не боялся выглядеть сейчас беспомощным, обращаясь за советом к подчиненным. Скорее, наоборот. Коллективная мысль, облаченная затем им в форму приказа, выполняется всегда быстрее и качественнее. Здесь к тому же был случай, когда нестандартная ситуация не оставляла права даже на малейшую оплошность. Как все будет продумано, то и получится. Поэтому лучше не спе-

шить, взвесить все до миллиграмма, рассчитать до секунды, измерить до миллиметра.

— А что думать? — осмотрел всех Черемных.— Снарядим группу в кишлак, попытаемся обезоружить банду прямо там.

Все посмотрели на командира.

— Выход в кишлак невозможен по трем причинам,— сразу ответил Трунин.— Первое — нам неизвестна система охраны. Второе — возможен бой, а я против стрельбы в кишлаке, мирные жители не должны страдать от того, что мы ничего не смогли придумать. Третье — у главаря есть карта военных объектов. В кишлаке он сможет ее спрятать. Если же будет идти на перевал, возьмет с собой. Мое мнение — банду надо брать на перевале. Вопрос — как?

— А если мы возьмем каждого душмана на прицел и одновременно выстрелим? — начал Володя Хорошилов. Однако сам и возразил себе: — Нет, не пойдет. Если бы над дорогой нависали скалы и обстрел вести сверху... А сбоку можем и не попасть.

Трунин перевел взгляд на других десантников. Закаленные до черноты солнцем, ветрами и морозами, они сидели, склонив головы. Петя Буховцев чертил концом нового шнурка линии на огромных пыльных ботинках. Валя Субботин строил пирамидку из камешков. Она не устояла, развалилась, и все обернулись на шум.

— А если... если...— выручая заалевшего Валю, начал Буховцев.— Если... допустим... сделать так, чтобы...— ничего не придумав на ходу, Петя поднял вверх кулак и просто процедил: — У-у, гады «духи».

— Надо, наверное, представить ситуацию и выявить, что от чего зависит,— начал размышлять вслух Трунин.— Скорее всего, душманы станут посредине, а заложников стеной разместят по сторонам.

— А если будут идти один за другим? — вставил Черемных.

— Нет, командир прав. Здесь сработает чувство стадности, они побоятся оторваться друг от друга,— ответил Фроландин.

— Итак, у нас есть цепочка,— продолжал Трунин.— Предполагаем: к поясу каждого заложника крепится граната, затем веревка в руках у бандита. Конкретнее, есть четыре звена: заложник — граната — веревка — душман. Ищем самое слабое звено. Начнем с заложника. Кто рассуждает?

— Если бы они одновременно выбросили гранаты.

— Их наверняка свяжут. А мужчин и детей — точно.

— А если им броситься не в стороны, а в ноги к мятежникам?

— Так, в этом что-то есть. Еще?

Высказали и сами опровергли еще три-четыре варианта. Когда замолчали надолго, Трунин перешел к следующему звену:

— Граната.

Здесь высказываться не спешили. Граната не человек, сама ничего не предпримет, надо что-то делать с ней.

«Что-то делать с ней,— повторил про себя командир.— Что-то делать с ней...»

— Буховцев, гранату.

Десантник расстегнул пришитый к груди кармашек, из одного отделения вытащил «лимонку», из другого — запал.

— Что можно сделать, чтобы она не взорвалась? — поднял гранату старший лейтенант.

— Подпилить кольцо.

— Ввинтить учебный запал. Запросто.

— Вася, даже в ДОСААФ знают, что учебный запал больше и что у него красная ручка.

— Сам ты из ДОСААФ.

— Хорошо, подпилим, боек в запале — хоть и опасно, но можно. Кольцо трогать нельзя, оно на виду. Значит, по сигналу заложники бросаются в стороны, гранаты не взрываются. Дальше.

— Расстрелять в упор.

— Нельзя, расстреливают только после суда афганские органы. Что-что, а законы нарушать нам никто права не давал.

— К тому же надо предвидеть, что и среди душманов могут идти мирные люди. Запросто.

— Ну вот видишь, Вася, тебя поругать — и ты сразу становишься сообразительным и осторожным — настоящим парнем из ВДВ.

— Теперь осталось то же сделать тебе.

— Итак, заложники с гранатами упали, бандиты стоят. У нас одна-две секунды, пока они придут в себя. Что дальше?

— Времени мало. Что тут успеешь?

— Наброситься на них. Самбо для чего изучали?

— И это в две секунды? А пулю в живот не хочешь? Разрывную?

— А может, отвлечь их чем-то? Скажем, рядом — мощный взрыв,— подал голос Валя Субботин, и Петя Буховцев удивленно посмотрел на него, потом на командира.

— Принимается,— удовлетворенно кивнул Трунин.— Делаем рядом направленный в противоположную сторону взрыв. «Духам» на удивление и растерянность — еще две секунды. Итого, четыре-пять — в нашем распоряжении. Успеем?

— Надо тренироваться.

— Товарищ старший лейтенант,— неуверенно, оглянувшись на Хорошилова, встал Сергей Кротов.— Мы недавно тут опыт проводили: если цинк с патронами часа три-четыре кипятить в воде, патроны не выстреливают. Может, это пригодится?

— Все это хорошо. А как заменить боеприпасы? — тут же спросил практик Хорошилов, стараясь не заострять внимание командира на этом странном опыте.

У Трунина подспудно, неохотно уступая место для других идей, но никогда не исчезая совсем, жило в памяти сообщение Фроландина о людях в банде, которые якобы могут помочь. Насколько это верно? Вдруг — провокация? Впрочем, парламентеры ведь сами ничего не предлагали, никуда не зазывали. Будь это ловушка, могли бы «духи» вот так отдать всю инициативу в руки шурави? Но гранаты и патроны слишком уж по-детективному. А может, на этом как раз и стоит сыграть?

Думать, думать, думать.

Трунин, стараясь не высовывать голову на солнцепек, зашагал у стены. Десантники притихли: если командир заложил руки за спину — значит, принимается решение и лучше не мешать.

Искали в эту минуту выход из положения и Хавар с господином Роулдом. Проклятая активистка расстроила хорошо продуманный план, и теперь, имея за спиной только сжимающееся кольцо правительственных войск, нужно было спешить.

Карта с тщательно вырисованной обстановкой на операцию была скомкана и брошена за подушки. Пятьсот тысяч афганей, заплаченных за нее людям в генштабе, можно было считать потерянными: войска изменили операцию не только по месту и времени, но и влезли в незапланированные районы. Как можно было считать потерянными и те

деньги, которые были заплачены связистам: хотя советские и не узнали вовремя об операции, это, похоже, не выбило их из колеи.

Впрочем, деньги можно было и не жалеть, если бы вместе с ними не гибли люди, их добывающие. А сейчас такое положение, что только бы свои ноги унести из этого мешка. Разведка боем не дала ничего хорошего — шурави отбили атаку лишь частью своих сил. Правда, господин Роулд подсказал, он вообще мастак давать советы: с русскими надо воевать, используя их патологическую гуманность и строгость тех законов, которые они сами себе выдумали для пребывания в Афганистане. Заложники с гранатами — это, конечно, не совсем надежно, но хоть какой-то выход. А надо бы поискать и запасной. Разведчики доносят, что наступление бабраковцев ожидается завтра к обеду, так что сам аллах дает им время подумать.

Господин Роулд маленькими глотками пил чай. Хавара бесила его выдержка — если что-то надумал еще, говорил бы сразу. А в том, что Роулд о себе не позабудет,— в этом можно не сомневаться.

«Ну и ладно,— подумал со злостью Хавар и потянулся к пиале. Выплеснул через плечо остывший чай, налил горячего.— Один я тоже выберусь. И тогда деньги за схему охраны Кабула тоже один получу».

Господин Роулд заметил перемену в главаре, подивился. Будь его воля — первым делом бы выбил спесь из этих тупых, но упрямых баев. Чтобы на всю жизнь и сами запомнили, и потомству заказали, кому служат и чей флаг над всеми флагами должен реять. Ведь брось, оставь этого же Хавара сейчас — и все, конец его священной войне, ни денег, ни ума не хватит ни мост взорвать, ни колонну обстрелять. И если уж совсем реально смотреть на события в Афганистане,— а он, Роулд, может так рассуждать, не в ночных барах сидел эти полгода,— без помощи их правительства уже через месяц все до одной банды упадут перед народной властью на колени и не поднимутся. Но, сволочи, чувствуют, что нервы трепать Бабраку и советским нам тоже выгодно, поэтому носом водят. Да им ли фыркать, если они в туалет не с бумажкой, а с камешком ходят. Тьфу!

Чтобы и в самом деле не сплюнуть, Роулд, прикрывая рот, по привычке потянулся к усам. Но вовремя сдержался: все, усов не было и нет. Как они учили когда-то в центре русскую пословицу: «Береженого бог бережет». Так что

лучше не запоминаться, пусть в разных местах фигурирует и с разной внешностью человек. Сейчас можно хоть в осла превратиться, лишь бы дойти до Пакистана, получить свои доллары, а там...

Что будет потом, у него в мыслях рассчитано до последней ступеньки в трапе самолета. Закон жизни на их континенте не для хилых, там тебя не признают, пока ты не въедешь в город на белом коне. Конечно, не самый лучший способ зарабатывать на этого коня среди афганской черни, но Роулд не глупый парень, он сумел посмотреть и на несколько дней вперед. Как ни верти, а коня надо будет и кормить. На этот случай и берутся впечатления. Книгу написать сразу, конечно, трудно, но выступить на радиостанции у себя или в Европе он теперь — пожалуйста. Тем более что правду короли эфира понимают своеобразно. Но это уже никого не волнует, а его тем более. Так что вырваться, вырваться — вот что главное.

Когда сорвался план укрыться в кишлаке, господин Роулд после долгих раздумий понял: надо как можно быстрее пробираться навстречу наступающим войскам. Пока они еще далековато — не может быть, чтобы не было лазейки, не идут же солдаты сплошной стеной. Чем ближе будут подходить они к перевалу, тем внимательнее и осторожнее станут. Конечно, отряд слишком приметен, уходить надо максимум двум-трем человекам. Такие люди есть. С волками жить — по-волчьи выть. Ох как умно он сделал, что не пожалел тройку-другую тысяч афганей, сунул их в жадные руки. Если подкармливать жадного — надежнее человека рядом не будет. А перевал — это ерунда, это для тех, кто не заглядывает в историю и зовет русских «Ванями». Этого Ваню подразнить иногда еще можно, но попробуй прищеми хвост — без глаз останешься.

Так что Хавар был неправ: господин Роулд думал как раз о нем. Но по всему выходило, что брать главаря с собой не было смысла. Без отряда он — ноль, и исходить надо только из этого. Надо тихо уходить без него, а он пусть попробует один побороться за святое знамя ислама, если духу хватит.

— Пойду посмотрю посты,— поднялся Роулд.

— Я тоже,— отставил пиалу и Хавар.

«Нет, господин Роулд, теперь я от тебя ни на шаг,— думал главарь.— Я вижу, что ты недоволен, но в дипломатию пусть любезничают наши начальники в ресторанах, а

здесь свистят пули. Ты из нашей борьбы высосал для себя многое, пора бы и поделиться чем-нибудь».

Не скрывая раздражения, Роулд вышел из дома. Охранник у дверей устало вытянулся, и Хавар сжал зубы. В былые времена за одно такое ленивое движение он выбивал коленные чашечки. А теперь надо смотреть, чтобы остатки от отряда не разбежались. Хорошо, что наскочили сегодня утром на отставший от колонны бронетранспортер с пленными муджахеддами. Двоих своих потеряли, зато девять новых бойцов влили в отряд. По сегодняшним временам это сила. Нужна, конечно, перепроверка, но это все потом. Надо лишь присмотреться к Фариду — сметливый парень, к нему прислушиваются. Такие, правда, бывают и опасны, но если хорошо платить — будет держать людей не хуже Муртази.

Фарид стоял на посту у калитки, и Хавар, увидев его, подивился совпадению и вновь подумал: «Побольше платить — и как за стеной».

— За время дежурства наблюдал: по улице прошли три женщины, один бача пронес кувшин с водой вон в тот дом,— доложил часовой.

Положил глаз на этого статного мятежника и господин Роулд. Сейчас он еще раз внимательно посмотрел на него и прикинул: «Парень не глуп, можно прихватить и с собой. Захочет, сможет много получать».

От Хавара, не спускавшего глаз с Роулда, не ускользнуло его внимание к Фариду. И тогда, желая побольнее уколоть его, отрезать все пути к их сближению, он выступил вперед и дотронулся до груди муджахедда:

— Ты видел, брат, как погиб мой помощник Муртази. Я буду рад, если ты заменишь его. О цене не спрашивай: сколько пожелаешь, столько будешь и иметь. Ты доволен?

— Да. Я готов выполнить любой ваш совет и тем более приказ,— не задумываясь, отчеканил тот.

То, что Фарид быстро согласился, что вытянулся именно перед ним, признавая одного командира,— все это Хавару очень понравилось. Он расправил плечи.

— Первым делом сменись с поста. Эй, слышите,— крикнул главарь, и находившиеся поблизости мятежники повернулись к нему.— Отныне все распоряжения Фарида — это мои распоряжения...

Роулд не узнавал своего подопечного: так далеко в самовольстве он никогда не заходил. И сейчас он ведь не

Фарида ставил на должность, а отвесил пощечину ему, представителю величайшей державы!

Роулд резко повернулся и ушел в дом. Главарь перевел дух, но все же махнул, чтобы видели все, рукой: пусть, мол, бесится, не боимся. Конечно, в Пакистане разговор будет другой, Хавар в этом не сомневался. Такое не прощается, но до границы еще надо дойти. А можно и вообще не ходить: если уж откинуть политику, то делать там нечего. Какие и где диверсии проводить, кого и как убивать — это и без инструктажей этих господ из-за океанов известно. Деньги, если потребуется, он возьмет в любом дукане в пять раз больше, чем сунут подачкой в лагере. Вот так-то, господин Роулд, хоть ты и считаешь нас глупцами. Сам ишак!

Однако на этом вся смелость Хавара кончилась. Еще раз обняв на глазах у всех Фарида, он пошел вслед за Роулдом в дом. Про себя ругнуться можно, но в итоге, как подсказывает опыт, нужно опустить голову: кто его знает, это будущее. Щупальца у страны господина Роулда, говорят, уже к звездам тянутся, а здесь-то, на земле, они с горла и не сходят...

Лишь колыхнулась за главарем висящая на входе мешковина, Фарид указал на свое место одному из бандитов. Сам неторопливо, утверждая себя в глазах муджахеддов, прошелся по двору. Остановился около хлева, кивнул охраннику на запор. Тот с готовностью открыл ворота.

На клубах заготовленной на зиму верблюжьей колючки лежали связанные Султан и Расул.

— Воды! — повелительно крикнул Фарид просунувшемуся в пыльную темноту хлева охраннику, и тот исчез.

— Продержитесь до ночи,— наклонившись к пленникам, шепнул Фарид.— Что сказали шурави?

— Я дал им твое имя,— ответил бородач.

— Расул, — тронул Фарид бывшего мятежника, но тот, закатив глаза, бредил.— Расул.

— Плох он, рана серьезная,— прошептал Султан.— Боюсь, не дотянет. А девушка все на площади?

— Да, еще там.

Вбежал охранник с кувшином, плеснул водой на раненого. Тот застонал, но в себя не пришел.

Фарид задумался, потом наклонился над Расулом, надорвал в пиджаке воротник. На глазах у удивленного Султана и охранника вытащил оттуда бумажку, быстро прочел ее.

— Сволочь,— процедил он и вышел из хлева.

Главарь пил чай, и Фарид, войдя в комнату, замер с легким полупоклоном перед ним, вновь стараясь подчеркнуть, что он не признает никаких господ и служит только одному.

— Хочешь чаю? — довольный помощником, указал место рядом Хавар.

— Нет, я сыт, и мое место, как я понимаю, среди муджахеддов. Я тщательно обыскал пленных и нашел вот это,— Фарид протянул главарю удостоверение мятежника Расула.

Тот прочел его несколько раз, неопределенно пожал плечами. Мало ли каких бумаг ходит по стране? Сейчас каждый со справкой хоть для новой власти, хоть для старой.

— Ты думаешь, что этой бумажке можно верить? — спросил главарь.

— Можно! — твердо ответил Фарид.— Это настоящая подпись Абдуллы. Но тем более нет прощения мусульманину, который имел такое удостоверение, но находился рядом с людьми, стреляющими в нас. Он подыхает, но для поддержания порядка я предлагаю его расстрелять. Или утопить в арыке,— добавил он.

Хавар, не ожидавший такого поворота дела, гордо повернул голову к господину Роулду. Потом кивнул помощнику, подтверждая свое согласие.

В хлеву Фариду все же удалось привести в чувство Расула. Освободив его от ножных пут, вырвал из колючек, вытолкнул во двор. Зарядив карабин, вывел пленника на улицу, повел вдоль дувала.

И вновь Расул словно читал уже однажды прожитую страницу. Вчера он шел вот так за младшим лейтенантом, и тот чуть не привел его к гибели. Что будет сейчас? Как Фарид оказался в банде и почему не предал его? Что сейчас хочет сделать бывший гранатометчик, куда ведет?

Дойдя до площади с колодцем, Фарид подтолкнул его в покосившуюся калитку.

Под старым, разлапистым деревом посреди двора сидела собака. Увидев людей, она вскочила, оскалилась. Вышедший из дома старик мягко осадил ее. Ни слова не говоря, подхватил раненого, помог войти ему в дом. Фарид вошел следом.

Первое, что он увидел,— трех женщин, что промелькнули на улице во время его дежурства. Однако из-под покрывал на него смотрели усатые парни, и тут Фарид понял, что это советские десантники. Поспешил назвать себя.

— Они спрашивают, как вы докажете свою готовность помочь им,— перевел старик первые слова советских, хлопоча с одним из десантников около раненого.

— Как угодно. Этот раненый — из отряда командира, которого увезли вам на гору. Второй пленный — Султан, находится пока у нас. Он мне и сказал об этом уважаемом аксакале. На рассвете приказано взять двадцать заложников, будем уходить через перевал. Душманов осталось семнадцать человек.

— Почему не идете вечером или ночью?

— Кажется, господин Роулд хочет использовать ночь для себя. Как — пока не знаю.

— Сможешь ли подменить эти...— старик не смог найти слово, и один из десантников протянул афганцу запал.

Фарид взял его, повертел в руках: запал как запал. Припомнил, что сумку с захваченными в бронетранспортере гранатами носит прихрамывающий на правую ногу бандит.

— Смогу,— кивнул он.

Советские зашептались, затем Фариду протянули связку запалов, подали несколько пачек с патронами для автоматов. Он выслушал, как вести себя заложникам на перевале. Потом показал на часы, Расула, карабин — мол, мне пора. Кивнув, вышел из дома. Вскоре за огородом прогремел выстрел.

— Черт его знает,— пожал плечами Фроландин на вопросительные взгляды Черемных и Кротова.— Но полдела сделано. Теперь дождаться темноты и унести с площади девушку.

— Но из дома лучше уйти,— сказал Кротов.— И хозяину с раненым спокойнее, и нам.

— Может, выбросим эти тряпки,— скомкал накидку Черемных.— Как только в них бедные ханум ходят?

— Это мужики бедные: пока до женщин доберутся — и ночь пройдет.

— Много знаешь, а сам небось еще нецелованный ходишь. Ладно, уходим,— Фроландин, пожав старику руку, первым выскользнул из дома. За ним — десантники.

...Фарида разбудил крик Хавара.

— Где эта сволочь заокеанская? — тряс главарь стоявшего на охране у дверей часового.— Когда и с кем он ушел?

Фарид повертел головой, освобождаясь ото сна. Рассвет только занимался, впрочем, это еще и не рассвет был, а всего лишь чуть разбавленная туманом чернота гор. Гла-

варь, путаясь в ремнях, выхватил из кобуры револьвер и, прежде чем Фарид успел что-то сказать, разрядил его в так и не пришедшего окончательно в себя после сна часового.

— Вот и вся дружба с заграницей,— нервно крикнул Хавар помощнику.— Помяни мое слово, они в конце концов так же подло предадут всю нашу борьбу. Поднимай отряд и заложников, будем уходить сейчас же.

Мятежники, несмотря на ранний час, охотно вылезли из своих закутков. «Уходим, уходим»,— подгоняли они друг друга. Поглядывали с крыш часовые: не забыли бы их в суматохе.

— Из наших нет троих,— пересчитав людей, доложил Фарид, приплюсовав и «своего» хромого.

— Увел, поганая овца, с собой. Теперь ясно, почему он убеждал переходить горы утром — ночь нужна была ему самому. Не живи чужим умом, Фарид, никогда не живи. Веди заложников.

Фарид распахнул хлев. Оттуда, ежась от утренней прохлады, пугливо озираясь, выходили собранные вчера вечером люди. Мятежники похватали каждый себе жертву-прикрытие, старикам и детям начали связывать руки. Фарид вынес сумку с гранатами, ввинчивал запалы и передавал бандитам. Те, кто как мог, крепили их на поясах у заложников. Две гранаты для себя и Хавара Фарид подготовил и отложил в сторону. Автоматчикам приказал снарядить магазины новыми патронами. Однако большинство мятежников не стало возиться, высыпали боеприпасы в карманы.

Из комнаты, где спал главарь, потянуло дымом, и Фарид заглянул в окно. Хавар жег на полу бумаги и фотографии. Одну помощник успел рассмотреть: Хавар и господин Роулд стоят обнявшись у какого-то здания. Снимок в костер не попал, и главарь подпихнул его в огонь ногой. У самых дверей остановился, вытащил из сумки бумажный пакет, повертел в руках, сунул под куртку.

Получив во дворе свою веревку с заложником, он вдруг наморщил лоб, что-то вспоминая. Но, так ничего не сказав, оглядел укрытый стеной испуганных людей отряд. На всякий случай поменялся веревками с рядом стоящим мятежником. Теперь Хавар шел под защитой вчерашнего бородатого пленника Султана.

«Никому нельзя доверять, никому»,— думал Хавар, шагая по улице. Словно в подтверждение своих дум, прикрепил к поясу бородача еще и свою гранату.

Отряд вытягивался к перевалу.

VIII

Трунину показалось, что он только прикрыл глаза, а его уже начали трясти за плечо.

— Товарищ старший лейтенант, товарищ командир.

Он с усилием приподнял веки, но снова закрыл. Сладостная темнота вновь растворила тело.

— Товарищ старший лейтенант, Брянцев вернулся.

— Что? — Фамилия заместителя впилась в сознание и словно взорвалась там, растормошив мозг ото сна.— Что с Брянцевым?

— Здесь я, товарищ командир.

Трунин окончательно проснулся, увидев перед собой улыбающегося, бережно держащего на перевязи правую руку сержанта.

— Живы! — не спросил, а подтвердил его улыбку командир.— Что с «Южным»?

— Передает вам привет.

— Рука?

— Старый воин — мудрый воин. Должна была висеть голова, а так всего лишь она.

От удачно выполненного задания, участия в схватке с бандитами, от ранения Коля Брянцев был горд и весел. В его голосе и жестах Трунин уловил даже некоторые черточки похвальбы. Это скорее всего чувствовал и сам замкомвзвода, но чтобы стать прежним Брянцевым, он должен был выплеснуть из себя возбуждение.

— Садись,— указал Трунин место рядом с собой на койке.

Словно не командир, а старший брат, положил ладонь на колено сержанта. Хотел попросить рассказать о поездке более подробно, но у Брянцева этого, видимо, не получилось бы сейчас. А главное известно по его лицу.

Трунин лишь хлопнул его по колену и тихо сказал:

— Молодцы, что вернулись. Теперь сто лет жить будете. Иди к ребятам, а через двадцать минут ко мне с подробным докладом.

Брянцев нетерпеливо вскочил, кивнул головой и выбежал из домика.

Трунин огляделся. К окошку прилипло серенькое, словно невыспавшееся предрассветное небо. В углу штаба спал, сонно отмахиваясь от мух, афганский санитар. Черемных, который привел Брянцева, проверял подзарядку аккумуляторов.

— Все уже встали, товарищ старший лейтенант,— сообщил он, выходя вслед за командиром из мазанки.— Как Брянцев прикатил, так и встали.

Часы показывали половину пятого. Еще дремали горы, упрятавшие в расселинах и каньонах колобродивший до полуночи ветер. Застыл под легким одеяльцем тумана кишлак. И лишь десантники, растащив приехавшее с Брянцевым отделение Кузьмина, увлеченно делились перипетиями прошедших суток. «Мальчишки»,— улыбнулся Трунин, глядя на подчиненных.

Никем не замеченный, он прошел к афганскому автомобилю, поставленному рядом с дорогой. Обошел его, потрогал борта — держатся.

Подбежал Брянцев.

— Это хорошо, Николай, что вы вернулись,— Трунин облокотился на разрисованный пальмами, рыбами, кентаврами борт машины.

— «Южный» оставлял до утра, но уж очень хотелось домой, сюда,— тихо ответил Брянцев, и по его голосу Трунин понял, что рядом прежний — надежный помощник.

— Что там у него стряслось?

— Афганцы делают большую чистку района, вот банды и поползли в горы. Две вышли на него, пулей пробило рацию. Лейтенант там всего месяц служит,— попытался оправдать сержант «Южного», поднявшего, может быть, излишний шум.— Хотя прибыли мы как раз вовремя, ударили во фланг банде. Отбросили их обратно в долину. В этот момент меня слегка и задело,— качнул он раненой рукой.

— Нашу обстановку вы, видимо, вкратце тоже знаете,— сказал Трунин.— Нападать будем из этой «бурбухайки»,— он хлопнул по машине.— Взрыв — на противоположной стороне. Видимо, им займетесь, принимая во внимание ранение, вы. А сейчас еще раз, с учетом людей Кузьмина, как мастер спорта по самбо отберите ровно семнадцать человек. Лишних не нужно. Да, я там Субботина тоже включил в группу нападения, наверное, заменим его.

— Обидится,— мотнул головой Брянцев.

— Знаю. Но у Кузьмина есть ребята посильнее.

— Тогда разрешите Субботина взять с собой.

— Хорошо, это годится. Тем более что идея со взрывом — его. Давайте сюда людей, начнем тренировку.

Десантники, размявшись короткой зарядкой, сначала медленно, потом входя в азарт, занялись схватками.

— Не побейтесь, осторожнее,— придерживал их Трунин.— Буховцев, перейдите сюда, вам там с краю делать нечего. Будете влетать сюда, в самую середину. Кузьмин, не надо приемов, места и времени для этого не будет. Сбить душманов с ног, прижать к земле — и все. Буховцев, почему без бронежилета?

— Мал, дышать не дает.

— Надеть. Шнурки хоть нормальные?

— Нет, уже выбросил. Перешел на проволоку.

Трунин огляделся, пытаясь представить, как все будет происходить через несколько часов. После вчерашней тренировки, когда все еще получалось скомканно, без стремительности и порыва, он вдруг впервые засомневался в успехе. И хотя постепенно все оттачивалось и с машиной Фроландин просто здорово придумал,— сомнение уже не исчезало. Может, все-таки дать банде пройти? Ну, вырвутся в горы семнадцать человек, унесут какую-то карту, зато жизни солдат его взвода не лягут на весы удачи.

— Поглубже, поглубже, Валентин,— наклонился он над Субботиным, закапывающим проводки для взрыва через дорогу.— Брянцев, выводите провода вон к тем камням, в сторону, подальше от всех.

— Идут! — вдруг закричали, забыв про рацию, из боевого охранения.— Идут!

Солдаты недоуменно обернулись на командира, Трунин непроизвольно вскинул руку с часами: рано вроде бы...

— По местам? — спросил его замкомвзвода, и Трунин согласно кивнул. Так, главное — не паниковать, все получится как надо. А из Николая толковый офицер может получиться, обязательно ему надо в училище...

Трунин тряхнул головой, отгоняя посторонние мысли.

— Костя, вы — после взрыва,— закрывая борт, напомнил он еще раз оставшейся в кузове группе Фроландина.

— Расслабьтесь, еще есть время,— забежал за машину, где застыла группа Гусаренко.— Миша, сначала вы, потом — из кузова.

— Брянцев, как у вас?

— Сейчас,— замкомвзвода пробежал вдоль бело-красной пары проводов, присыпая их песком. Потом склонился вместе с Черемных над аккумулятором.— Будет толк, товарищ командир. Валентин, где бронежилет?

— Буховцеву отдал, у его «броника» лямки отлетели.

— Ладно, только не высовывайся. Готовы, товарищ старший лейтенант.

Трунин пробежал к боевому охранению, спрыгнул в окоп. Положил под взгляд всю дорогу.

От кишлака к перевалу двигалось серое пятно. Старший лейтенант вскинул бинокль, нетерпеливо навел резкость.

Пятно разделилось на людей, которые медленно входили и выходили из очерченного окулярами круга. Трунин дождался, когда в него войдет молодой парень в песчаном кепи. Главарь? Хавар? Он хотел повнимательнее всмотреться в его лицо, но главаря постоянно закрывал связанный бородач солдат, которого Трунин видел во время переговоров. Рядом с ним, поддерживая подолы платьев, семенили две пожилые женщины. Одна подняла голову, со страхом заглянула через бинокль в глаза Трунину.

«А вдруг не заменили запалы?» — пронзила командира мысль.

Он опять приник к биноклю. Люди несли на перевал к нему страх, надежду, боль, и он должен был принять все это, разделить и воздать каждому свое. Трунин чувствовал, что он неотвратимо втягивается в ту область человеческих и политических отношений между двумя странами, о которых неделю назад и думать не думал. Здесь уже ни тактика, ни огневая подготовка, ни высшая математика не в силах помочь. Из всех инструкций и разъяснений — только совесть...

У старшего лейтенанта пробежали по спине мурашки. Пять дней всего, пять дней оставалось!

В бинокль стало вмещаться все меньше людей, и Трунин, боясь ошибиться в расстоянии, выпустить ситуацию из-под своего контроля, отложил его. Уперся руками в нашпигованный камнями бруствер, вылез из траншеи.

Словно магнитом, притянула взгляд машина. Было все же заметно, что она стоит не на месте, хотя и сняли передние колеса, поставили на домкрат — мол, сломались. Не знал Трунин, о чем думают и затаившиеся в засадах десантники. Впрочем, это не так важно, солдату главное надо знать, что командир думает о них.

Из своего укрытия ящерицей выполз Субботин, быстро сгреб пыль, укрывая ею высунувшийся провод, и вновь юркнул за камень.

Перевал замер.

Трунин поправил ремень. Кивнул Черемных и вместе с ним вышел на дорогу. Стал лицом к машине, дав коридор для заложников и душманов. Прямо перед ним оказался

небольшой камень, и Трунин, скользнув взглядом по его пыльному боку, вдруг подошел и отфутболил в сторону.

— Уж кто-кто, а Буховцев точно о него споткнулся бы,— шепотом пояснил он связисту, лишь бы тот не уловил его нетерпения.

Солдат согласно кивнул, хотя не заметил ни камня, ни как старший лейтенант отбрасывал его в сторону.

— Если что, товарищ старший лейтенант, матери пусть не из штаба известие шлют, а вы ей напишите,— не поворачиваясь, скороговоркой, стесняясь своих слов, проговорил десантник. И, не давая времени командиру возразить, добавил: — Это я к слову.

Трунин ничего не стал отвечать. Он уже весь напрягся, и только сердце, словно маятник, все быстрее и быстрее раскачивалось у него в груди. Кровь, спасаясь от этих ударов, хлынула в голову, от нее отекли, отяжелели руки. Ноги же, наоборот, занемели, при каждом движении их пронизывали иглы, и Трунин совсем не чувствовал их упругости: шагни — надломятся.

«Неужели это страх? — удивился он.— Неужели он именно такой? А может, это просто волнение?» — попытался пощадить старший лейтенант свое самолюбие.

А толпа по-прежнему медленно подходила к перевалу. Десантники, сидевшие в траншее боевого охранения, отошли подальше от дороги, показывая — путь открыт. В глубине перевала, привлекая внимание, прошли переодетые в комбинезоны десантников раненые афганцы: советские далеко, бояться нечего. Только идите!

Трунин еще раз промерил взглядом расстояние от себя до дороги — ровно два прыжка. Спружиниться — и...

Он спружинился. Руки, ноги послушно напряглись, никаких отеков и покалываний. Сердца вообще не было слышно в груди.

— Страх, Виктор,— это заяц,— тихо сказал старший лейтенант связисту.— Дело надвигается — он и в кусты. А?

— По-бо-рем-ся,— отчетливо, словно играя не слогами, а гирями, произнес и Черемных.— А первыми женщин поставили. Вот сволочи. Чистые фашисты.

Сердце у Трунина вновь отчего-то начало раскачиваться, и он, не давая ему разогнаться, сделал несколько шагов навстречу идущим на перевал людям. Его тоже заметили, босые ноги женщин под паранджой стали мелькать реже, и тогда Трунин повернулся к ним спиной. Удерживая себя от резких движений, заложил руки за спину, прошелся на-

зад. Пусть главарь, душманы видят его спину, пусть. Спина — это не нападение, это защита, спокойствие. Только вот машина, машина, как знак на карте!

Старший лейтенант посмотрел на валявшееся рядом с кабиной колесо, подошел к нему, пнул ногой. Дотронулся до обнаженной оси, удрученно покачал головой. Вытащил носовой платок, вытер пальцы. Аккуратно сложил его, положил в карман, стал на прежнее место.

Душманы были уже на перевале. Трунин начал искать в толпе главаря и словно порезался, наткнувшись на его взгляд.

Хавар не оглядывался по сторонам, его не интересовали машины, охранение. Он не спускал глаз с командира шурави, сразу определив, что офицер — это тайна, которая ждет их на этих четырехстах метрах. Офицер — это сигнал, и чем раньше он будет замечен, тем больше шансов на успех.

И Трунин словно увидел себя глазами главаря, прочитал его мысли. И понял, что совершил величайшую ошибку, наметив для себя захват Хавара. Зря и тысячу раз зря. Главарь не спустит с него глаз, он уже сейчас готов уловить любое его движение и опередить!

— Витя,— почти не шевеля губами, выдохнул из горла Трунин.— Главаря берешь ты. Ты, а не я. Понял?

— Да,— не удержавшись, кивнул Черемных.

Трунин заметил, как дрогнуло лезвие взгляда главаря от этого кивка. Хавар догадался: советские переговорились о чем-то последнем, самом важном, что понять и осмыслить не оставалось времени. Он впервые огляделся по сторонам. Десантники, пропустившие их через охранение, закрыли дорогу, и главарь увидел белые зрачки автоматных стволов.

Боясь упустить из вида офицера, главарь вновь впился в его неподвижную, властную фигуру. А ведь он, именно он, Хавар, должен стоять на этой земле хозяином, а мимо машины и него, как через коридор...

Хавар резко остановился: коридор! Советский офицер с солдатом и машина — коридор!

«Ну что, что ты стал,— сжал кулаки Трунин.— Ну, вперед, еще метров десять, ну же!»

Душманы, которые шли первыми, не заметили остановки главаря, оторвались от него, и плотная цепь заложников порвалась. Задние замешкались, и Хавар, опасаясь паники отряда, пересилил себя, подался вперед. Два островка людей вновь соединились, зализав рану заложниками.

Трунин теперь уже сам не сводил взгляда с Хавара,

отвлекая его от Черемных. А боковым зрением держал линию между собой и машиной — шесть, пять метров. Но линия словно дышала на идущих первыми женщин жаром, и они чуть ли не топтались на месте, отворачивались от нее.

Словно через гранатные веревки, их нервозность передалась напряженным до предела бандитам. Как по команде, они обернулись на главаря, но в этот момент одна из женщин не выдержала, с криком упала на землю. Как в карточном домике, за ней рухнули остальные заложники, обнажив бандитов. Те, еще не веря в происходящее, еще на что-то надеясь, замерли с натянутыми веревками.

Первым пришел в себя Хавар. В застывшей толпе мелькнула его рука, и из-под спины упавшего бородача сарбаза вырвались пыль, камешки, потом огонь, подбросивший и повернувший заложника лицом к Трунину. Распахнутые, застывшие глаза солдата словно пытались спросить о чем-то, понять происшедшее. Но единственное, что смог Трунин, это посмотреть на Хавара: неужели конец?

Хавар со злостью и отчаянием что-то крикнул Трунину, но это оказалось командой. Бандиты, словно кнутами, взмахнули веревками. Они схлестнулись в воздухе, упали вниз — и все замерли, ожидая звук от этого хлыста.

«Все,— закрыл глаза Трунин.— Это все! Сейчас... Сейчас... Может?.. Да? Да! Да!!! Есть! Теперь наш взрыв. Наш! Коля, взрыв! Взрыв?!»

— Я здесь! Здесь! Сюда! — вдруг вместо взрыва раздался над перевалом голос Вали Субботина.

Десантник, выбежав из укрытия, поднял над головой руки, и его автомат задергался, выплескивая в небо короткие быстрые очереди.

— Эй, я здесь! — кричал Субботин, и первое, о чем подумал Трунин — ведь он же без бронежилета!

Заорал что-то Хавар, и в Валентина, как в причину своей гибели, ударили из оружия все до одного бандита. Но мгновением раньше к Субботину метнулся Брянцев, и старший лейтенант, увидев выгнутый на его спине бледно-зеленый бронежилет, подумал: «Зачем двоим? Глупо!»

В «броник», разрывая его, вспарывая, пробивая себе путь до тела сержанта, ударили пули. Брянцев содрогнулся под ними, подломил Субботина. Кто-то вскрикнул. Со звоном упал вниз борт машины.

Трунин уловил летящую из кузова огромную фигуру Буховцева. Стоять без движения уже было опасно, но Трунин дождался, когда метнется к Хавару Черемных. Гла-

варь, готовый к схватке со старшим лейтенантом, не успел повернуть в сторону солдата даже автомат.

Однако связист, зацепившись за лежащую на земле заложницу, распластался рядом с ней. Подняться для второго прыжка он уже не успевал.

У главаря мелькнуло в лице что-то хищническое, он дернулся к Трунину вместе с автоматом у бедра. Старший лейтенант понял, что и он уже не успеет сделать свои отмеренные на тренировках прыжки. Но они были заложены в него, и Трунин лишь сделал последнее, что мог,— согнулся вперед и сильно оттолкнулся, чтобы пули не опрокинули его назад, чтобы суметь хотя бы удариться в Хавара.

Он услышал очередь из автомата, почувствовал, как прошли у лица, обдав тугим, горячим воздухом, пули. Но ни удара, ни боли не было, и старший лейтенант пролетел свои метры, ударился головой в грудь главаря. Падая, успел ухватиться за желтую куртку и потащить за собой. Сверху на них навалился третий, придавив Трунину ногу.

Это был молодой мятежник, и командир взвода занес для удара по нему свободную ногу. Но тут же увидел невероятное: душман заламывал Хавару за спину руки.

— Фарид? — догадался Трунин, и мятежник кивнул.

Среди дерущихся раздалась еще одна очередь. Женщины, до этого не поднимавшие голов от земли, вдруг закричали, подхватились, побежали в разные стороны.

«Кого-то из них»,— понял Трунин. И в тот же миг увидел занесенный над собой английский «бур». Вцепившись в винтовку двумя руками, он дернул душмана на себя. Перед глазами мелькнула грязная рубаха, болтающаяся на длинной нитке полуоторвавшаяся пуговица — и бандит рухнул рядом. На спину ему откуда-то сбоку прыгнул Черемных, дернул за волосы вверх, зажал горло изгибом локтя.

Трунин освободил ногу, подхватился, готовый к новой схватке. И вдруг увидел Султана, воронку рядом с ним, а в ней обрывки провода. Так вот почему не взорвал Брянцев мину!

Забыв о собственной опасности, он обернулся. Там, где упали Брянцев и Субботин, возился санинструктор сержант Борзов. Первым желанием Трунина было броситься туда, но он остановил себя. Он был командиром и должен в первую очередь всегда думать о живых.

Кое-где бандиты пытались еще сопротивляться, но это были уже предсмертные судороги некогда сильной и жестокой банды. Фроландин, тоже поглядывая в сторону сан-

инструктора, сновал среди распластанных на дороге людей и выхватывал, подбирал оружие.

— Вставать и выводить бандитов по одному,— громко, чтобы слышали все, сказал Трунин.

— А если у меня двое? — послышался голос Буховцева.

Трунин увидел разбитое в кровь лицо десантника, но ничего не ответил: не до шуток. Повернулся к надписи про солнце, у основания которой лежали погибшие. Медленно, делая для каждого шага усилие, пошел к ним.

Десантники лежали, как и упали, рядом. Санинструктор, начавший бинтовать Брянцева, оставил бинт на груди у замкомвзвода и занимался теперь Субботиным. «Жив?» — с надеждой подумал Трунин.

Из-за спины командира выскочил Буховцев. Глянув на ребят, упал на колени перед Брянцевым, схватился за оставленный Борзовым бинт. Но, дотронувшись до замкомвзвода, вдруг отшатнулся, поднял глаза на командира. Его разбитые, кровоточащие губы запрыгали, и Трунин увидел бегущие по его лицу струйки крови и слез.

— Помогите,— бросил через плечо Борзов.— Надо Валю спасать.

Субботин дышал прерывисто, заглатывая воздух клокочущим от крови ртом. Буховцев некоторое время непонимающе смотрел на спину санинструктора, прислушался к стону раненого. Потом снял с себя бронежилет, посмотрел на него, словно видел впервые. И вдруг поднял его над головой, ударил о землю.

— Да помогите же,— нетерпеливо крикнул Борзов, и Буховцев один, словно ребенка, легко поднял Валю и переложил на носилки.

— Быстрее, надо успеть, быстрее,— зашептал он, хватаясь за ручки носилок.— Надо успеть, надо успеть...

— Там... там Гусаренко зацепило,— услышал Трунин за спиной запыхавшийся голос связиста.— И женщину ранило.

— Витя, срочно на связь,— перебил его старший лейтенант.— Срочно вертолеты. Любым способом вертолеты. Надо успеть, надо успеть...

Все это он говорил помимо своей воли, чисто интуитивно подыскивая слова. И все это время думал о том, что рядом лежит Коля Брянцев. Лежит испещренный пулями, потому что таким, как он, никогда не помогут бронежилеты. Коля Брянцев, который «старый воин — мудрый воин»...

Трунин наклонился к своему помощнику, поправил сбитые на лоб волосы сержанта. Осторожно, словно боясь

причинить ему боль, поднял на руки. Нащупывая ногами среди камней тропинку, медленно пошел вниз, к штабному домику. Кто-то бежал навстречу, кто-то шел рядом и все пытался положить Брянцеву на грудь его спадающую руку, а Трунин боялся одного — как бы не упасть на каком-нибудь камне...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Прошел еще один год.

Сентябрьским ранним утром взвод Трунина прощался с перевалом. Сменявшие их афганцы уже заняли наблюдательные посты, боевое охранение, и впервые за два года службы десантники собрались вместе.

Из штаба вышли Трунин и Расул.

— Взвод, равня-а-ась,— протянул замкомвзвода старшина Фроландин, но Трунин перебил:

— Дайте «вольно».

Старший лейтенант огляделся. В лучах пока еще не очень жаркого солнца блестели вычищенные БМД, замершие у обочины дороги. Чуть дальше, у подновленной надписи «Пусть всегда будет солнце», на коричневом фоне горы резко выделялись два деревянных памятника с красными звездами.

Трунин повернул взвод к могилам. Нет, он, Трунин, прав, что поставил Гуляму и Султану звезды на памятниках. Пусть вроде и не по обычаю, пусть такого в Афганистане еще не было — но они были солдаты, а для солдата высшая награда — звезда.

Став напротив надписей с именами афганцев, Трунин снял с плеча автомат. Десантники и Расул последовали его примеру.

Тишину перевала нарушил треск автоматных очередей.

— Отъезд через десять минут.

— Построение через восемь минут,— продублировал команду офицера Фроландин, оставив себе старшинский зазор.— Разойдись.

Что еще успеешь помянуть за десять минут, когда позади два года?

Трунин спустился к линии боевого охранения, прошел вдоль траншеи. У окопа Коли Брянцева остановился, спрыгнул в него. Посмотрел еще раз, что видел замкомвзвода в своем секторе. Долину видел Коля, видел людей, ради ко-

торых приехал сюда. И он, как никто другой, знал, что эти люди не виноваты в том, что летят в наших солдат и офицеров пули на этой земле.

Старший лейтенант достал сшитый кисет, взял для его родителей горсть земли с бруствера. Эх, Коля-Коля...

Трунин прошел всю траншею, затем поднялся на НП. Расул уже успел принести сюда раскладной стульчик, и Трунина это немного задело: еще не успели завести моторы, а уже свои порядки.

Впрочем, что обижаться: перевал сдан. Республика нашла в себе силы взять под свою охрану еще четыреста на четыреста метров территории. Пусть и значится в военных сводках этот перевал на третьих-четвертых ролях, для людей, его охраняющих,— он главный перевал в их жизни. Все, что было здесь за два года,— конечно же, малосущественно для республики, не особо показательно для интернациональной помощи. Но два года в этих горах находился взвод советских десантников — значит, эти два года есть в истории ограниченного контингента советских войск в Афганистане. И сам он, старший лейтенант Трунин, каждый его десантник оставляют свои страницы этой истории незапятнанными.

Трунин вернулся в штаб, взял свой рюкзак. Десантники начали подтягиваться к Фроландину, ожидая команду на построение.

— Давайте присядем на дорожку, товарищи,— сказал им командир.

Афганцы удивленно наблюдали за советскими: чего садятся в чистой форме на землю и молчат?

Из боевого охранения что-то крикнул наблюдатель, и Расул, извиняюще сложив руки на груди, поспешил к дороге. Трунин напрягся, и хотя понимал, что он не начальник и ни за что не отвечает, привычка оказалась сильнее. Он резко встал, за ним, ухватив удобнее автоматы, поднялись десантники. Расул — парень толковый, и командир из него выйдет неплохой, но опыта все же маловато.

Из кишлака к перевалу мчалась «тойота» Фарида. Председатель уездкома партии, как и обещал, ехал прощаться.

Трунин выстроил взвод, скомандовал равнение. Из машины вылез Фарид, за ним — старик переводчик и, Трунин не поверил своим глазам,— Марзия.

— Здравствуй, спасибо,— выпалила она, подойдя к Трунину и протягивая руку.

Солдаты, сломав строй, окружили приехавших. Нович-

ки, зная о девушке только по рассказам, смотрели на нее с нескрываемым восхищением.

— Вы меня спасли здесь,— оглядывая десантников, на нетвердо выученном русском языке говорила Марзия,— а в Москве и Ташкенте спасли меня потом. У вас люди поклон за это. Спасибо, ташакор.

Девушка поклонилась Трунину, протянула десантникам руки. Солдаты жали их, что-то говорили, желали здоровья и счастья. Фроландин, поискав в карманах какой-нибудь сувенир или подарок, побежал к боевой машине и вернулся с гитарой. Торопливо отстегнул приспособленный вместо ремня патронташ.

— Научитесь, возьмите от нас,— протянул он семиструнку Марзии.

Старик вытирал ладонью красные глаза. Потом посмотрел на Трунина, и старший лейтенант кивнул: он помнит о его просьбе. Для убедительности приложил руку к выпирающему квадратику документов в боковом кармане: написанное печатными буквами письмо «Рабоче-крестьянскому правительству» с просьбой вернуться на Родину он передаст в посольство.

Вместе с этим письмом лежали еще два. От Вали Субботина было написано такими же печатными буквами, как у старика. Его письму радовался весь взвод: Валя научился писать левой рукой. А вот правую так и не удалось спасти. «Зову всех в гости, очень скучаю без вас, помню все»,— легли на страничку его крупные буквы.

Второе письмо было от Гали. Вспомнив о нем, Трунин улыбнулся: как хорошо, что оно успело до отъезда. Есть куда выписывать проездные.

Однако пора было выезжать. Трунин и Расул одновременно посмотрели на часы, обнялись.

— По местам!

Кто как мог уселись на броне, внутрь машин никто не спустился. Трунин стал в свой командирский люк, сцепил руки и поднял их в знак приветствия тем, кто оставался на перевале. Афганцы замахали в ответ, пошли за медленно тронувшимися машинами. Что-то по-русски кричала Марзия, беспрестанно кивал головой старик, сдержанно улыбался Фарид. Расул отстал, вытащил ракетницу. В небо с шипением ушла зеленая точка.

Все подняли головы вверх. А Трунин вдруг подсознательно отметил, что ракета зеленого цвета в Афганистане означает — «Мы — свои!»

РАССВЕТЫ САУРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Идти?

— Подожди.— Мирза положил руку на винтовку сына. Рядом с его толстыми волосатыми пальцами села бабочка, и главарь неожиданно резким движением накрыл ее ладонью.— Смотри на брата и запоминай. Запоминай до конца дней своих позор, которым он покрыл весь наш род.

Ахмад затих, вслушался в слова Зухура, старшего брата, который стоял посреди площади и говорил хрипло, поминутно откашливаясь.

— Я, командир отряда защиты революции,— Зухур поднял вверх сжатый кулак,— говорю от имени народной власти: земля ваша. Апрельская революция делалась, чтобы каждый дехканин имел свой участок. Чтобы выращенный урожай весь принадлежал тем, кто проливал над ним пот,

Вот бумага из Кабула, документ на раздачу земли. Подходите и расписывайтесь. Ну, что сидите? — Лейтенант обвел взглядом сидевших вокруг аксакалов. Те торопливо опускали глаза, наклоняли головы.— Кто первый?

Площадь замерла, слышно было лишь, как бьется ветер в слюду окна ближайшей мазанки. Ни одного взгляда не встретил Зухур: дехкане сидели, согнувшись, рассматривая сложенные на коленях руки.

— Приказываю выйти всем, кому нужна земля! — Лейтенант нервно смял листок с выступлением, отбросил его в сторону. Ветер подхватил бумагу, поднес к старику с клюкой. Тот поспешно отсел от нее, за ним испуганно задвигались остальные — страшны, непонятны бумаги и речи Зухура. А он, вытаскивая на ходу пистолет, подошел к старику, тронул его палку.— Вот ты, Феда Ахмад. Тебе что, есть чем кормить детей? Не ты ли однажды стоял на коленях у нас в доме и умолял моего отца не отбирать землю, потому что не смог вовремя уплатить долг? Что, сейчас она тебе не нужна? Ну?

Дехканин быстро, перебрав по палке руками, встал, отряхнулся от пыли, переступил с ноги на ногу. Пожав плечами, обернулся, окинув взглядом стариков. Те замерли, пригнувшись к самой земле. Лишь листок Зухура бился у дувала, все хотел перепрыгнуть, перелететь через него. А лейтенант, не дожидаясь ответов, поднимал все новых и новых бедняков. Голос у него сорвался окончательно, и теперь Зухур молча тыкал пистолетом в людей.

— Идти? — вновь спросил Ахмад отца, который задумчиво отрывал крылья у пойманной бабочки.

— Нет,— наконец произнес Мирза, сдунув коричневую пыльцу с ладони.— Пусть говорит, хотя за эти слова язык надо протыкать горячим прутом. Сейчас в его речах для нас больше пользы, чем вреда. Пусть сегодня живет. Не надо сигналов, спрячь оружие. Но прежде еще раз поклянись убить предателя, посягнувшего на отца, вставшего рядом с неверными, опозорившего наш род.

— Клянусь, отец! — Ахмад прижал к груди винтовку.

— Возвращайся в лагерь, я приду ночью.

Ахмад, недоумевая, выполз из виноградника, где они сидели в засаде. Оглядываясь, пробрался к мечети. Поцеловав винтовку, просунул ее в тайник между стеной и дувалом, засыпал щель хворостом и колючкой. Посмотрел на горы. Там сейчас томятся в засаде верные люди отца. Как все хорошо было задумано: по сигналу они открывают

огонь из автоматов, и под грохот стрельбы он, Ахмад, младший сын Мирзы-хана, уберет одним выстрелом своего брата-предателя с дороги священной борьбы за ислам. Пусть потом думают, как смогли с гор попасть лейтенанту прямо в сердце, а он, Ахмад, стрелял бы только в сердце — у него твердая рука и зоркий глаз. Брат предал Коран, отца, братьев — может ли после этого быть ему прощение? Пуштунвалай[1] учит: нет. На добро ответь добром, но и на кровь — кровью, на обиду — обидой. Девять отметок уже поставил на прикладе винтовки Ахмад, жаль, что сегодня не удалось сделать десятой. За командиров, врачей и связистов отец разрешил делать метку в два раза больше, а ведь рядом с Зухуром стоял и советский туран[2] Василий! И хотя отец пока не разрешает целиться в шурави, сегодня можно было поймать в снайперский прицел шрам над правой бровью турана. Приятно все же стрелять не просто по цели, а в точку цели. У Ахмада они выбраны — значок парашютиста на груди у брата и шрам у советского капитана.

Ахмад еще раз посмотрел на горы, прикинул расстояние и, сокращая путь, пошел к ним напрямик, не боясь быть замеченным: все мужчины кишлака на митинге.

Дехкане землю не брали. Зухур, шепча проклятия сквозь сжатые зубы, стоял перед молчаливой, настороженной толпой.

— Тупицы, трусливые зайцы, а не аксакалы,— тихо переводил Василию Цветову шепот лейтенанта переводчик ефрейтор Ешмурзаев.— Нехорошо он ругается, товарищ капитан. Могут не простить.

Цветов согласно кивнул, подошел к Зухуру, сжал ему локоть.

— Позволь мне,— сказал он лейтенанту и подозвал Ешмурзаева.— Почтенные и уважаемые! Ваш земляк лейтенант Зухур сказал правду, земля теперь принадлежит тем, кто на ней трудится. Вас не гонят и не заставляют брать ее сейчас, сию минуту. В ваших сединах я, русский человек, вижу мудрость, я преклоняюсь перед ней и верю, что вы все правильно обдумаете и завтра, когда мы придем вновь, поступите мудро и мужественно, как и подобает горцам. И еще. Завтра вместе с нами придет врач. У кого

[1] Пуштунвалай — свод неписаных законов чести.
[2] Туран — капитан.

больные дети, кто нуждается в медицинской помощи — он примет всех.

Цветов подождал, пока закончится перевод, и добавил:

— Врач осмотрит вас и даст бесплатно лекарство.

По площади пошел гул, дехкане подняли головы, заговорили друг с другом, начали медленно подходить ближе.

— Они просят повторить, что вы сказали о враче,— шепнул переводчик.

Прислушался и Мирза. Вот кого бы он убрал раньше всех командиров и партийцев, раньше сына, предавшего отца,— врача. Забыв все святое, к его сумке с красным крестом слетается, как бабочки на свет, весь уезд. Ладно бы старики, но ведь пошли и женщины, показывают неверному свое тело, разрешают прикасаться. Вчера русский нарушил таинство рождения мусульманина, принял роды у второй жены Абдуллы. Если аллах взял у нее силы и сознание, значит, так ему было угодно. А этот неверный вернул ее к жизни, первым принял на свои руки младенца. Да разве выйдет теперь из него настоящий мусульманин?

Мирза пожалел, что отпустил сына. Надо бы именно сейчас, когда люди сделали шаг навстречу шурави турану, разрешить выстрел, один-единственный выстрел. Завтра может быть поздно, завтра они сделают еще шаг, а это уже начало пути...

Мирза оглянулся, но сына не было видно. Горы вдали пытались укрыться тенью облаков, натягивали это одеяло до самых вершин, но ветер рвал его в клочья, сбрасывал с круч. В просветы тут же проваливалось солнце, и горы сжимались, бугрились от сентябрьской жары. Где-то на их склонах сидит отряд, ждет сигнала. Но без винтовки Ахмада выстрелы с гор — пустой звук, хлопушка. Как не вовремя ушел Ахмад!..

А Цветов и Зухур в сопровождении советских и афганских десантников покидали кишлак. В конце узенькой улочки Цветов оглянулся: дехкане с площади не расходились, смотрели им вслед. Многое бы отдал капитан, чтобы понять сейчас их мысли. Одно пока ясно: люди запуганы.

— Ну и лиса ты, Василий,— нарушил молчание Зухур.— Седина, мудрость... Ничего у них нет, кроме страха и тупости. Ради них же бьешься, лучшие люди гибнут, даешь им уже готовое, отвоеванное, а они...

Он безнадежно махнул рукой, и Цветов, как ни был расстроен неудачей, улыбнулся: сколько раз лейтенант да-

вал слово не кричать, не пугать пистолетом, а находить мирный выход из любого положения.

— Нет, Зухур, я не лиса,— ответил он. Зухур неплохо понимал по-русски и порой не до конца выслушивал переводчика, кивал головой.— Это уроки истории: нельзя торопить революцию. Поверь, я не меньше твоего хочу, чтобы у вас в стране все быстрее наладилось: тогда и наша помощь уже будет не нужна. Но не торопи время и людей, Зухур. Поверь мне. Хочешь пример? Не бойся, это не из нашей, русской истории, которая кажется тебе совсем древней. Это было год назад у вас, я с батальоном стоял тогда на юге, недалеко от границы с Пакистаном. Там земля еще дороже, рядом ведь пустыня Регистан, ты знаешь. И тоже ваши товарищи раздавали землю. К сожалению, у них также были сроки, и они, торопясь, заставляли людей ставить на бумаге подписи, крестики, отпечатки пальцев— кто что умеет. Как потом мы узнали, ночью мулла обошел весь кишлак и напомнил, что Коран запрещает брать чужое. А земля-то испокон веков была у бая. Что получилось? У одних землю отняли, а другие ее не взяли. Пока судили-рядили, время сева прошло, и ничего, кроме верблюжьей колючки, на полях не выросло. И сказали люди: при бае мы хоть немного, но имели хлеба, а при новой власти умираем с голоду. Может, помнишь, писали тогда в газетах, что советские солдаты делятся своими продуктами с афганцами? Это мы делились, потому что видели: рядом умирают от голода люди — такое у нас не укладывается в голове. Поэтому не спеши, Зухур, и здесь. Спешка может не приблизить, а лишь отбросить выполнение вашей земельной реформы далеко назад.

— Но я тоже афганец, а ведь все понимаю. Хотя, как сыну бая, до этого можно было додуматься не сразу,— перебил Цветова Зухур.— Почему они такие? Сколько надо времени, чтобы поняли: революция совершена для них, вы здесь присутствуете тоже ради них? Кто поторопит время?

— Преданные революции люди,— подумав, ответил Цветов.— Преданные, терпеливые, умные люди.

— Так ты хочешь сказать, что я к ним не отношусь? — Зухур, едва выслушав перевод, встал перед капитаном, расстегнул ворот кителя.

— Будь ты другим,— Цветов обнял друга за плечи,— не командовал бы отрядом защиты революции. Но знаешь, я из отпуска привез школьный учебник истории, у брата взял. Читаю, повторяю нашу историю, чтобы лучше понять

вашу революцию. Хочешь, подарю? Ешмурзаев поможет перевести.

— Подари,— вяло согласился Зухур, и Цветов понял, что он все-таки обиделся.

Это было не впервой. Горячий, нетерпеливый характер Зухура словно увязал в рассудительности Цветова, и всякое дело в конце концов заканчивалось тем, что оба командира садились под навес пить чай. Благо отряд защиты революции и парашютно-десантный батальон располагались на одной высотке, за одной линией совместного боевого охранения. Жили, глядя на командиров, солдаты дружно, и, наверное, единственное, чего афганцы долго не могли понять, так это когда во время волейбольных баталий шурави кричали «шай-бу!». «Что такое «шай-бу!»?» — спрашивали они. Как могли — объяснили. «А что такое «хоккей»?» Показали. «Но почему мяч — тоже «шай-бу»?» «Потому, что весело и хочется победы». Кажется, это сказал командир второй роты старший лейтенант Буров, и, показывая на его белозубую улыбку, афганцы переспросили: «Это тоже — «шай-ба»?»

Случай этот вспомнился Цветову, когда они подошли к боевому охранению. Афганцы, возводившие земляной вал, толкали тележку и ладно, весело кричали:

— Шай-бу, шай-бу!

Увидев командиров, подбежали с докладами дежурные. Цветов приказал вызвать батальонного врача и теперь ждал, когда Зухур отругает за что-то своего дежурного. Потом оба они повернули к растворяющемуся в быстрых сумерках кишлаку.

— Не понравилась мне сегодня тишина в долине,— негромко, словно рассуждая сам с собою, сказал Зухур.— Наверное, сейчас кто-то смотрит на нас с той стороны и тоже думает о завтрашнем дне.

Он замолчал, потом так же тихо продолжил:

— Знаешь, Василий, меня ведь с отрядом в другое место посылали, чтобы не заставлять воевать против отца и брата. А я все же попросился именно сюда. Сказал, что воюю не против родных, а против старого строя. Против бедности, против болезней, голода. Как коммунист. Отец этого, наверное, уже не поймет, а вот братьев жалко. Особенно Ахмада, он совсем еще мальчик. Думал, сегодня его увижу, но из родных никто не пришел... Чего нам ждать завтра?

— Я думаю, что завтра нам надо ждать подвоха от

Мирзы,— сказал комбат.— Просто так он землю не отдаст. Знать бы, где он сейчас.

...А Мирза сидел на ступеньках крыльца своего дома и смотрел на лагерь. Несколько минут назад посыльные ушли во все кишлаки уезда собирать отряд, и главарю пока ничего не оставалось делать, как смотреть на лениво колышущиеся флаги ДРА и СССР и успокаивать себя четками. Он надеялся на завтрашний день. Рассвет покажет, чья будет воля на этой земле.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Утро у афганцев раннее. Лишь тронет солнце островерхие отроги Гиндукуша, дехканин уже на своем клочке земли: успеть бы завершить дела до жары. Прямо в поле отобьет он намаз в сторону восхода солнца, а затем, не разгибаясь, будет вскапывать, пропалывать белую землю, менять запруды в арыках. Умный человек придумал поля ступеньками: одного арыка на весь кишлак хватает, ни одна капля влаги не пропадает даром, ступенька ступеньку поит. Эх, если бы еще участочек побольше да за воду Мирзе не платить! Поставил он свой дом выше всех; когда гневается — направляет воду в пустыню, в песок. Урожай без воды на глазах гибнет. Мало иметь в Афганистане землю, к ней надо еще и воду. На коленях поползешь хоть в ад, хоть в рай, лишь бы каплю водицы в поле.

Вчера лейтенант Зухур и шурави Василий сказали, что земля не принадлежит теперь Мирзе-хану, отдают ее дехканам. Ночь дали думать. Но что придумаешь, если она коротка, как ноготь младенца! А жизнь длиннее, деды и прадеды жили под родом Мирзы, за что же аллах выделил именно им такое время, чтобы думать и решать?

Если бы знать, что власть новая надолго, что защитит, когда придет ночью Мирза со своими головорезами и будет вздергивать на дыбу. Все, кто пытался слушать речи о новой власти, кто плакаты революционные разглядывал, познали дыбу Мирзы. Говорят, она у него разборная, из бамбуковых палок. Аллаха не успеешь помянуть, а дыба уже собрана, посреди веревка свисает. Скрутят сзади веревкой руки и за них начинают поднимать вверх. О-о, если бы сам Мирза знал, какая боль от вывернутых рук, он бы содрогнулся и выбросил бамбук в пропасть. И попробуй не забыть на этой пытке все, что видел или слышал о вла-

сти Бабрака. Подвесят к ногам камень — и тогда самые стойкие согласятся подтвердить то, чего и быть не может на этой грешной земле.

Страшна дыба в руках Мирзы. Тяжела и непонятна сейчас жизнь для дехканина. Бьет он мотыгой камни на своем участке и думает: начнет опять Зухур пистолетом в бок толкать, поневоле бумагу о земле подпишешь. Да ведь за днем опять ночь наступит, а ночью уже Мирза в уезде хозяин. Хорошо Зухуру твердить о революции — он с темнотой уходит за свой земляной вал, и то, говорят, на каждый огонек в их лагере летят с гор пули. А куда дехканину податься? Где просить защиты для себя и детей своих? У новой власти? Она далеко, в Кабуле, а Мирза рядом, каждую ночь под окнами кто-то ходит. Сошелся свет для дехкан на семье Мирзы: отец старые порядки держит, сын новую власть признавать заставляет. Если отец с сыном, родная кровь, разобраться не могут, где уж понять революцию простому человеку! Нет, лучше пока отказаться от этой земли. Шурави Василий мудрее Зухура, он почитает старость и, даст аллах, подскажет новой власти, что не стоит торопить ишака, если мост на пути разрушен.

До второго намаза трудится в поле дехканин. Потом, утерев длинной коричневой рукой пот под чалмой, спешит домой. Вот и еще один рассвет наступил над землей. А где он, рассвет новой жизни, о которой твердит власть Зухура?..

— Товарищ капитан, как-то странно люди с поля возвращаются,— доложил Цветову лейтенант Гребенников, когда комбат обходил его взводный участок боевого охранения.— А только вот что странное, никак еще не могу уловить.

Комбат лег рядом с командиром разведвзвода, приданного на время батальону, отрезал кругами бинокля все лишнее от идущих с поля дехкан.

— Смотри внимательнее, Гребенников,— тихо, стараясь не сбить лейтенанта с мысли, проговорил комбат. Афганцы не меняют своих привычек, и, если пошли на это, значит, надо верить в серьезность происходящего.— Вспомни, когда впервые встревожился: место, время, детали...

— Сейчас, товарищ капитан, сейчас,— так же тихо ответил лейтенант, тоже не отрываясь от бинокля.— Крутит-

ся, черт, перед глазами, а за хвост не ухватить... Вроде идут не так... Точно! Понял! Смотрите, товарищ капитан, вон те два старика у пересохшего арыка. Видите? И на поле и с поля они шли не по тропинке, как всегда, а по камням, прямо по центру высохшей реки. Видите, прыгают?

— Молодец, Гребенников. Твое мнение?

— Боятся люди. Скорее всего дороги заминированы.

«Вот он, первый подвох Мирзы: хотят, чтобы мы сегодня не дошли до кишлака,— думал Цветов.— Значит, ночь душманы посвятили минированию дорог и троп в надежде, что взлетит на воздух машина с медикаментами, что мы остановимся или, как еще мечтают все главари, сорвем злость на мирных жителях».

— Посмотри внимательно и за другими дехканами,— дал указание комбат, оставляя Гребенникова.

— Шакалы, койоты! — вскочил из-за обеденного столика Зухур, когда Цветов рассказал о наблюдениях разведчика.— Чего они добиваются? Ведь мы не уйдем и землю все равно раздадим. Я сам встану за плуг, весь отряд поставлю работать на ней, но земля будет народной и даст урожай. Чаю хочешь? Атикулла, чай.

— Зухур, тебе надо быть осторожней,— запивая кусочки тутового сахара чаем, словно между прочим заметил Цветов. Подождав, когда выйдет Атикулла, денщик Зухура, пояснил: — Сегодня ночью из вашего лагеря давали сигналы фонариком в сторону гор.

Зухур пошевелил плечами, словно пытаясь освободиться от ремней. Цветов знал: сейчас он будет клясться и убеждать, что в отряде нет предателей, потому что каждого бойца он проверял сам. Но и на сообщение разведчиков ведь не закроешь глаза.

— И все-таки мы пойдем сегодня в кишлак! — решительно сказал Зухур.

Саперы, приданные из полка, работали щупами — тонкая стальная игла в опытных руках сразу обнаруживала, где тронули землю. В последнее время и Цветову, и Зухуру пришли из штабов инструкции по тактике действий мятежников при установке мин, и работать стало легче. Теперь искали не только мины, но и способы их обозначения: якобы случайно просыпанную пшеницу с края доро-

ги, сломанную ветку, стопку камешков,— у каждой банды свой метод. Многие жизни спас и Дик — овчарка-сапер, улавливающая запах тротила. За два-три часа изнурительнейшей для него работы Дик вынюхивал до десятка пластмассовых итальянских мин, у которых металла всего-то один наконечник взрывателя.

Дик и сейчас обнюхивал побережье арыка, по которому шли в кишлак Зухур, Цветов, батальонный врач лейтенант Владимир Мартьянов и охрана. Мины пока не попадались, это и радовало и настораживало Цветова.

Чисто по-человечески комбату не хотелось никаких мин, фугасов или какой-то другой душманской злой выдумки, уготованной для его солдат. По-командирски же он прекрасно понимал, что, как только они войдут в кишлак, их путь по берегу реки мгновенно нашпигуют минами, как булку изюмом. И выходить будет гораздо труднее.

Цветов еще раз внимательно оглядел отряд. За саперами шли разведчики Гребенникова, потом сарбазы, солдаты Зухура. Связисту капитан приказал заправить антенну за ремень, чтобы не дразнить снайперов. Правда, Мартьянова прикрывали со всех сторон, и Володя, стесняясь и злясь за эту особую опеку, что-то бурчал и поминутно тыкал пальцем в дужку очков.

В полной тишине вошли в безмолвный, белый от солнца и пыли кишлак. По его узким улочкам пошли быстрее, стремясь выбраться из каменного мешка, где одна граната так же страшна, как минометный обстрел в чистом поле. Цветов, не спускавший теперь глаз с идущего первым Гребенникова, заметил, что тот приостановился. А через мгновение и сам комбат увидел то, чего никак не ожидал.

Площадь была пуста. По ней лениво перекатывались под легким ветерком изодранные красно-зеленые революционные плакаты, вывешенные вчера Зухуром. Где-то посреди кишлака неожиданно закричал ишак и тут же смолк, словно ему набросили на голову мешок.

Зухур остановился рядом с Цветовым, и впервые на его волевом, обточенном ветрами и пылью лице комбат уловил растерянность. И вдруг послышались крики, женский плач, гул нарастал, заполняя площадь, давил на ощетинившихся во все стороны оружием десантников. На одной из улочек показалась толпа в черном. Впереди шли, заламывая руки и голося, женщины. За ними виднелись мужчины, дети. И над всей этой процессией несли на руках завернутого в белый саван покойника.

Зухур напрягся, чтобы подать команду, но Цветов успел схватить его за плечо. В этой ситуации даже клацанье затвором может привести к непоправимой беде.

«Ты вначале будешь там дипломатом, а потом уже командиром, Цветов,— говорил ему перед отбытием в этот район замполит полка.— Командуют пусть ротные, твои заместители, а ты, капитан Цветов, будешь в первую очередь представлять в этом районе нашу Родину. Помни об этом, Василий Федорович: по тебе будут судить обо всем Советском Союзе. Это будет гораздо труднее, чем все, вместе взятое, что пережито тобой. И еще, Василий. Забудь, что тебе всего двадцать шесть лет, а то начнешь себя жалеть и убеждать, что, мол, молод и имеешь право на ошибку. Запомни одно: ты отныне командир парашютно-десантного батальона, капитан Цветов». Замполит дотронулся до колодочки ордена Красного Знамени на груди комбата, и именно в этом движении почувствовал Цветов тяжесть и ответственность своего нового назначения.

Поэтому, когда черная, со слившимися, невидимыми лицами стонущая толпа афганцев нескончаемым потоком вытекала из кривой улочки на площадь, он единственно правильным посчитал отдать свой автомат Гребенникову и одному пойти навстречу людям. Шел он медленно, совсем медленно по утоптанной до бетонной тверди площади. Ему нестерпимо хотелось унять зуд вокруг шрама или хотя бы оглянуться, посмотреть, что делают его подчиненные, но комбат не позволил себе ни одного лишнего движения. Отмашка рук, четкий шаг — пусть видят только это. Он спокоен, он уверен, что толпа споткнется о его решимость.

Четыре, три, два, один шаг отделяют плачущих женщин, и уже нет сейчас для Цветова в мире сильнее желания, чем остановиться самому. Но, пересилив себя, комбат сделал еще один шаг. Женщины вдруг застыли и замолчали, опустив головы под паранджой. За ними остановилось и все черное людское море. К Цветову сзади осторожно подошли Зухур, переводчик Ешмурзаев и лейтенант Мартьянов. Гребенников остался с охраной, в любой момент готовый принять командование на себя.

Шаги сзади замерли, и толпа словно только и ждала этого. Люди закричали снова, но комбат уловил, что исчезли в этих криках угроза и нетерпимость. Люди кричали, потому что молчать им было еще страшнее.

— Аллах не принял... Тех, кого принимает неверный, не

принимает аллах... Пусть врач убирается с нашей святой земли,— переводил Ешмурзаев обрывки фраз.

Потом толпа расступилась, и высокий, худой старик, держа на вытянутых руках белый сверток, пошел к Цветову. Людское море тоже стало напирать, подминать под себя оставшиеся несколько метров. Зухур не выдержал, поднял руку, к нему тотчас подбежали автоматчики, и только под стволами оружия люди замерли вновь.

В свертке Цветов увидел красное сморщенное личико младенца. Мартьянов, сняв очки, выступил из-за комбата и, подслеповато щурясь, склонился над ним. Потом спохватился, опять нацепил очки. Растерянно обернулся:

— Это, кажется, тот младенец, которого я вчера... вчера принял у роженицы. Он мертв...

— Русский принял, земля не приняла,— переводил Ешмурзаев бормотание старика.— Кто вернет мне внука?

— Володя, в каком состоянии был мальчик после родов? — тихо спросил Цветов врача.

— Крепенький был, хороший,— растерянно ответил Мартьянов.

Цветов повернулся к Зухуру.

— По вашим обычаям, кажется, умершего хоронят до захода солнца. Я думаю, что и сегодня разговора о земле не получится. И не получится до тех пор, пока не узнаем, что случилось с ребенком. Будем возвращаться: враг оказался хитрее.

Лейтенант кивнул.

— Примите наше искреннее соболезнование по поводу вашей утраты,— Цветов поклонился старику.— Поверьте пока на слово, что наш врач не виновен. Здесь какая-то роковая случайность.

Цветов окинул взглядом притихшую при его словах толпу, повернулся и пошел с площади.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Ох, нечисто здесь, Василий! — шагая рядом с Цветовым, твердил Зухур.— Отчего он умер? Почему именно сегодня?

Мартьянов шел, задумчиво глядя под ноги. Цветов кивнул Ешмурзаеву, тот обогнал врача, пошел впереди него.

Самая прочная и верная цепочка, связывающая лагерь с кишлаком, была оборвана—афганцы усомнились во враче.

— Как пойдем, товарищ капитан? — спросил Гребенников.

Саперы и разведчики уже вышли на окраину кишлака и теперь примерялись, где проложить путь к двум развевающимся рядом флагам.

— Три метра левее дороги,— рискнул Цветов, потому что было одинаково неизвестно, где есть мины, а где их нет.— Внимательнее, товарищи,— попросил он саперов, поправляя на каждом бронежилет.

Путь не дальний, километра два, но весь состоит из шагов по готовой взорваться земле, из шагов под прицелами, не сомневался Цветов, душманских карабинов. Где взорвется и когда выстрелят? Какое же самообладание надо иметь этим девятнадцатилетним брянским, иркутским, московским парням-саперам, чтобы, зная об этом, не отрываться от щупа! Какую веру надо иметь им в таких же девятнадцатилетних минских, уральских, крымских ребят-разведчиков, ощетинившихся через одного оружием, чтобы обеспечить безопасную работу саперов?

Впереди, за грядой, раздался взрыв, и тотчас оттуда подпрыгнуло, распираемое изнутри, белое облако. Саперы тренированно упали на проверенную землю, остальные изготовились к стрельбе. В наступившей тишине из-за гряды послышался сдавленный стон, и Цветов кивком головы послал вперед Гребенникова.

Лейтенант вместе с сапером старшиной Исрафиловым поползли вперед. Дик заскулил, наблюдая за удаляющимся хозяином, но старшина не обернулся, с собой не позвал.

Не спуская глаз с лейтенанта и старшины, Цветов вслед за ними послал еще двух разведчиков. И как хотелось ему пойти самому, ибо нет для военного человека хуже положения, чем отсутствие решения и приказа.

Наконец разведчики достигли гребня. Исрафилов приподнялся, осматриваясь, и тут же поверх голов пропела пуля. Дик, словно спущенная пружина, рванулся к хозяину. Сапер, державший овчарку за ошейник, только охнул и разжал пальцы. Собака вылетела на пригорок, четко обозначилась на бело-синем небе, но мгновением позже прозвучал второй выстрел, и она кувыркнулась через голову, скрылась из глаз. Вслед за Диком нырнули за невидимую черту Исрафилов и Гребенников. И еще целую вечность длилось мгновение, когда могли прозвучать в десантников выстрелы. А когда они не прозвучали, Цветов и Зухур, пригибаясь лишь по привычке, тоже бросились вперед.

Исрафилов, зажав руками рану на шее Дика, зубами отрывал приклеенный к рукаву индивидуальный пакет. Собака тихо скулила, кровь сочилась сквозь пальцы старшины, рубиново светясь, каплями скатывалась на камни и застывала на солнце. Гребенников возился с мятежником, выкручивал у него из рук снайперскую винтовку. Ступня правой ноги бандита была раздроблена, из нее, тоже рубиново светясь, стекала кровь. Рядом синенько дымилась галоша, в которую он был обут.

Душман был очень молод, и после того, как у него отобрали винтовку, в его глазах остались лишь боль и страх. Первое, о чем вдруг подумал Цветов: неужели эти испуганные детские глаза способны были целиться сквозь прицел в человека?

— Ахмад? — вдруг подался к парню Зухур, и Цветов не понял, схватит он его сейчас за грудки или начнет перевязывать рану.

— Осторожней, здесь мины,— предупредил всех Исрафилов, передавая собаку Мартьянову.

Цветов тоже заметил разбросанные вокруг «лягушки» — небольшие мины, похожие на листья деревьев, камни. Маленькие по размерам, не выделяющиеся на местности, они тем не менее могли повредить ступню и надолго вывести человека из строя. Видимо, разбрасывая их для отряда Зухура и Цветова, басмач сам нечаянно наступил на одну из них и вот теперь лежит испуганный и беспомощный, не может отвести взгляд от лейтенанта.

Зухур выпрямился, взял у Гребенникова винтовку душмана, прошелся пальцами по меткам на прикладе.

— За овчарку метку тоже поставить? Или мечтал кого покрупнее подстрелить? — спросил лейтенант.

Тот прикрыл глаза, но веки дрожали от боли, из-под них просачивались слезы, скатывались по щекам.

— Это мой младший брат, Ахмад,— тихо сказал Цветову лейтенант, отвернувшись от мятежника.— Прошу тебя, возьми его к себе в медпункт, я за себя не ручаюсь.

И, не оглядываясь, забросив снайперскую винтовку за спину, Зухур пошел к основной группе. Разведчики, переложив Ахмада на плащ-палатку, пошли следом. Исрафилов нес Дика на руках.

— Сквозная, в шею,— ответил Мартьянов, когда Цветов спросил об овчарке.— Будет жить. Но только после ранений они уже не саперы: нюх пропадает.

Цветов догнал Исрафилова, заглянул в печальные собачьи глаза: в них покачивались горы и два маленьких облачка, неизвестно когда появившиеся в небе. Собака смотрела на Цветова печально и виновато, словно извиняясь за свое непослушание и вот такое нелепое ранение.

Комбат ободряюще подмигнул Дику.

Мирза всю ночь не сомкнул глаз. Он готов был пообещать Зухуру, турану Василию, самому аллаху, что отныне ни один выстрел не раздастся в сторону лагеря, лишь бы спокойно работал шурави доктор у постели Ахмада.

Сидя за столом, он вглядывался в тщательно срисованный план медпункта и пытался представить, как лежит у окна его любимый бача, как склоняется над ним врач. Бессильный пока что-то придумать для спасения сына, он шептал слова молитвы с просьбой послать милосердие врачу, чтобы тот помог унять муки Ахмада. Мирза просил еще оставить благоразумие турану Василию, чтобы он не позволил Зухуру устраивать суд над братом.

Тревога за сына словно добавила Мирзе рассудительности, он не то что по-новому, а просто трезво посмотрел на действия советских солдат и офицеров. И память, одурманенная злобой, тем не менее отыскивала и подсказывала главарю одно: шурави не бросят в беде человека, даже если это и враг.

Нет, Мирза не изменил в эту ночь своим убеждениям и, доведись завязаться сейчас бою, без сожаления ловил бы в прорезь прицела фигуры врагов. Сегодня он просто впервые согласился оставить за противником право на борьбу. Незаметно для себя он переходил от простой мстительности к сознательной схватке с новой властью, которую поддерживает великий северный сосед.

Единственное, что угнетало Мирзу в эту ночь и в чем он боялся себе признаться,— чувство вины перед Ахмадом, которого он так неосторожно и рискованно послал разбрасывать мины. Ведь была же под рукой нокас[1] из бедняков, которая должна оплачивать хлеб из его подвалов. Нет же, захотелось привязать Ахмада к себе покрепче, показалось Мирзе в какой-то миг, что и он оставит его, перейдет торговать в дукан к старшему сыну Сатруддину или еще того

---

[1] Нокас — нечисть.

хуже — сбежит к Зухуру. Было три сына, три надежды на старость, а сейчас и в последнего исчезает вера...

В дверь легонько стукнули. Язычок в керосиновой лампе, почувствовав сквозняк, забился о стеклянную колбу.

— Разреши говорить, почтенный Мирза-хан? — Вошедший в форме сержанта отряда защиты революции почтительно склонил долговязое тело в поклоне.

— Говори.

— Ваш сын, Мирза-хан, настоящий мусульманин. Под вечер ему стало совсем плохо. Но русский врач сделал ему переливание крови, и сейчас он спит...

— Подожди,— перебил его Мирза, встал над столом. Язычок пламени испуганно присел на своей ножке.— Ты хочешь сказать, что в теле моего сына теперь течет кровь неверных? Чья это кровь?

— Хозяина овчарки, которую Ахмад ранил в бою. Он был рядом, вашему сыну стало плохо... Но, почтенный Мирза-хан, я думаю, что от этого Ахмад не станет меньше ненавидеть новую власть.

— Убирайся вон! — замахнулся на гостя пиалой Мирза. И когда тот уже схватился за ручку, остановил: — Погоди. Кто еще из афганцев знает об этом?

— Зухур и я.

— Они догадываются, что ты знаешь русский язык?

— При мне говорят спокойно, как и раньше.

— Твои люди надежны?

— Если я им дам еще по тысяче афганей, они будут еще надежнее.

— Здесь им по две,— Мирза торопливо выложил на стол несколько пачек денег, перехваченных тонкими резинками.— А теперь выйди, я тебя позову.

Обхватив голову руками, Мирза уставился на желтый язычок пламени, в котором, казалось, сгорели все его мечты, планы, в котором сгорала его так неожиданно перевернувшаяся после революции жизнь...

— Нет, не-ет! — злобно прошептал над лампой Мирза, и пламя вновь испуганно присело. Главарь начал медленно прикручивать фитиль, наблюдая, как задыхается, перебегает с края на край, хватается за жизнь его погибель — маленький желтый огонек керосиновой лампы.— Нет! Не будет по-новому! — решительно произнес он уже в полной темноте и кликнул ночного гостя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Разрешите, товарищ капитан? — В командирскую палатку, поднырнув под полог, вошел лейтенант Гребенников, приложил руку к панаме для доклада.

Цветов остановил разведчика, подошел к нему, перекрутил, словно старшина нерадивому солдату, несколько раз ремень.

— Когда последний раз прокалывал дыры? — спросил он лейтенанта.

— Позавчера,— пробормотал удивленный Гребенников.

— Значит, сегодня ты опять всю ночь сидел в боевом охранении. Солдат ночь отдежурит, я ему день даю отдыхать. А тебе не могу дать, потому что ты мои глаза и уши, ты должен быть рядом, иду ли я к Зухуру чай пить или сажусь к карте. Так что сам себе задания не придумывай. Чтобы это было в последний раз!

Гребенников, опустив голову, стоял перед комбатом. Отчитывали его впервые за офицерскую службу, и он, честно говоря, совсем не ожидал этого. Цветов понимал состояние лейтенанта, но не смягчился.

— Не бойся доверять подчиненным даже самые ответственные задания. А если боишься, выходит, ты еще не командир. Помни это, Гребенников. Сутки даю тебе для отдыха. Чтобы видел тебя только в палатке и в столовой. Все. Теперь докладывай.

— Товарищ капитан, человек, который вчера семафорил фонариком, сегодня в ноль часов семнадцать минут покинул расположение лагеря Зухура и вернулся в три часа двадцать пять минут.

Гребенников сделал паузу, и Цветов, наблюдая за разведчиком, напрягся, готовясь услышать фамилию.

— Это Атикулла, товарищ капитан. Денщик Зухура. Я, если честно сказать, за ним уже давно присматриваю. Уши у него... — Увидев усмешку в глазах командира, Гребенников тоже улыбнулся и торопливо добавил: — С первого раза уши у него показались мне каким-то противовесом в фигуре. Знаете, как бы Атикулла ни поворачивался, уши все время направлены туда, где разговаривают. И разговаривают по-русски, товарищ капитан! Сдается мне, знает он наш язык. На всякий случай я записал все, что при нем говорилось. Вот.

Он протянул блокнот, и Цветов быстро пробежал записи. Ничего особо важного вроде бы не было. Представил

высокого, жилистого, молчаливого сержанта, которым Зухур очень гордился. А ведь сколько раз они спорили о денщиках! «Раз положены, пусть будут»,— всякий раз в конечном итоге ставил точку лейтенант, когда Цветов недоумевал, как можно революционеру иметь при себе прислугу. Но в целом Зухур соглашался, что от старой армии осталось очень много пережитков.

— Нет, ты посмотри,— часто затевал он разговор за обеденным столом.— Я, революционный командир, который не выходит из боев, получаю довольствия в деньгах меньше, чем полковник, устроившийся писарем в Кабуле. Разве это справедливо? Разве не за работу надо платить? Нет, я не за деньги служу революции, но в этом есть несправедливость, которую не хотят замечать в Кабуле. И вообще надо было разогнать всю старую даудовскую армию и полностью набрать новую,— категорично настаивал Зухур.— Какая может быть постепенная замена кадров? У нас сейчас в одном строю стоят партиец и тот, кто каких-то два года назад уводил его под конвоем в тюрьму.

Как-то теперь воспримет лейтенант весть о денщике?

Цветов подробно расспросил разведчика о прошедшей ночи и отправил спать. А сам надолго задумался. Предпринять в его положении какие-то шаги — это не просто снять трубку полевого телефона и позвонить Зухуру, это не просто пройти на территорию афганского лагеря. Это значит позвонить в другое государство, пройти на территорию хоть и соседскую, дружественную, но суверенную. Здесь не похлопаешь лейтенанта по плечу и не отдашь ему боевой приказ: давай, мол, Зухур, действуй таким образом. Все верно, советские войска приглашены в Афганистан защитить его от угрозы внешних врагов, и то, что внутренних оказалось не меньше,— горе и боль республики, которые она должна перебороть сама. Только тогда у страны выработается противоядие к контрреволюции, и, как ни велики потери, только тогда она закалится, отмежует все наносное и твердо станет на ноги.

И именно то, что во всяком событии, на первый взгляд даже чисто военном, Цветов все же искал политическую первооснову,— это и помогало ему пока не ошибаться. Он только вновь пожалел, что немного некстати улетел в отпуск замполит и подхватил лихорадку начштаба. Как надо порой просто с кем-то посоветоваться...

Цветов тщательно выбрился, подшил свежий подворотничок, вышел из палатки. Увидев командира при ремне,

с разных сторон заспешили ротные, старшины, дежурные, старшие команд,— начинался обычный день с тяжким грузом забот, которые можешь для отдыха переложить с правого плеча на левое, но никак не сбросить на землю. Уточняя свои вечерние распоряжения и отдавая новые, выслушивая доклады и сообщения, Цветов тем не менее не упускал из памяти данные Гребенникова. Из всего возложенного на него, командира отдельно действующего батальона, усиленного артиллерией, саперами, разведчиками, это было на сегодня главным. И, помня об этом, он должен действовать с учетом полученных сведений.

— ...Усилить охрану объектов.

— ...Проверка постов — через каждые полчаса.

— ...Совместные мероприятия с афганцами временно ограничить.

— ...Повару от котлов и запасов воды не отлучаться ни на минуту.

— ...Дежурному подразделению получить бронежилеты.

Каждому командиру Цветов старался дать в своих распоряжениях максимум информации и инициативы для действий. Слушая его, офицеры и прапорщики расправляли под ремнями складки гимнастерок и поправляли кобуры с пистолетами, словно прямо сейчас им предстояло идти в бой. По этим машинальным, не контролируемым военным человеком движениям Цветов понял, что командиры и начальники поняли его озабоченность, внутренне напряглись. Через несколько минут эти люди встанут перед своими подчиненными, и те тоже уловят эту напряженность. И так, не сказав ни единого слова о своих подозрениях, комбат настраивал батальон на строжайшую бдительность.

Поинтересовавшись в конце состоянием Ахмада и Дика, Цветов только после этого послал посыльного передать Зухуру просьбу прийти на завтрак.

Выглядел лейтенант устало.

— У брата был? — спросил его Цветов, видя, как Зухур, чтобы не расплескать чай, держит пиалу двумя руками.

— Был. Лучше бы собаке отдали постель, а брата — на пол. Может, хоть тогда бы что-нибурь понял. Молчит, как мертвый ишак, святого мученика из себя строит. Ради чего? Поговори с ним, Василий. У тебя это получается.

Цветов согласно кивнул, а потом словно между прочим спросил о денщике.

— Приболел Атикулла, отпросился отдохнуть до обеда.

— Как же он, больной, в кишлак ночью ходил? — сочувственно произнес Цветов.

— Какой кишлак? Зачем ему кишлак? — удивленно уставился на него Зухур.— О чем говоришь, Василий? Говоришь неправду — больше чай не зови пить и ко мне не иди.— Он решительно отодвинул локтем тарелки с завтраком, пиалу.— Ну, а если правда, то тогда говори всю.

— Хорошо, Зухур,— согласился Цветов и подробно рассказал о наблюдениях Гребенникова.— Сам понимаешь, советов в этом плане я тебе давать не могу, но два момента подчеркнуть хочу: Атикулла наверняка действует в отряде не в одиночку, и этот его поход в кишлак, мне кажется, как-то связан с Ахмадом. Скорее всего ночью он встречался с твоим отцом.

— Номард[1]! — Зухур вскочил, заходил по палатке, остановился у выхода. Сказал, не оборачиваясь: — Спасибо, Василий. Не хочется верить, но я проверю все сам.

Выйдя из палатки, Зухур зажмурился от яркого солнца. Редкие облачка, которые вроде задержались после ночи на небе, торопливо рассеивались над горами, оставляя землю совершенно беззащитной перед палящим солнцем. А оно уже уверенно и надежно выкатывало на свой трон, с которого даже высоченным горам не разрешало иметь тень длиннее, чем короткое и святое слово — Мекка.

Пройдя в свою палатку, он остановился перед спящим денщиком. Потом достал из-под кровати его мешок, развязал, встряхнул. Несколько пачек денег упало на пыльные доски пола. Зухур не стал их поднимать, вытащил из кобуры пистолет, загнал патрон в патронник. Потом, выплескивая скопившийся гнев, ударил ногой по кровати.

Атикулла что-то недовольно пробормотал во сне, и тогда Зухур, боясь пристрелить предателя сонным, резко перевернул кровать. Денщик вместе с постелью свалился на пол.

Первое, что увидел Атикулла,— это разбросанные по полу деньги, а затем ствол пистолета и свирепое лицо лейтенанта.

— Мурдагав[2],— процедил сквозь зубы лейтенант.— Вставай, собака!

Денщик поспешно начал выпутываться из одеяла и про-

---

[1] Номард — подонок.

[2] Мурдагав — скотина, мертвая корова.

стыней. Руки его дрожали, ноги подламывались. На полу, под ним лежали деньги, много денег, которые навсегда откупили бы его род из долгов, вылечили жену и дали первый товар, чтобы начать собственную торговлю. Не деньги как таковые нужны были Атикулле — нужны были свобода, здоровье, будущее и его самого и детей. Но стоял над ним Зухур с небольшим пистолетом, выстрел которого зачеркнет на этой минуте жизнь Атикуллы, отберет добытые с такими трудностями и опасностями деньги, оставит без хозяина на верную гибель жену и детей.

Не сумев выпутаться из простыни, денщик пополз к пыльному ботинку Зухура. И, когда ботинок был уже рядом и Атикулла протянул, спеша, к нему лицо, нога вдруг резко откачнулась назад и со всего размаха ударила денщика в сложенные для поцелуя губы.

В голове Атикуллы словно лопнул какой-то сосуд с болью, которая мгновенно разлилась и заполнила губы, затылок, глаза, уши, хлынула вместе с кровью изо рта. Но даже сквозь эту боль Атикулла понял, что это не выстрел, что он еще жив, а остальное — аллах простит, а человек забудет.

— Скотина! — повторил Зухур, отходя от денщика, плюющего кровью на деньги.— Моему отцу, убийце лучших бойцов отряда, ты тоже целовал ноги за эти деньги?

— У меня дети, жена...— прошепелявил Атикулла.

— А у тех что, из родных были только камни да небо? Лежи, и ни с места! — приказал Зухур, а сам выглянул из палатки: — Дежурный, срочно ко мне представителя ХАДа товарища Карима и пригласи советского командира Василия.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Цветов в сопровождении Мартьянова и босоногого мальчишки-афганца спешил в это время к Зухуру сам. Было от чего поломать комбату голову: паренька прислали из кишлака с известием, что отходит в иной мир Ситора.

При упоминании этого имени Цветов сразу же вспомнил об умершем младенце — сыне женщины, которая опять нуждалась в медицинской помощи. А может, это очередная провокация? Очередной выпад Мирзы?

Но если нет? Если в самом деле убитой горем молодой матери нужен врач? Ведь одно дело не суметь оказать помощь, а другое — не прийти, когда зовут. И уж тогда тверди не тверди о своем уважении к афганскому народу — они будут помнить этот случай.

Шагая за советом к Зухуру, Цветов, собственно, уже принял решение послать в кишлак Мартьянова. Теперь он только хотел предусмотреть все случаи, которые смогут хоть на йоту отвести опасность от врача. Взвод Гребенникова уже экипируется для сопровождения, а лейтенанту Цветов вынужден был отменить ранее наложенное «взыскание в виде суток отдыха».

— Надо, Николай.— Комбат сам пришел в палатку разведчиков, разбудил Гребенникова и теперь помогал ему смыть остатки недолгого крепкого сна, поливая из кувшина водой на острые лопатки.— Смотри, пожалуйста, в оба. Возьми ракетницу: почувствуешь опасность, давай зеленую ракету и держись, афганские товарищи вместе с ротой Бурова сразу же выйдут вам на помощь. Все остальное — исходя из условий нашего пребывания в Афганистане.

Лейтенант обтерся полотенцем, надел маскхалат. Виновато улыбнувшись, проковырял ножом две новые дырки в ремне, потуже затянулся. Подогнал снаряжение.

— Постройте людей! — Убедившись, что командир сам готов к выполнению задачи, уже приказным тоном сказал Цветов.

Мартьянов, лишь услышав о женщине, молча начал собирать зеленую сумку с красным крестом. Пока врач давал указания санинструктору, Цветов присел над Диком и спящим рядом с овчаркой Исрафиловым. Собака узнала командира, слабо шевельнула хвостом и повела глазами в сторону спящего хозяина: извини, мол, что не могу подать голоса. Комбат нежно провел ладонью по теплой спине овчарки, осторожно отошел. Ахмад, наблюдавший за ними, отвернулся к стене, и Цветов не стал подходить к мятежнику.

— Готов, товарищ капитан,— доложил Мартьянов.

Однако Зухур был категорически против похода в кишлак.

— Ты, Василий, не знаешь наш народ,— отводя Цветова от сидевшего у кровати Атикуллы, которого уже допрашивал Карим, горячо доказывал Зухур.— Он гостеприимный, гордый, но умеет быть и хитрым, жестоким,

смотря что у кого за душой. Вот восточный народ,— он ткнул на своего денщика,— и вот тоже он,— лейтенант указал на проем окна, через которое виднелись надгробные шесты с множеством красных тряпиц, повязанных в знак мщения.

— Знаешь, Зухур, нам порой важнее мнение, которое складывается о нас, советских людях, — возразил Цветов.

— Мнение не может быть выше его жизни,— Зухур указал на Мартьянова,— твоей жизни или жизни твоего переводчика.

— Может! — твердо ответил Василий, и Зухур удивленно посмотрел на него.— А для того, чтобы максимально обеспечить безопасность Мартьянова, я и пришел к тебе за помощью. Дай ему в сопровождение людей, ты ведь знаешь, что мы не имеем права без приглашения входить в жилище афганца. Пусть твои самые надежные и верные люди будут постоянно рядом с врачом.

— Рискуешь, Василий.

— Риск будет большим, если мы не поможем человеку, действительно просящему о помощи.

Зухур несогласно махнул рукой, но дал команду вызвать коммунистов первой роты. Цветов пожал руку Мартьянову, хотел сказать что-то ободряющее, но где найдешь слова, чтобы пожелать афганский «хет-трик»: дойти, сделать и вернуться. Комбат лишь сильнее обычного сжал ладонь врача, поправил у него на груди комсомольский значок и кивнул: иди.

«Иди и возвращайся»,— повторил про себя Цветов, наблюдая, как сливаются, перестраиваются взвод афганцев и разведчики Гребенникова, как мальчишка повел отряд с Мартьяновым в центре к кишлаку...

Из палатки вышел Карим, достал сигарету, попросил у Василия прикурить.

— Сейчас заговорит,— успокаивая себя глубокими затяжками, сказал хадовец.— Человек, предавший один раз, предаст еще ровно столько, сколько его жизни будет угрожать опасность. Хочешь посмотреть?

— Нет! — решительно ответил Цветов.

— Не бойся, я не бью пленных, хотя часто очень хочется. Единственное, что я себе позволю,— это пригрозить веревкой. Умереть от пули или ножа у нас почетно, а вот души повешенных рай не принимает. Это очень позорная смерть для афганца, надо иметь сердце шакала, чтобы уготовить человеку такую смерть.

Карим помолчал, а потом добавил:

— Если знаешь, нашего первого президента республики Нур Мухамеда Тараки люди Амина удушили полотенцем и именно с такой целью — опорочить перед людьми и богом его имя. Но нет,— Карим в последний раз глубоко затянулся, выбросил в урну из артиллерийской гильзы окурок,— мы еще именем Тараки будем города называть!

Василий кивнул: что ж, возможно, и будут называть.

В палатке Атикулла, с трудом шевеля разбитыми губами, давал показания Зухуру.

— Сколько у тебя сообщников в отряде?

Денщик назвал около десяти человек.

— Что приказал тебе во время встречи Мирза?

— Выкрасть Ахмада и переправить его в кишлак.

— Куда именно?

— В дом лекаря Тимур Шаха.

— Сколько у Мирзы людей?

— Около сотни.

За палаткой послышались торопливые шаги, и Цветов увидел в окно дежурного по батальону старшего лейтенанта Бурова.

— Товарищ капитан,— с ходу обратился тот,— вас срочно на связь командир полка.

— Есть что от Гребенникова? — первым делом уточнил комбат.

— Мартьянов вошел в дом, оказывает помощь,— передал Буров доклад разведчика.

— Не спускать глаз с кишлака, связь держать постоянную,— напомнил еще раз Цветов.

Извинившись перед Каримом, он вместе с Буровым заспешил к рации. Если на связи лично комполка, значит, что-то случилось. Что? Так, сегодня среда, в 16.00 доклад в полк по обстановке, запрос продовольствия, горючего, боеприпасов, уточнение с прилетом «вертушек». Но всем этим занимается начштаба. Что же тогда срочное?

Цветов хотел задать этот вопрос дежурному, но раз тот молчит, значит, тоже ничего не знает. Вот когда, оказывается, нервные клетки отмирают: тебя срочно вызывает командир, а ты не знаешь, зачем.

— Я — «ноль девятый», слушаю вас,— нажал тангенту Цветов, располагая на штабном столике карту, карандаши, блокнот, список-сведения по личному составу, другие

документы, в готовности ответить на любой вопрос командира.

Сержант-связист, воспользовавшись моментом, юркнул из палатки на сорокаградусную жару, блаженно задышал, прикрыв от удовольствия глаза: здесь хоть тянул небольшой ветерок. Полжизни можно отдать, чтобы поднять края у палатки, вытеснить из нее застоявшуюся, накапливающуюся под тканью духоту. Но связь есть связь, и если ее секреты задыхались и гибли в этой духоте — это только плюс.

— Где ваш «ноль-ноль третий»? — узнал комбат отрывистый, четкий даже в хрипении эфира голос командира полка.

По коду «ноль-ноль третий» — батальонный врач, и у Цветова от нехорошего предчувствия разом вспотела рука, державшая телефонную трубку.

— «Ноль-ноль третий» в квадрате...— Цветов указал кодировку кишлака.

Комполка на минуту замер, видимо, отыскивая указанный Цветовым район на своей карте, затем с плохо скрываемым раздражением отчеканил:

— Немедленно вернуть! Слышите, немедленно! И запишите приказ, за каждую строчку которого будете отвечать лично: до особого распоряжения за пределы боевого охранения не посылать ни под каким предлогом ни одного человека. Как поняли?

— Есть вернуть «ноль-ноль третьего» и ни одного человека за пределы лагеря не выпускать,— повторил Цветов, записывая приказ.

Комполка опять замолчал и уже после паузы снова четким голосом добавил:

— Ждите гостей. Может быть, я буду тоже...

Фраза командира получилась какая-то незаконченная, и Цветов понял, что он сейчас думает, сообщать о причинах столь резкого и категоричного приказа или нет. Наконец, под ухом раздалось:

— Алло, «ноль девятый». Что там у вас с умершим младенцем? Готовьтесь с «ноль-ноль третьим» отвечать.

Видимо, комполка сообщил и так уже слишком много, потому что, не попрощавшись, передал трубку связисту и тот стал запрашивать, что переправить «хозяйству» с оказией.

Цветов подозвал начштаба, тот без лишних слов занялся подсчетами необходимых для батальона грузов. А

комбат уставился на торопливые, порой недописанные слова приказа. Как там, за десятки километров, так быстро узнали о младенце? Что за гости пожалуют в батальон? «Ждите гостей». И немедленно вернуть Мартьянова... Да, ведь еще необходимо вернуть Мартьянова.

Цветов поднялся из-за стола, и в это время в окне палатки из угла в угол пронесся зеленый ком еще не раскрывшейся ракеты. Цветов одним прыжком оказался у рации, державшей связь с Гребенниковым.

— ...не выходит,— услышал он конец доклада Гребенникова.— Передайте срочно «ноль девятому»: «ноль-ноль третий» не выходит из дома,— повторил разведчик.

— Я «ноль девятый» лично, доложите подробно,— нетерпеливо перебил Цветов, сознавая, что случилась какая-то беда.

— «Ноль-ноль третьего» пригласили в женскую половину. Мы туда не пошли, «зеленые» тоже отказались, не положено. Затем в окне показался «ноль-ноль третий», крикнул мне, чтоб не волновались и не заходили в дом, и исчез. Вызывали условным сигналом — не откликается. Разрешите обследовать дом?

— Категорически запрещаю. «Зеленым» на помощь выходит отряд от Зухура. Вам немедленно возвращаться.

— Но...

— Никаких «но»,— перебил лейтенанта Цветов, хотя отчетливо понимал, что с возвращением разведчиков положение Мартьянова, если он в опасности, значительно осложнится. Что же все-таки случилось в доме? Какое решение принял Мартьянов? Если бы разведчикам угрожала опасность, мог бы он смолчать? Нет-нет, Володя не тот человек, чтобы, имея возможность переговорить с Гребенниковым, не сообщил ему об этом. Скорее он мог принять опасность на себя, лишь бы отвести угрозу от разведчиков и сарбазов. А может, так и было? В доме врача встречают люди Мирзы и...

— Какое выражение лица, интонация голоса были у «ноль-ноль третьего»? — вышел вновь Цветов на связь.

— Был чуть возбужден, но не настолько, чтобы я за него взволновался,— ответил Гребенников.

— В дом не заходить,— повторил Цветов.

Эх, нет бы прийти приказу командира до того, как отправили Мартьянова! Словно кто-то тонко и умно рассчитал время до минут и сыграл с батальоном, с Цветовым, с врачом злую, жестокую шутку.

Цветов посмотрел на листок блокнота, где им самим был записан приказ комполка.

— Немедленно связь с командиром! — стряхивая с себя оцепенение, начал действовать капитан.— Батальону готовность номер один. Ко мне командиров всех подразделений. Передать Зухуру мою просьбу срочно прийти ко мне вместе с Каримом.

Сразу три человека — начштаба, дежурный и связист — бросились выполнять распоряжения комбата.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мартьянов почувствовал воду. Она ударила широкой и сильной струей в голову, грудь. Затем он услышал голоса, едва пробивавшиеся до его сознания, и лейтенант первое время даже не мог отличить, где человеческая речь, а где шум воды. Хотел было открыть глаза и поймать ртом глоток влаги, но тут же подумал, что вода зальет его и второго возвращения к жизни не будет.

«Жив,— просто и легко думал Мартьянов.— Выходит, еще жив. Если сразу не убили, значит, я им нужен».

Вода перестала литься, и Владимир открыл глаза. Первое, что он наметил,— беречь силы. Цветов с Зухуром наверняка уже что-то предпринимают, еще не было случая, чтобы комбат не знал, что делать.

Сзади кто-то грубо схватил Владимира за плечи, по мокрому полу подтащил к стене, прислонил. Мартьянов огляделся.

Он находился в довольно большом подвале. Сквозь узкие оконца под самым потолком протиснулись пыльные лучи солнца, и при этом свете Мартьянов рассмотрел рядом с собой высокие глиняные чаны для пшеницы и кукурузы. Люди у противоположной стены стояли плотно, Владимир никого не смог из них выделить, и только тут спохватился: очки. Он хотел было потянуться к переносице, но вслед за этим пришла боль в руки: они оказались туго связанными тонкой, впившейся в кожу веревкой.

«Только бы мне не потерять сознания...» — с тревогой посмотрел на лезвие солнечного луча лейтенант.

От стены отделились две фигуры, и Владимир интуитивно прикрыл глаза, оттягивая время. Его повернули на бок, натянули уже донельзя впившиеся в кожу веревки. Щелкнула пружина, выбросившая лезвие ножа, и Влади-

мир почувствовал, как освобожденные руки будто оттолкнулись одна от другой, как легко задышалось. А когда ему начали неумело и небрежно тыкать в лицо дужками очков, лейтенант словно с возвращенным зрением отыскал уверенность в себе и спокойствие.

Он открыл глаза, поправил одеревеневшими пальцами очки. Над ним стоял, сцепив волосатые руки на тучном животе, бородач. Владимир, помогая себе локтями, поднялся по шершавой стене. Теперь, когда они оказались рост в рост, бородач уже не казался таким страшным и толстым.

Он что-то произнес, и по интонации, по той уверенности и властности, с какой он держался, Владимир понял, что этот здесь — главный. И верно, к главарю подбежал Абдулла — мальчик, который привел отряд в кишлак. Он склонил перед бородачом голову, замер.

По событиям в доме Мартьянов помнил: мальчик знал русский язык.

— Мирза-хан спрашивает, как здоровье его сына Ахмада, которого ты лечил у себя в землянке,— перевел он, стараясь не глядеть на врача.

«Так вот ты какой, Мирза»,— удивился Владимир, но ответил спокойно:

— Передай, что состояние хорошее. У Ахмада крепкий организм, и он, может быть, со временем даже не будет хромать.

Хотел еще добавить, что здоровье и второго сына, Зухура, тоже в порядке, но решил, что это только разгневит главаря. «А надо в первую очередь узнать, зачем главарю нужны переговоры»,— подумал Мартьянов и сказал:

— Только мое долгое отсутствие в батальоне может повлиять на состояние больного. Я должен быть рядом с ним, а не в этом подвале, иначе как врач ничего гарантировать не могу. Что вы хотели на наших переговорах?

— Мирза-хан говорит, что сегодня ночью его сына доставят сюда и ты сможешь продолжить его лечение.

— Передай Мирзе, что я могу лечить Ахмада только у себя в лагере. А здесь его пусть лечит кто угодно,— почувствовав, что в нем заинтересован сам главарь, повысил голос Владимир.— Тем более я плохой врач, у меня на руках умирают даже дети.

Услышав ответ, Мирза гневно прищурил глаза, вплотную подошел к лейтенанту.

— Мирза-хан не привык, чтобы ему возражали,— до-

неслось из-за его спины, и Мартьянов увидел тянущиеся к нему волосатые пальцы.

Они на мгновение замерли перед грудью врача, потом нажали на комсомольский значок. Закрутка от него больно вдавилась в тело.

«Мне не больно... это ведь не самая страшная боль,— глядя прямо в черные глаза Мирзы, медленно заговаривал себя Владимир.— Бывает больнее, а здесь всего одна точка... Ничего... Потерпим-потерпим... Кажется, пошла кровь... Только не опускать глаза и не кусать губы...»

Наконец, Мирза опустил руку, отошел к стене, сел на топчан. Владимир, увидев рядом свою сумку, наклонился. Удерживая себя от торопливых движений, медленно достал медикаменты. Затем расстегнул китель, вспорол скальпелем тельняшку, обработал рану, закрыл бинт пластырем. Чувствуя, что за ним наблюдают, аккуратно сложил сумку, застегнулся, расправил под ремнем складки, поправил очки и посмотрел на главаря: что дальше?

Мирза неожиданно для себя отвел взгляд.

— Мирза-хан говорит, что тебя спасает внимание, которое ты оказал его сыну. Он умеет помнить добро. И предлагает остаться у нас в отряде. Будут деньги и почести.

Владимир усмехнулся, и Мирза, правильно поняв его усмешку, нахмурился.

— Мирза-хан, повелитель уезда, предлагает советским десантникам покинуть эту землю или в крайнем случае не помогать ни в чем Зухуру. Вы должны передать турану Василию, чтобы он просил об этом своих начальников. Иначе он будет обвинен во всех бедах уезда и его накажут свои же. А Мирза-хан с Зухуром одни решат, чья эта земля.

Разобравшись с переводом, Владимир удивленно посмотрел на главаря, потом кивнул переводчику:

— Передай ему, что революция — это не только дело семьи Мирзы-хана. И где стоять советскому батальону — тоже решать не ему. И даже не турану Василию,— добавил Мартьянов, чтобы не выводить из себя главаря.

Видимо, последняя фраза и в самом деле смягчила несколько Мирзу.

— Мирза-хан все же требует, чтобы его слова передали турану Василию. А русского доктора выведут в другом месте. И пока делать то, что прикажут. А насчет умершего ребенка — не твоя забота.

К Владимиру опять подошли бандиты, он спокойно дал

скрутить себя, набросить на голову мешок. Чья-то рука сдавила ему плечо и подтолкнула вперед. Лейтенант сделал первые осторожные шаги, но быстро уловил логику в надавливаниях пальцев и в зависимости от этого пригибался, шел быстрее, перешагивал препятствия. Наконец, вышли на улицу — по лицу колыхнулась мешковина. Под мешком сразу стало душно, по телу неприятно побежали струйки пота. Захотелось пить, заныла ранка.

Чтобы отвлечься, Владимир начал думать о товарищах. Коле Гребенникову, наверное, уже влетело за него. Но что можно было предпринять в той ситуации, в которой оказался Владимир, лишь шагнув на женскую половину. Сзади его схватили за руки, и не успел Мартьянов что-то предпринять, как в комнату вбежали душманы, окружили его. Один, с пулеметом, стал к окну, и над прицельной планкой оружия лейтенант увидел Колю Гребенникова, отдающего во дворе какие-то распоряжения разведчикам.

— Русского доктора просит на переговоры Мирза-хан,— раздался рядом детский голос, и Владимир от неожиданно зазвучавшей русской речи вздрогнул. Говорил, отступив к стене, паренек, что привел отряд в кишлак.— Надо сказать своим, чтобы не заходили сюда, иначе будут стрелять.

Мартьянов вновь посмотрел в окно. Гребенников озабоченно ходил по двору, и первая пуля, конечно же, достанется ему.

— Где Мирза? — спросил, стараясь казаться спокойным, Владимир.

— Надо пройти,— ему указали на полог. «Ахмад у нас, ничего не сделают»,— решил Владимир.

Он согласно кивнул, ему связали руки, набросили на голову мешок. И то ли сказалась духота, то ли волнение, но через несколько шагов он начал терять равновесие, куда-то проваливаться.

Очнулся уже здесь. Куда ведут сейчас?

Зухур, послав на прочесывание кишлака почти весь отряд, наблюдал теперь за своими людьми в бинокль. Собственно, в этом не было особой нужды, но лейтенанту было стыдно встретиться взглядом с Василием. Комбат просил самых надежных и верных людей для охраны врача, а они оставили Мартьянова одного. Подумаешь, в женскую половину не принято заходить. Да пусть он идет хоть в дом

святого,— был же приказ не оставлять врача одного ни на мгновение. Как мало все же обучены его люди!

Цветов сидел над картой. В разглядывании кишлака проку мало, за всеми перемещениями в нем следят разведчики Гребенникова. В исчезновении Мартьянова надо искать логику, и тогда топографические знаки карты смогут подсказать место, где находится лейтенант.

«С Владимиром могли так обойтись только люди Мирзы, без его ведома другие банды в этот район не заходят,— рассуждал Цветов.— Но тогда неясно, почему он Ахмада оставил без присмотра врача. К себе в штаб Мирза офицера не поведет, он осторожен. А может, у них есть лазарет? Тем более на прошлой неделе Зухур крепко потрепал одну их группу. Значит, надо искать место, где может быть лазарет. Если в горах, то это в ущелье, в пещерах и недалеко от воды».

Комбат обвел на карте все синенькие точки колодцев и родников, паутинки рек вокруг кишлаков. Получалось много, но все равно это уже были точки на огромной, свисающей к полу карте.

— Да, Василий, я ведь тебе не рассказал до конца о допросе Атикуллы,— не отрывая глаз от бинокля, произнес Зухур.— Сегодня ночью он должен был похитить Ахмада. Но он под строжайшим контролем, Атикулла обезврежен.

«Какой,— думал комбат,— у Мирзы может быть еще план? На что он надеется? Нет, ждать в любом случае нельзя, надо действовать. Но как? Что возможно предпринять, сидя словно взаперти? Комполка даже после доклада об исчезновении врача подтвердил свой прежний приказ. Остается вся надежда на Зухура и его людей».

— Я догадываюсь, почему тебя привязали к лагерю,— вдруг сказал Зухур. Отложив наконец бинокль, он сел рядом с Василием на снарядный ящик.— Со мной что-то похожее уже было, в самом начале службы. Стоял я с отрядом под Гератом. Нащупал одну банду, уже захлопывал капкан над нею, а мне вдруг радиограмма: прекратить любые действия, ждать комиссию. Э-э, что потом началось. Три комиссии — из ЦК, Генштаба, провинции. Выяснилось, что главарь банды Али разослал письма, будто я с отрядом ограбил дом муллы. Пока проверяли, Али спокойно ушел с бандой в Иран. Так что, сдается мне, Мирза поступил таким же образом: учителя ведь из-за одного океана. Но я думаю вот о чем. Ведь он наверняка напи-

сал и про меня. Видимо, ваше командование более оперативно отреагировало на это, но завтра утром меня тоже могут посадить за такой же стол и карту. И тогда Мирза...

Зухур встал, нервно заходил под пятнистой тенью маскировочной сети наблюдательного пункта. Если его догадка верна, то не то что к утру, с минуты на минуту может поступить и ему приказ свернуть боевые действия. И тогда он вынужден будет дать сигнал на возвращение отряда в лагерь. Придут в палатки усталые, запыленные, мечтающие об отдыхе, но не выполнившие задачу люди. А где-то доктор Володя будет говорить с Мирзой и верить...

— Слушай, Василий, а может, пусть Атикулла несет Ахмада к Мирзе? — вдруг в задумчивости произнес Зухур.— Мелькнула тут у меня одна идея. Смотри...

И он рассказал, все более возбуждаясь, о своей затее.

— Но ты понимаешь, Зухур, что мы тебе ни в чем не сможем помочь? — сказал комбат, еще не дав оценки плану лейтенанта.— Единственное, чем можем поддержать,— устроим в батальоне ночные занятия по стрельбе. Но это будет чисто психологическая поддержка.

— Это может быть последняя схватка с Мирзой.— Ешмурзаев еле успевал переводить быструю речь Зухура.— Если захватим Мирзу, считай, что доктор тоже найден.

— Погоди, Зухур, не горячись,— остановил друга комбат.— Здесь все надо тщательно продумать. Сядь-ка.— Он хлопнул по ящику.— Слушай, куда Атикулла должен был принести Ахмада?

Зухур подвинул карту, отыскал коричневый квадратик дома лекаря Тимур Шаха в соседнем кишлаке, уткнул в него кончик карандаша. Место было рядом с одним из обведенных Цветовым кругов, и комбат тут же очертил овалом примыкающее к дому Тимура ущелье.

«Может, и Володя там? — мелькнула надежда.— Держись, друг».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Главное для тебя, Карим,— не побиться в темноте и не растерять людей,— сказал на прощание Цветов ходовцу.— Сколько у тебя сейчас фонарей?

— Наших тридцать и твоих сорок семь.— Карим перезатянул ремни.— Ну что, пойдем?

Карим, Зухур и Цветов подошли к строю сарбазов. Цветов вгляделся в лица солдат, которым предстояло в темноте прыгать с бронетранспортеров: лица как лица, большей частью утомленные, с плохо выбритыми щеками. Сумеют ли они выполнить задуманное? Мирзе ведь сразу донесут, что из лагеря вышли машины, десятки слухачей прослушают их путь, отметят, где они остановились или притормаживали. И именно на этом командиры решили сыграть: десант покинет машины на полном ходу, и бронетранспортеры, ни разу не остановившись, придут в лагерь — обыкновенное ночное занятие, которое так любят шурави. Единственное, на что надо надеяться,— чтобы не оказалось под колесами мин. Но иного способа покинуть лагерь незамеченным отряду в сотню человек практически нет.

— По машинам! — подал команду Карим, и солдаты бросились к своим номерам.

В это же время старший лейтенант Буров вывел свою роту к опустевшим палаткам афганцев, рассредоточил ее. Луч прожектора с головного бронетранспортера вроде бы случайно выхватил снующих у палаток людей: пусть видят с гор, что из лагеря выходят одни машины.

— Ну, Василий, пойду и я готовиться,— подал руку Зухур, когда бронетранспортеры, подняв еще не успевшую подвлажниться пыль, ушли в сторону гор.— Да, только вот хочу спросить: откуда в тебе столько военной хитрости? Человек ты вроде мягкий, а придумываешь такое, что мулла позавидует.

Цветов усмехнулся:

— Ты все на хитрость, Зухур, сводишь, а это опять же просто опыт. Вот ты фонарикам удивлялся, а ведь это наши войска перед штурмом Берлина сотнями прожекторов осветили врага, в какой-то степени ошеломили его. Думаю, фонарики у Карима тоже помогут ему в первые минуты боя. Ну, а ты береги себя. И еще раз просьба помнить: где-то там Мартьянов.

Цветов обнял Зухура, трижды прикоснулся с ним щекой к щеке.

— До рассвета.

Для батальона советских десантников и отряда защиты революции наступила одна из самых напряженных ночей за последнее время. Спали только те, кто пришел с постов охранения или готовился к заступлению на них. Остальные напряженно вслушивались в ночь.

Не спали в эту ночь и люди Мирзы. Когда главарю доложили о вышедших из лагеря бронетранспортерах, он приказал разбудить даже раненых. И только после того, как «бэтээры», не останавливаясь, развернулись у подножия гор и ушли обратно в лагерь, Мирза немного успокоился. Этот щенок Зухур под присмотром турана Василия и впрямь серьезно учится военным наукам, хочет вырасти в волка. Но, даст бог, они сразятся раньше, и тогда будет видно, чей ум короче, чья власть умнее.

Давно приговорил Мирза своего среднего сына к смерти. После первых известий, что Зухур вместо учебы занимается в Кабуле революцией, Мирза проклял этот саур[1], затуманивший сыну разум, обративший его против родной крови. Но когда сын поднял оружие против тех, кто аллахом был наделен властью и землей, он дал себе слово пристрелить Зухура, как поганую овцу, при первой же встрече. Однако сейчас, когда тот начал раздавать землю их предков, их рода беднякам, смерть от пули была бы для него слишком легка и почетна. Не-ет, он прикажет закопать Зухура в землю, над которой он еще не пролил ни капли пота, и пусть тот подавится и задохнется ею. Этого требуют Коран и закон гор.

Разве думал Мирза, что жизнь на старости лет так разъединит его с сыновьями? Вероотступник Зухур, поднявший руку на родного отца, старший сын Сатруддин, выучившийся на экономиста, но махнувший рукой на учебу, революцию и занявшийся торговлей дубленками,— разве это его дети? Только Ахмад встал рядом с отцом, но и тому насильно влили кровь неверных. Нет, ни один человек не должен знать, что в жилах Ахмада течет кровь людей с севера. Ни один. Атикулла умрет сегодня же, как только вынесет Ахмада из лагеря. Затем наступит очередь Зухура. Нет, наоборот, Атикулла вначале подсыпет ему в чай щепоть добытого с таким трудом китайского снадобья. Ни один врач в мире не узнает, отчего умер младенец, отчего умрет его средний сын, покрывшийся коростой и застывший в судорогах. А потом будет очередь Атикуллы, аллах ему судья. Только бы сегодня он вынес Ахмада!

Мирза посмотрел на часы. Время тянулось медленно, и он потайным ходом прошел из дома лекаря в госпиталь. Влекли его туда не раненые и больные, на которых он уже махнул рукой. О какой медицинской помощи может идти

[1] Саур — апрель, месяц, когда произошла революция в Афганистане.

речь, если самым главным врачом в госпитале был лекарь-самоучка Тимур Шах! Люди месяцами гнили из-за пустяковых ран, и Мирза вначале таскал Тимура за волосы по пещере, требуя быстрой работы. Однако лекарь от этого не стал умнее, и Мирза справил по раненым молитву: выживут — увидят солнце над головой, нет — такова воля аллаха!

Главным в госпитале были не люди. За одной из перегородок Мирза замуровал часть своих драгоценностей. Калеки и хилые казались ему единственно верными подданными, которые в трудную минуту в силу своей беспомощности не сбегут, не предадут. Именно поэтому устроил здесь один из своих тайников на черный день Мирза. Впрочем, какой может быть черный день для человека, имеющего деньги, много денег? Придет черный день в Афганистан, сразу же засветит его солнце в Пакистане, где, слава аллаху, алмазы и золото тоже имеют большую цену. Не будет у Мирзы тяжелой жизни, пока будет цел хоть один из его семи тайников.

Госпитальная пещера тускло освещалась керосиновыми лампами. Однако Тимур Шах тотчас увидел его, перешагивая через раненых, подошел. Вытирая руки о грязный халат, кивнул назад, на стоящего у стены русского врача:

— Шурави отказывается лечить раненых. Говорит, больных осмотрит, а раненые поднимали оружие против отряда защиты, значит, они враги. Сказали ему, что вы будете недовольны, а он только очки поправляет.

Мирза сжал кулаки. Ногти впились в ладони, и боль немного отрезвила его, не дала броситься на блестевшего очками шурави. «Худой и молод, как Ахмад»,— вдруг неожиданно сравнил главарь. Но тут же устыдился неизвестно отчего возникшей жалости к советскому офицеру.

— Тимур,— подозвал Мирза лекаря. Тот согнулся в полупоклоне.— Что для врача главное?

— Руки, наверное. И глаза тоже.

— Все, что ни придумаете, будет хорошо. Но свою сумку в руках он уже не должен держать. И видеть тоже. Однако чтобы был жив, он здесь на переговорах.

Не оглядываясь на просеменившего сзади лекаря, главарь вышел из пещеры, вернулся в дом. Нетерпеливо посмотрел на часы: должен был уже прийти Атикулла. Лишь бы ему сопутствовала удача. Все что угодно, только бы вернули Ахмада. Он отвезет его в Кабул, найдет лучших

врачей, заплатит какие угодно деньги. Но сын будет рядом... рядом...

В комнату без стука заглянул один из охранников, радостно доложил:

— Идут! Несут.

И сразу за ним, пригнувшись в низком дверном проеме, вошли Атикулла и еще один сарбаз.

— Ваша воля исполнена, господин,— не поднимая головы после поклона, произнес Атикулла.— Ваш сын здесь.

— Несите же сюда! — нетерпеливо приказал Мирза.

Он сам было бросился к двери, но вдруг показалось, что в комнате мало света. Подбежал к столу, выкрутил на полный фитиль лампу и вместе с ней вышел на середину. Сарбазы внесли одеяло с сыном, осторожно положили его прямо перед Мирзой. Заученно поклонившись, они отошли к стенам, оставляя главаря одного посреди комнаты. Ахмад с головой был укрыт серой солдатской шинелью, и Мирза нетерпеливо отбросил ворсистую полу с лица сына. И тут же отпрянул назад.

Вместо Ахмада на него смотрел Зухур.

И только теперь увидел Мирза, что по-прежнему прячет от него взгляд Атикулла, что люди, пришедшие с ним, стоят вдоль стен и держат на изготовку оружие, что в комнате нет почему-то ни одного человека из его отряда. Это не могло быть реальностью, это был сон, в котором аллах отобрал у Мирзы возможность думать и двигаться. Где Ахмад? Почему здесь Зухур? Неужели конец?

— Только без глупостей, отец,— приказал, вставая с пола, Зухур.

Его голос пробудил Мирзу, вернул способность действовать. Главарь мгновенно ощутил тяжесть пистолета за пазухой и увидел краем глаза полог, прикрывающий тайный ход в пещеру. Мысль заработала трезво и отчетливо, перебрав за мгновение все ситуации, которые сейчас произойдут в этой комнате. Мирза швырнул в стоящих у стены сарбазов лампу, сам упал на колени и в темноте на четвереньках пробежал к тайнику.

— Не стрелять! — услышал он команду Зухура, когда лицом уже уткнулся в полог.

До спасения оставался один шаг, Мирза поверил в него и сразу из загнанного зверя превратился в жестокого и расчетливого главаря банды. Это заставило его задержаться в комнате еще на мгновение: он выхватил пистолет и трижды успел выстрелить на голос сына-предателя, в то

место, где стоял предатель Атикулла, и еще на свет вспыхнувшего было в темноте фонарика. И только после этого он отмахнул ковер, нырнул в узкий холодный коридор потайного хода и побежал по его извилистому лабиринту.

Карим, подходивший с отрядом к кишлаку, услышав выстрелы, пронзительно свистнул. В темноте разом вспыхнуло около сотни фонариков. Китайские, с отлично выверенной точкой, они воткнулись в стены и окна видимого из-за дувала второго этажа дома лекаря, остальные мигали, кружились, дергались. И вой, страшный, нечеловеческий вой, рождаемый неизвестно кем за светом фонарей и оттого кажущийся еще более страшным и зловещим, наполнил кишлак.

В двух-трех местах отрывисто и тонко прогремели винтовочные выстрелы, но ответных не прозвучало, и это тоже было непонятно, загадочно и страшно.

Душманы, выбегая сонными из своих жилищ и постоялых мест, тут же устремлялись в единственную сторону, где не было огней. Убегали молча, стараясь ничем не выдать себя в спасительной темноте. Но все чаще стали появляться вокруг фигуры бегущих сообщников. На окраину кишлака выбежало уже человек тридцать, и душманы вдруг поверили в свою силу, возможность что-то изменить. Не хватало только властного, командирского голоса, приказа, который бы остановил людей, превратил бегущую толпу в отряд, внес спокойствие и вернул людям способность ориентироваться в обстановке, на местности, в своих чувствах. Все ждали команды Мирзы.

Душманы уже начали было останавливаться, оглядываться на не такие уж и страшные издалека глаза фонарей, когда прямо на них вырвался из спасительной темноты сноп света. Электрическая фара с бронетранспортера высветила каждого, ее свет ударил в первую очередь по ногам. Многие тут же отбросили в сторону винтовки, потому что попасть в плен с оружием — это сразу тюрьма или смерть. Кто-то от страха, а может, нечаянно, выстрелил в воздух, и тут же над головами сбившихся в электрическом луче мятежников пронеслись пулеметные очереди. Все упали на землю, и в наступившей тишине раздался звонкий, но властный голос:

— Вставать и подходить по одному!

Душманов, ослепленных светом, тщательно обыскивали, отводили в сторону. И, уже связанные, привыкшие к

темноте, они увидели, что обезоружили их около десяти сарбазов. Это было тем более обидно, что в кишлаке все же завязалась ожесточенная перестрелка. Кто-то спасал свою жизнь достойно и еще имел надежду выйти из кольца, а для этих тридцати война с новой властью глупо и безвозвратно закончилась.

— Кто знает, где находится Мирза и русский доктор, шаг вперед! — последовала новая звонкая команда.

Душманы зашевелились, исподлобья оглядели друг друга, но никто не спешил выйти из плотного круга, оторваться от той жизни, в которой прошли последние годы.

— Повторяю: кто сообщит о Мирзе и русском докторе, тому будет дарована жизнь!

На этот раз из толпы торопливо вышло несколько человек. Их тут же отвели в сторону, остальных посадили на землю дожидаться рассвета.

В самом кишлаке бой стихал. Карим, пробившись со взводом к дому лекаря, обнаружил в нем Зухура. Лейтенант лежал на подушке, один из сарбазов бинтовал ему грудь. У порога, прикрытый попоной, лежал убитый. По его долговязой фигуре Карим понял, что это Атикулла.

— Ушел туда.— Зухур указал Кариму на проем в стене.— Возьми людей, беги на помощь моим.

Ходовец окликнул людей, отдал приказ, и солдаты скрылись в узком зеве потайного хода.

— Как сам? Ранен? — спросил Карим, помогая Зухуру устроиться поудобнее.

— Ерунда, выживу. Наверное, история русских спасла меня.— Он нащупал рядом с собой учебник, подаренный Цветовым, приподнял его. Карим увидел рваный клочок посреди обложки, куда вошла, ослабив основной удар, пуля.— Добрые и мужественные люди живут в России, Карим. Когда-то у нас так будет?

— Будет, Зухур. Иначе нам и не стоило затевать революцию,— ответил ходовец.

— Дай бог. А ты поспеши сам, Карим. Надо обязательно найти русского доктора. Это наш долг перед шурави. Беги, а то один остался.

— Я быстро, ты крепись.— Карим снял кепку, подложил ее лейтенанту под голову и тоже скрылся в потайном ходу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Мирза вбежал в госпиталь в тот момент, когда Тимур Шаху доложили об исчезновении русского доктора.

— Все предатели, всех сгною! — Главарь наотмашь ударил лекаря по лицу.— Где у тебя выходы из пещеры?

— Вот эти два, оба к реке,— торопливо указал тот на расселины в левом углу пещеры.— Но в одной из них русский.

В госпиталь проник гул боя, и раненые, замершие было на своих нарах при появлении главаря, подняли головы. Времени успокаивать или что-то объяснять им у Мирзы не было: Зухур наверняка послал за ним погоню.

— Всех, кто может держать оружие, сюда! — приказал Тимуру главарь, надеясь задержать сарбазов в проходе и уйти к реке.

— Русский унес пулемет,— тихо проговорил лекарь.

— Что-о-о? Лучше бы он унес твою душу! — выругался Мирза, поднимая пистолет.

— Не убивай, господин, отсюда есть еще один выход. Только я знаю, только я, не убивай!

— Где выход? — перебил его Мирза.— Быстрее, ну!

Лекарь согласно закивал и двинулся в тот же ход, откуда прибежал Мирза. Главарь бросил взгляд на выступ, прикрывающий тайник с драгоценностями, но разум победил желание унести их с собой. Раненые, поняв свою обреченность, ковыляли, ползли, перекатывались, подтягивали себя к расселинам. Кто-то опрокинул лампу, в темноте люди застонали, послышались проклятия, что-то загремело. Мирза отшатнулся, ухватил за халат лекаря.

— Там, посредине, около поворота, есть расселина вверх. Но без меня не найдешь,— захрипел Тимур, почувствовав железную хватку главаря.

Однако не успели они пробежать и двух десятков шагов, как впереди мелькнул свет, послышались голоса. Басмачи вжались в ниши, которые раненые по приказу Мирзы пробили в стенах еще прошлой весной, затаили дыхание.

Сарбазы, не встречая сопротивления, шли по коридору быстро, особо не осматриваясь. На Мирзу и Тимура лишь пахнуло от их разгоряченных тел, и с последним солдатом опасность прошла мимо.

Мирза подтолкнул лекаря, тот побежал быстрее. Сзади, в помещении госпиталя, раздались выстрелы, крики, но ни Мирза, ни Тимур даже не обернулись: дорога была

каждая секунда. А впереди опять разбавил темноту свет фонаря.

Мирза и Тимур снова вдавились в стены, словно стараясь заполнить каждую выемку, каждую трещинку. «Неужели окажемся между двух огней?» — в страхе подумал главарь, представив себя зажатым в узком проходе.

Но на этот раз их спасли, видимо, выстрелы в пещере. Новый отряд сарбазов бежал на помощь своим, и им не было дела до черных теней за выступами лабиринта.

Мирза потной рукой вытер взмокший лоб. «На третий раз вряд ли повезет»,— вдруг подумалось ему. Третьего раза не должно было быть, но он поспешил отогнать эту мысль. Однако она уже вонзилась в сознание, и чем ожесточеннее главарь гнал ее, тем отчетливее она повторялась: «В третий раз не повезет. В третий раз не повезет...»

— Теперь скоро,— прошептал Тимур, на ощупь узнавая расстояние.

И вдруг он молча метнулся в сторону. Впереди забрезжило светом, и Мирзу захлестнуло до самых ушей горячей волной: «Накликал. Я же чувствовал, что третий раз будет роковым».

Он бросился к одной нише, другой, но все они показались мелкими. Луч фонарика приближался, уже появились в лабиринте слабые блики, которые еще надежнее прикрывали спрятавшегося Тимура и высвечивали Мирзу. И тогда главарь, согнувшись, пугаясь своей огромной тени, метнулся к нише лекаря. Тот повернулся боком, но Мирза все равно не смог протиснуться в образовавшуюся щель. Он надавил животом на Тимура, но тот будто вцепился в гранит всем телом, и Мирза понял, что его с места теперь не сдвинуть. Не теряя больше ни секунды, он выхватил из кармана нож.

Щелкнуло выброшенное лезвие. Мирза нащупал открывшийся от удивления рот лекаря и воткнул ему нож куда-то в бок. Тимур обмяк, главарь зажал рукой его стон, а потом и второй, и третий раз ударил в мягкое и тяжелое тело Тимура. Тот сполз под ноги.

Мирза только успел отпихнуть его от себя и втиснуться в нишу, как луч фонарика наткнулся на Тимура и остановился на нем.

В этот момент лекарь застонал и этим оказал своему господину последнюю услугу. Человек с фонарем склонился над раненым, и Мирза, собрав всю силу, ударил его рукояткой ножа по голове, обрадовавшись в первую минуту

тому, что она не покрыта. Однако для верности он схватил своего врага за шею и теперь душил не просто потерявшего сознание сарбаза, а свою смерть. И чем больше немели пальцы на шее противника, тем увереннее чувствовал себя Мирза. Если он и в третий раз обманул судьбу в этом темном коридоре, то еще поживет и постоит за свое. И бороться будет так, что каждого его врага настигнет такая же позорная смерть, как этого несчастного. Нет, Мирза не поверит, будто нет позорной смерти, если это смерть за революцию. Бред шайтанов, пропаганда Бабрака, болтовня русских. Еще вспомнят его, Мирзу, в этих местах.

Захватив оружие и фонарик убитого, главарь намного увереннее побежал к повороту в лабиринте.

Цветов, не отрываясь, смотрел на возвращающийся в лагерь отряд Зухура. Но он не мог еще даже в бинокль различить лиц, и теперь, стараясь не выдавать волнения, просто стоял и ждал на наблюдательном пункте. Отметил для себя: не притронется к биноклю до тех пор, пока солнце полностью не выйдет из-за гор.

Рядом находились его заместители, другие свободные от службы офицеры. Один Гребенников отпросился на линию боевого охранения, чтобы первым встретить отряд.

Наконец, солнце оторвалось от гребня горы, и Цветов нетерпеливо вскинул бинокль. Впереди колонны шли пленные, которые на одеялах, шинелях несли раненых. Боясь поспешить и отобрать у себя надежду увидеть среди афганцев Мартьянова, Цветов медленно переводил бинокль в глубь колонны. Пленные, пленные, пленные...

«Нет, Мартьянова здесь не может быть, волноваться пока нечего. Он должен идти дальше, обязательно, ведь операция по захвату банды вроде прошла удачно»,— успокаивал себя комбат.

— Мартьянов! — вдруг выкрикнул кто-то из офицеров.

Цветов тут же зашарил окулярами по отряду, торопясь убедиться в этом. Мелькали лица, много лиц, большинство знакомых... Наконец, бинокль замер в задрожавших от волнения руках.

Владимир шел в центре колонны. Перебинтованные руки он держал у груди, и Цветов затаил дыхание, вглядываясь в непривычное без очков лицо врача. «Ничего, Володя,— думал комбат, потирая шрам биноклем.— Для

врача главное — не только руки и глаза, но и сердце. А оно у тебя — дай бог каждому».

Успокоившись за Мартьянова, комбат начал искать среди возвращающихся Зухура и Карима. Но ни лейтенанта, ни ходовца нигде пока не было видно. Тогда он стал рассматривать тех раненых, которых несли сарбазы. Мартьянов шел около первых носилок, к ним подходили афганские сержанты, получали какие-то указания и спешили к своим подразделениям. Значит, Зухур жив, жив наверняка и Карим.

Теперь Цветов вспомнил о Мирзе. Главаря должны были вести отдельно от других пленных, рядом с Зухуром, но грузной фигуры его отца не было видно во всей колонне.

«Значит, ушел,— понял Цветов.— Да, не просто это — прийти и победить. Мирза наверняка вернется, и рано еще отряду защиты революции менять винтовки на плуг. Но все равно сегодняшнее утро — это утро еще одной победы. Вот теперь можно идти в кишлак раздавать землю».

Он опустил бинокль, оглядел сразу сделавшихся какими-то усталыми офицеров. Те, словно захваченные на чем-то недозволенном, смущенно опускали головы и поправляли оружие.

«Нам тоже еще рано ослаблять ремни,— подумал комбат.— Ослабим,— кто знает, каким тогда наступит утро следующего дня».

А это утро было тихим и чистым...

«АЛЬКОР» ВЫХОДИТ ИЗ БОЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Уже в который раз ему снился этот сон.

...Костер догорал. Темнота подступала все ближе, и тогда пламя, словно боясь остаться в одиночестве, тянулось к сидевшим рядом людям.

— Пересядь ко мне, Сереженька, уйди с подветра,— позвала с другой стороны костра мама.

Сергей Воронов испуганно оглянулся на светящиеся заклепками костыли.

— Но я не могу ходить, я же ранен.

— Опять ты все выдумываешь, Сереженька,— грустно отозвалась мама.— Ты ведь знаешь, что я скоро умру. Посиди со мной, пожалуйста, напоследок.

Сергей знал, что она умрет через несколько дней, но ведь он в самом деле не может ходить.

— Посиди с мамой, сынок,— попросил и отец.

Вдруг Сергей отметил, что ни его лица, ни маминого, ни других он не видит.

— Иди-иди, сынок,— повторил отец,— вот и ракета пошла, иди, пока светло.

Ракета вырвалась откуда-то сбоку, но Сережа удивился не ее появлению, а тому, что отец, прошедший всю войну, забыл: по освещенной местности двигаться нельзя, могут заметить, открыть огонь. Почему он не помнит этого?

Ракета еще пыталась удержаться в зените, но уже соскальзывали с нее капли искр, и она, уменьшаясь, затухала. Тени, рожденные ею, тут же сливались с темнотой.

— Значит, я тебя так больше и не увижу,— еле слышно произнесла мама, и тогда Сережа, упершись руками в землю, стал на колени.

До костылей было не дотянуться, ползти постеснялся, и тогда, оберегая раздробленную стопу, он встал. Его шатнуло. Неожиданная боль легче, чем та, которую ждешь, и он, заранее скривившись, оперся на раненую ногу. Боль пронзила все тело, и Сергей поспешил сделать шаг.

Земля и звезды в небе качнулись, словно попробовали поменяться местами. Из раны будто пронесся, заглушая старую, медленную боль, сноп огня. Сергей закрыл глаза, но огонь, ударив в голову, рассыпался, ослепил в темноте, распахнул ему глаза и рот, вырвался наружу.

— Мне очень больно, мама. Честное слово. Я не могу.

И тогда он увидел, как медленно опускаются прямо в огонь протянутые к нему из темноты руки.

— Значит, не увидимся,— скорее почувствовал, чем услышал он.

«Не увидимся, не увидимся»,— радостно заметалось пламя.

— Мама! — крикнул Сергей и сделал второй шаг.

Вокруг все загрохотало, земля на этот раз перевернулась легко и уже сверху вместе с костром упала на небо...

— Сережа, Сережа! — услышал Воронов прямо над собой чей-то другой, не мамин голос. Потом из этого шепота вдруг родился тонкий непрерывный свист, он начал нарастать, заполнять пространство и сознание.

Еще окончательно не придя в себя ото сна, он тем не

менее понял, что это мина и что теперь не успеет ни убежать от нее, ни даже откатиться в сторону. А в сознании лишь промелькнуло, что разбудила Рита, и он закрыл глаза. На лицо ему упали мягкие волосы, и, прежде чем Сергей что-то предпринял, медсестра обхватила его руками, прижалась, закрыла собой.

Мина упала недалеко. Взрыв, словно боясь полностью раскрыться на морозе, получился сухой и короткий.

У входа в палатку зашуршали, хлопнул полог.

— Старшина, ты? — отстраняясь от щекочущих волос Риты, спросил Воронов.

— Кончай ночевать, старшой,— отозвался Старчук, пробираясь в темноте к носилкам Воронова.— Командир через пять минут собирает всех. Идти сможешь?

— Что за стрельба? — перебил Воронов.

— «Духи» нащупывают.

Старчук, спотыкаясь о сваленные в палатке вещмешки, термосы, прошел к старшему лейтенанту. Рита, освобождая ему место, словно нечаянно провела рукой по груди Сергея и отодвинулась.

С гор опять послышался свист, и Старчук, повторяя движение медсестры, склонился над Вороновым. От старшины пахнуло дымом, потом и куревом.

— Так идем к командиру или насморк окончательно свалил боевого офицера? Риточка, где ты? Я понимаю, с тобой быть лучше, чем получать указания командира, но...

— Старчук, вы на каждом углу твердите о давней дружбе со старшим лейтенантом, а язвите так, будто он вам вовсе и не друг.

— Да, Риточка, мы уже семь лет знакомы, почти половина твоей жизни. Семь лет, да, старший лейтенант?

Воронов ничего не ответил, и Рита, обидевшись за него, напомнила:

— Передайте еще раз майору Уляшеву, что у Воронова температура, и я, как медсестра...

— Не надо, Рита, я пойду. Разве это болезнь для десантника — температура? Скажешь кому в Союзе, не поверят, да, старшина? — прервал ее Воронов.

Он хотел сгладить обстановку, однако и сам почувствовал, что невольно заискивает перед прапорщиком. Тогда решительно отбросил одеяло, встал с носилок, приспособленных для ночлега, тщательно заправился. Где-то рядом

были Старчук и Рита, он слышал их дыхание, но, как ни всматривался в темноту, ничего не увидел. Голова болела, но уже меньше, чем перед сном, и Воронов, выставив руки, сделал шаг вперед. Под ногой оказался чей-то рюкзак, Сергей зацепился, ударился плечом в центральный стояк палатки. Она зашаталась, и Рита подхватилась со своего места:

— Я провожу.

Но Старчук, не давая Воронову ответить, снисходительно проговорил:

— Мы дойдем и сами.

Он отбросил полог палатки, первым вышагнул из нее. Рита некоторое время прислушивалась к их удаляющимся шагам, потом бросилась к рюкзаку, о который споткнулся Воронов, отбросила его в угол. Почему Сергей боится Старчука? Почему он безропотно подчинился прапорщику? Неужели она ни капельки не нравится ему? Неужели он ничего не чувствует? Да она готова радоваться этому обстрелу, лишь бы можно было, пусть всего лишь как медсестре, сесть рядом, наклониться...

Рита села на носилки Сергея, погладила бушлат, которым он укрывался, потом уткнулась в него лицом и беззвучно заплакала.

...Назначение в агитационно-пропагандистский отряд Сергей Воронов получил после возвращения из госпиталя.

— Может, оно и правильно,— пожал плечами ротный, когда Сергей пришел за вещами.— Ты знаешь, я ведь практик. И, честно говоря, мне не нужен замполит, который из-за раненой ноги вдруг может отстать в горах. Это не нужно и тебе самому. Поработай в АПО[1], они всё же не так часто ходят. Стой, ты что, обиделся?

— Есть немного,— не стал ловчить Сергей. Отвернулся: — Я в госпитале только и думал, как вернусь в роту...

— Брось, Сергей, мы с тобой не на Невском в воскресный день. Здесь добренькими быть труднее. Солдаты уже рисковали собой, когда вытаскивали тебя из-под огня два месяца назад. Давай не будем давать им возможность еще раз проявлять геройство, если ты вдруг под обстрелом окажешься менее расторопным, чем надо. Я думаю, что

[1] АПО — агитационно-пропагандистский отряд. Создается для работы с местным населением.

в штабе решали твой вопрос именно так. А сейчас иди к солдатам, они рады тебя видеть и ждут.

Вот так и перекочевал Сергей Воронов из замполитов в агитаторы. И первый же сюрприз в АПО — встреча со Старчуком.

— Воронов? — Тот удивленно приподнялся со снарядного ящика, на землю с колен посыпались детали полуразобранного автомата. Прапорщик вытер ветошью руки, однако не поздоровался.— Ого, уже и старшим лейтенантом ходишь. И самое интересное будет, если тебя назначили моим начальником. Впрочем, иначе быть не может, не интересоваться же моим здоровьем ты пришел. А?

Сергей тоже не верил своим глазам. Витька Старчук? Здесь, в Афганистане? Прапорщиком?

— Давай, пока не представились официально, выясним отношения, раз уж судьба вновь свела нас.— Собрав с земли упавшие детали, Старчук вновь принялся за их чистку.— Вспомним, как я был отчислен из училища. Мне позарез надо было в город. Увольнительную не дали. Но я все-таки ушел. А это видел только ты. Конечно, мог бы и промолчать...

— Но ведь из-за тебя наказали старшину роты. Однако об этом потом. Мне через две минуты к командиру.

— Ну а ты и в самом деле к нам?

— К вам.

— Командир здесь.— Старчук указал на врытую в землю палатку.

Майор Уляшев, опершись кулаками о стол, стоял над новенькой, бугрившейся свежими склейками картой. Один край ее свесился на пол, и его осторожно трогал лапой черный котенок. Посреди палатки негромко гудела «буржуйка», через приоткрытую дверцу бросая на скуластое лицо майора красные отблески. Увидев вошедших, он блаженно, не стесняясь подчиненных, потянулся, и Воронов отметил, что его новый командир от силы ну на пять-шесть лет всего старше.

Сергей доложил о своем прибытии, и майор указал ему на место у карты.

— Через неделю выходим сюда.— Он ткнул карандашом на зеленую полоску среди липнущих друг к другу коричневых линий. Воронов, глядя на топографические знаки, постарался представить это ущелье: нависшие горы над сбегающими к реке кишлаками, крохотные наделы земли, редкие деревца, узкие дороги...

Котенок дернул карту, и Сергей взял его на руки, погладил игриво выгнутые спину и хвост.

— Это ущелье выбрано случайно или есть какой-то определенный замысел? — спросил он.

— Выбрано с самым величайшим смыслом,— отозвался майор и оценивающе оглядел Воронова.

Старшего лейтенанта хвалили ему кадровики на все лады, всячески старались подчеркнуть, что это будет отличный заместитель. Вначале Уляшева это радовало, но затем стало раздражать. Конечно, два ордена, ранение о чем-то говорят, но мало ли кто какие имеет заслуги в прошлом! Пусть сначала покажет себя в новой должности, пусть почет и уважение добудет здесь. Хотя, конечно, для зама это несложно: ругают обычно одного командира, хвалят уже двоих.

Эта мысль потом приходила всякий раз, когда разговор касался приезда Воронова. И хотя старший лейтенант пока понравился Уляшеву своей тактической хваткой, майор решил все же при удобном случае подчеркнуть, что в первую очередь Воронова взяли за его литературные способности и дело его — составлять листовки, тексты выступлений, подбирать книги, плакаты, кино- и фотодокументы.

— Смысл такой,— повторил Уляшев, чувствуя, что пауза затягивается, а старший лейтенант взгляда не отводит.— В этом ущелье душманы разрешили работать школам. Представляешь? Я — нет. Здесь что-то не так, уж поверь моему опыту. Наверняка тут идет какая-то очень тонкая игра. Не могут они сегодня отрубать школьникам руки, а завтра платить родителям деньги за учебу детей. С этими школами что-то не то, что-то не так... Жаль, конечно, что у тебя нет опыта нашей работы, но, думаю, при желании многое поймешь.— Уляшев все же «напомнил» Воронову его место и роль в отряде. Однако это получилось слишком прямолинейно, в лоб. Воронов все понял, закусил верхнюю губу, и майор поспешил наклониться к карте.— Смотри, с другой стороны ущелья будет идти агитационный отряд афганцев. На третий день мы соединяемся и действуем вместе. Важность выхода еще и в том, что это первый агитрейс у афганских товарищей. У них совершенно нет опыта такой работы, и поэтому мы должны не только всячески помогать, но и беречь их. Это просьба Главного политуправления афганских Народных вооруженных сил и, соответственно, уже приказ нашего командования. Сам погибай, а товарища...

— Сопровождение? — коротко спросил Воронов, и Уляшев еще раз оценил командирскую хватку и выдержку зама.

— Когда говорят агитаторы, пушки молчат.— Майор приподнял карту над столом, затем опустил ее, и она сама привычно сложилась по сгибам в квадратик.— Идем без ничего. Нас зовут БАПО — боевой агитпропотряд. Но это потому, что за нами охотятся «духи», в нас стреляют, нам ставят мины. А по сути мы агитаторы. Мы раздаем людям хлеб, рис, сахар, спички — и это нельзя делать под стволами орудий. Мы рассказываем о Советском Союзе и не должны прикрываться мощью брони. В этом сила нашего отряда. И уязвимость. Но иначе нельзя. Не получится. И я хочу, чтобы, глядя на нас, это с первого рейса поняли и афганские товарищи. Впрочем, начиная с девяти часов утра третьего дня в каждый нечетный час над ущельем будут пролетать наши вертолеты. Сигнал о помощи — ракета оранжевого дыма. Но, думаю, до этого не дойдет. По сведениям разведки, банды ушли из ущелья три дня назад в Панджерскую долину, там у них какое-то сборище. Нас поведет проводник Карим, его рекомендовали партийные активисты уезда. Как нога?

— Терпимо.

— Если тебя перевели к нам как на более легкое место службы — это зря, здесь не легче. Поэтому надеюсь, что в штабе учли нашу просьбу и подыскали человека с литературными способностями.

Майор, не глядя на Воронова, вытащил из сумки листовку с подстрочным переводом, положил ее на стол.

— Попробуй для начала изложить это так, чтоб нормально читалось. Здесь о главарях банд, куда мы идем. А я — в штаб.

Котенок соскочил с рук Воронова, побежал было за хозяином, но потом лениво потянулся, вспрыгнул на стоящую в углу кровать, потолкался в одеяле, устраивая себе местечко. Сергей склонился над картой. Столик был низкий, и через несколько минут он сам, подобно Уляшеву, потянулся, разминаясь. И вдруг застыл с поднятыми руками: у порога стояла девушка с синим термосом в руках и с улыбкой смотрела на него.

— Здравствуйте. Вы Сергей Воронов? — спросила девушка, проходя в палатку.

— Да-а.

— А я Рита, медсестра. В отряде еще есть Анна Ни-

колаевна, врач-терапевт. Хотите чаю? — Она начала открывать термос.

— Нет-нет,— отказался Воронов, еще окончательно не пришедший в себя.— Нет.

— А я бы не отказался,— послышался голос Старчука. Он вошел вслед за Ритой и, улыбаясь, глядел на Воронова.— Привыкай к женскому общению, товарищ старший лейтенант.

— Старчук!

— А я что, я ничего, Риточка. Просто объясняю своему давнему другу, что здесь вести себя надо культурней. Женщина в такой обстановке — это порядок в помещениях и беспорядок в сердцах героев. Да... Ну а меня чаем напоишь?

— Ты же знаешь, что нет.— Рита отвернулась, поставила термос на прежнее место.

— Тогда придется мне, прапорщику, забрать старшего лейтенанта для выдачи ему оружия. Прошу.— Старчук, улыбаясь, посмотрел на Сергея и поднял полог.

Воронов, не глядя на девушку, вынырнул из духоты палатки.

— И она что, ходит в рейсы? — кивнул он через плечо.— Да что, у нас в стране мужики перевелись? Зачем девушек сюда?

— Спроси командира, он их затребовал,— отозвался Старчук.

В голосе прапорщика впервые послышалась озабоченность, и Воронов с удивлением посмотрел на Виктора. Однако тот уже картинно вытянулся, приложил ладонь к выгоревшей панаме.

* * *

— Пришли,— прервал воспоминания Воронова старшина.

Сергей нырнул в командирскую палатку. Уляшев, выкрутив из фонаря отражатель, подсвечивал лампочкой карту. Рядом сидели переводчики — лейтенанты Торопов и Шевлюга.

— Товарищ майор, старший лейтенант Воронов и прапорщик Старчук по вашему приказанию прибыли.

— Присаживайтесь,— устало кивнул Уляшев, выключив фонарик.— Итак, все в сборе. Обстановка такова: исчез проводник.

— Что? — не сдержавшись, переспросил Старчук.

Воронов вспомнил высокого бородатого афганца, рекомендованного в провинциальном комитете партии в проводники. «Последний,— развел тогда руками секретарь,— лучшие ушли на операцию. Но район знает хорошо».

— Я думаю, что это предательство,— продолжил Уляшев.— Подтверждением может служить этот неожиданный обстрел. Но это еще не все. Исчезла полевая сумка лейтенанта Шевлюги, в которой находились списки партийных активистов и всех сочувствующих революции в уезде. Вы знаете, товарищ Шевлюга, что будет с людьми, если сумку унес провокатор?

— Да,— тихо ответил переводчик.— И я хочу, чтобы...

— Исходя из этого,— перебил лейтенанта командир,— предлагаю уйти от подножия гор в центр долины. И чтоб ни звука, ни огонька: пусть «духи» думают, что мы на старом месте. Поэтому машины не заводить, будем толкать их сами. Возражения?

Решительностью и практичностью командир АПО напомнил сейчас Воронову бывшего ротного. А поломать голову было над чем. Прошло два дня рейса, сегодня утром отряд втянулся в ущелье. Связь с лагерем пропала, даже радиоволны не могли вырваться из этого каменного мешка, и Воронов, глядя на нависающие над дорогой скалы, вспомнил свое ранение: приблизительно в таком же месте их рота напоролась на засаду.

К вечеру подошли к первому кишлаку. На коротком совещании решили ночь провести в горах, а работу начать с утра. Поставили палатки. Воронов, почувствовав слабость, попросил у Риты таблеток, прилег — и как провалился. А тут такие дела закрутились...

Но в бессмысленном на первый взгляд предложении Уляшева виделась ему логика: душманы ведь ищут отряд ближе к горам — и правы. Боязнь оторваться от них, уйти из-под защиты скал и привели скорее всего к тому, что мины рвутся чуть ли не в лагере. Надо уходить туда, где еще опаснее,— в открытую долину!

Сергей кашлянул.

— Слушаем, Воронов,— сказал Уляшев.

— У меня добавление,— ответил Сергей.— Если идти и дальше на неожиданности, то нам необходимо двигаться поодиночке. Этим мы уменьшим вероятность потерь даже от случайного попадания мины.

— Опасно,— отозвался Торопов.

Он хотел еще что-то добавить, но знакомый свист с вершин заставил всех замолчать, напрячься. Две мины, одна за другой, разорвались недалеко от лагеря.

— Скорее всего это какой-нибудь душманский пост, стреляют из одного миномета,— задумчиво сказал Уляшев.— Значит, следили, ждали ночи.— И он распорядился: — Уходим в долину. Направление — на пятую по величине звезду Большой Медведицы. Это звезда Алькор, ставшая с легкой руки Риты позывным нашего отряда. Останавливаемся полтора-два километра левее кишлака. Торопов, обстановку по нему.

— Двадцать один двор, тридцать семей. Грамотный один, мулла. Народной власти, отряда самообороны, партийцев нет. Предположительно два «кровника»[1].

— Дело ясное, что дело темное. Итак: первым двигается Воронов, потом через пятнадцать минут Торопов со своей звуковещательной станцией, последним я. Начало движения через десять минут. Воронов, задержись, остальные свободны.

Мимо Сергея прошли люди. Хлопнув по плечу, вышел из палатки и Старчук.

— Как голова? Температура есть? — вдруг спросил Уляшев, и Воронов от неожиданности замер: не наблюдалось раньше за командиром такого внимания.

— Так себе,— односложно отозвался Сергей.— А сейчас, по-моему, совсем нет. В Союзе будем болеть.

— Я вот думаю, почему ты не сказал о своей болезни перед рейсом. Анна Николаевна сказала, что ты брал таблетки от температуры еще в лагере. Ты же офицер и должен был знать, что станешь обузой.

Сергей встал. Первым желанием было ответить, что это именно он, майор Уляшев, своими репликами заставил его доказывать, что и в парашютно-десантных ротах ордена дают не только за храбрость, но и за ум. А если надо, то рапорт будет написан сразу же по возвращении...

Обида была настолько горькой, что Сергей побоялся сорваться на крик. Несколько раз глубоко вдохнув, медленно, подбирая слова, произнес:

— Товарищ майор, я думаю, что сейчас не время поминать старое.— Не удержавшись, пояснил: — Тем более что мы оба отчетливо разбираемся и в интонациях, и в расставляемых акцентах. Разрешите идти?

---

[1] «Кровники» — люди, поклявшиеся отомстить душманам за гибель близких. Кровная месть.

— Иди... — удивленно протянул Уляшев.

Воронов нащупал полог, вышел из палатки. Поднял голову. Звезды были еле видны, но он все же отыскал прилегшую на темный хребет горы Большую Медведицу.

— Холодает,— тихо сказал рядом Старчук.

— Не май месяц,— машинально отозвался Воронов училищной поговоркой.

«А что это я постоянно чувствую себя перед ним виноватым? — вдруг прорвалась у него затронутая еще Уляшевым обида.— Командира не боюсь, даже стараюсь как-то понять его. А перед Виктором заискиваю».

— Старшина,— окликнул Сергей Старчука, лишь они отошли от командирской палатки. Тот по инерции сделал еще несколько шагов, но потом до него дошло: Воронов называет его по должности! — Старшина, давай еще раз начистоту. Я считал и тогда, и тем более считаю теперь — в твоем отчислении из училища виноват только ты сам. Волей случая я стал свидетелем, как ты ушел в самоволку. Я не покривил душой, когда начальник училища вызвал меня на беседу, спросил об этом. Не сужу о тебе нынешнем — колодочка Красной Звезды говорит о многом. О многом говорит и то, что ты закончил школу прапорщиков и тебе доверили служить в Афганистане. Все. Пошли.

Однако прапорщик не тронулся с места, и Воронов остановился. Впереди послышались осторожные, легкие шаги Риты, и Старчук вдруг заторопился, сказал:

— Да, я тогда не подумал, что так все закрутится и дело дойдет до отчисления. А я люблю армию, понимаешь, люблю. Всю жизнь мечтал стать офицером, а тут ты со своим благородством...

Подошла запыхавшаяся Рита, тревожно оглядела спорящих. Спохватившись, набросила Сергею на плечи бушлат.

— Что сказал командир? — спросила она, ожидая, кто ответит. Неужели опять Старчук?

— Уходим в долину,— ответил Воронов.— Мы первые, за нами Торопов, потом командир. Ты с Анной Николаевной?

— Нет, с вами,— как о давно решенном ответила Рита.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бронетранспортер, легко вминаясь колесами в каждую выемку и так же легко упираясь о каждый камешек, медленно двигался по склону в долину.

Старший лейтенант толкал БТР правым боком, чтобы хоть как-то меньше давить на раненую ногу. Рядом, за спиной, тяжело дышала Рита, где-то впереди чертыхался Старчук. Солдаты облепили машину с боков.

— Гордись, ефрейтор,— шептал прапорщик водителю Семену Козыро, когда тот выныривал из темноты бронетранспортера в полукруг бледно-звездного неба, высматривая дорогу.— Когда тебя еще начальство покатает? Хотя для такого дела мог бы и похудеть килограммов на пять, а?

Ефрейтор сконфуженно спускался в люк, но вскоре его голова снова высовывалась: темнота скрывала все, что было за корпусом машины, и даже ефрейтор Хайдар Назмутдинов, идущий в дозоре, был не виден и не слышен.

— Стой, две минуты перекур,— отстранился от брони Воронов. Вытер шапкой лицо, отстегнул с ремня флягу. Чай замерз, и он мизинцем продавил лед в горлышке. Отхлебнул несколько коротких глотков чая, пережидая пробежавшую по телу дрожь, тщательно разжевал льдинки. Протянул флягу подошедшему Старчуку.

— Деликатес,— отозвался тот.— Вот бы по одной такой фляжке сейчас каждому.

— Ты о чем, Старчук? — отозвался Воронов, и Рита, которая только что была согласна с прапорщиком, чуть было не захлопала в ладоши: вовсе не боится Сергей старшину, все это она выдумала.— Рита, ты пить будешь?

Рите не хотелось, но она все равно протянула руку, сделала несколько глотков горького от чрезмерной заварки чая. Вспомнив ее тяжелое дыхание, Воронов протянул ей свой автомат:

— Будешь прикрывать нас сзади.

Девушка мгновение раздумывала, потом туго перевела флажок предохранителя на первую защелку автоматического огня. Отошла назад.

Показалось, что после передышки бронетранспортер катить стало легче. А может, и в самом деле уклон стал круче, и Сергей даже подумал, как бы Рита не отстала.

— Смотри, в кишлак не завези,— предупредил водителя Старчук.— Уже где-то недалеко.

И вдруг впереди неистово, захлебываясь, залаяли собаки, ударили винтовочные выстрелы.

Воронов бросил правую руку вниз, к оружию, и тут же покрылся ознобом: автомат у Риты, пистолет оставлен в машине. Старший лейтенант сжался, готовый в любой миг

к удару, сопротивлению, прыжку. Руки нащупали на машине лом, он вырвал его из пазов, взял наперевес. В кишлаке вновь открыли огонь, и Воронов нетерпеливо крикнул:

— Рита, автомат!

Позади, откуда они только отъехали, разорвались три мины, подняв новый шум в кишлаке.

— Рита!

Издалека послышался ее голос:

— Я здесь, сейчас!

Прогремели еще два взрыва. Осколки со злостью впивались в гранит, расписываясь на нем коротким огненным росчерком.

— Рита! — уже тревожно окликнул Воронов.

Медсестра с разбегу ткнулась ему в грудь.

— Не волнуйся... все хорошо. Успели уйти, слава богу... На, возьми автомат и больше не гони меня от себя. Ладно?

Она замолчала, потом еле слышно повторила у самого лица Сергея:

— Не гони.

Сергей, почувствовав привычный рельеф оружия, его уверенную тяжесть, немного успокоился. Смолкли и выстрелы. А Рита по-прежнему стояла, уткнувшись ему в грудь. И, чувствуя ее близость, зная, что ей будет приятно, Сергей провел ладонью по ее щеке.

— Спасибо тебе,— тихо сказал он.— За чуткость спасибо. Наверное, этот миг для меня был самым страшным в Афганистане — один, в темноте, без оружия.

Сергей отстранил девушку, посмотрел в ее широко распахнутые глаза.

— А еще я боялся за тебя.

Рита дотронулась пальцами до губ Сергея, хотела что-то сказать, но послышались шаги десантников, и она отступила на шаг.

— Стреляли в кишлаке, человек восемь, — сказал Старчук, и Воронов тут же повернулся к нему: наверное, старшина единственный в этой неразберихе выделил главное.— Наших там нет, афганцев тоже. Значит, банда? Но откуда? У меня такое впечатление, будто втягиваемся в петлю или мешок...

— Замолчи! — шепотом оборвал прапорщика Воронов, прислушиваясь, нет ли поблизости солдат.— Без паники.

Он представил, как переполошились Торопов и Уляшев, идущие следом за ними. Но ведь стреляли не в сторону

отряда, шум поднялся в кишлаке. Из-за чего? И неужели в самом деле в ущелье осталась банда?

Как бы там ни было, надо было продолжать движение. Сергей первым уперся спиной в машину. Автомат, соскользнув с плеча, ударил по ноге около раны, и он не успел сдержать стона. На плечо ему тут же легла рука Риты, но на этот раз вместо благодарности Сергей молча снял ее: в армии превыше всего должна быть забота командира о подчиненных, а не наоборот. Расслабившийся, безвольный командир — это распад взвода, роты на бойцов-одиночек, которые смогут многое, но не все. Держать себя в руках, держать так, будто ты просматриваешь темноту и обстановку насквозь. А Рита... Рита хорошая, чудесная девушка. И возраст у нее такой — только и влюбляться с первого взгляда. Встретились бы они в Союзе, может, все было бы у них по-другому. А так... так Афганистан, пули над головой, мины под ногами. Рите нужно было твердое плечо, в какой-то миг она оперлась о Сергея, и вот уже ей кажется, что влюблена...

Рита почувствовала перемену в Сергее, замерла, сделалась неслышной. А Воронов вслушался в ночь. В кишлаке успокаивались собаки, и лишь одна, видимо раненая, скулила жалобно и тонко.

Вновь начали движение.

— И-и, р-раз! И-и, р-раз! — шептал старший лейтенант, вдавливая себя в броню.

— На помощь, сюда! — вдруг крикнул впереди Назмутдинов.

Козыро резко затормозил разогнавшийся было бронетранспортер. Старчук рванулся на крик. Боясь пропустить хоть один звук, Воронов сжался, замер.

Послышались торопливые, без предосторожностей, шаги Старчука.

— Там раненый афганец,— доложил он.— Что-то говорит. Рита, там раненый,— повторил он медсестре.

Втроем поспешили вперед. Вскоре послышались стоны, и Рита побежала.

— Потерпи, потерпи еще немножко,— зашептала она над кем-то.— Ой, и на груди тоже кровь! Господи, он же весь израненный. Хайдар, он душман или нет? — спросила Рита у Назмутдинова, понимающего на пушту[1].

— «Кровник»,— ответил переводчик, вылавливая паузы в стонах и задавая раненому короткие вопросы.

[1] Пушту и дари — основные языки в Афганистане.

Воронов уловил знакомые слова: «даста» — отряд, «ур» — огонь, «шурави» — советские.

— Что он говорит? — поторопил он Хайдара, выстраивая эти тревожные для одного ряда слова и желая быстрее понять происходящее.

Однако Назмутдинов, стремясь получить от умирающего как можно больше сведений, не ответил. Даже Рита отстранилась, уступая Хайдару место, и тот чуть ли не лег на раненого, стараясь уловить переходящие в стоны слова.

— Кажется, так,— поднялся переводчик, когда афганец умолк.— В кишлак неожиданно вернулась банда Махмуд Шаха, который убил его братьев. Банда сейчас выходит куда-то с минометами, ей нужно огнем закрыть путь какому-то отряду. Это он подслушал, потом его заметили, начали стрелять.

— Банда уже вышла? — поторопил Воронов.

Переводчик, видимо, вначале пожал плечами, а потом уже ответил:

— Не успел сказать.

— Ситуация,— протянул в наступившей тишине Старчук.

«Банда... — лихорадочно соображал Воронов. — Куда она выходит? Навстречу нам? Нет, они не знают, что мы движемся, значит, и из миномета стреляют, чтобы сковать наши действия? Ради чего? Так, он сказал про отряд. Может, они выходят навстречу афганскому агитотряду? Хотят задержать его, чтобы расчленить нас?»

— Надо задержать банду,— высказал он первое, о чем подумалось.

Афганистан от каждого, ступившего на эту землю, требует действий. Отложить решение на завтра, подготовить наболевшие вопросы к ближайшему совещанию, перепоручить кому-то дело — здесь так служить нельзя. На этой земле, у треснувших от ветра и жары скал, перепроверяются и оценки в дипломе, и крепость армейской косточки. Те, кто по призванию носит офицерские погоны, по приезде в Афганистан примут людей, технику, вооружение и будут продолжать службу. Щеголи-красавчики после первого выхода в горы собственноручно оторвут набивные каблуки и вытащат жесткие вставки из погон — но эти тоже останутся. Ордена дают под пулями, а в горах для всех командиров склоны так же круты, как и для солдата. Да, в Союз из этой неустроенности выехать можно, но только

ляжет четко и полновесно в предписании фраза: «Предъявитель сего доверия партии и народа не оправдал...»

Сейчас и для Воронова складывалась ситуация, когда нужно было незамедлительно принимать решение.

— Козыро,— неожиданно громко для всех позвал он водителя. Старчук напоминающе схватил его за локоть, но Воронов голоса не снизил.— Козыро, заводи.

— Ты что? — обомлел Старчук.— Ты что, хочешь весь отряд под минометы? Не помнишь приказа? Козыро, не заводить!

— Всем на броню! — словно не слыша шепота прапорщика, громко приказал Воронов. Услышав голоса, в кишлаке снова залаяли собаки. У БТР замерли, ожидая выстрелов.— Козыро! — вновь громко позвал старший лейтенант.— Отдаю приказ: на полном ходу, с включенными фарами объезжаем кишлак слева и останавливаемся с противоположной стороны. Вам все ясно?

— Так точно! — неуверенно ответил водитель.

— Рита, что с раненым?

— Кажется, умер.

Все, кроме Воронова, продолжали говорить шепотом, словно еще надеясь спрятаться, раствориться в ночи и в долине.

— Ты обнаруживаешь не только себя, но и весь отряд,— прошептал Старчук.— А у них минометы, наверняка пулеметы. От нас уже к рассвету останется мокрое место.

Поняв, что старший лейтенант не изменит приказа, прапорщик тоже громко, чтобы слышали все, сказал:

— Считаю, что должен вначале доложить командиру об этом решении. Вы, товарищ старший лейтенант, первый раз с нами в рейсе, и я имел указание от майора Уляшева помогать вам и подсказывать. Советую вам доложить командиру.

— Времени же нет! — стукнул по броне Воронов, представив, как будет по рации докладывать Уляшеву свои предположения.

— И все же доложите,— продолжал настаивать Старчук, уловив сомнение в голосе старшего лейтенанта.— Что будет, если ваше решение под бред раненого — мыльный пузырь? Он лопнет, а что будет с людьми?

— Вы должны, товарищ Старчук, выполнить последний приказ! Я полтора года с бандами нос к носу,— медленно заговорил Воронов.— Да, вы в отряде лучше меня

должны знать традиции и обычаи народов Афганистана. Я же узнал тактику ее врагов. Вот так, на засады они и выходят в четыре-пять часов утра. Рассказать, как они будут расстреливать афганский агитотряд?

— Не надо давить на слезы, Воронов. Я не хочу, чтобы тебе звезда на плечи, звезда на грудь, а остальным холмик земли.

— Мы долго говорим, товарищ прапорщик,— чувствуя, что солдаты вслушиваются в их спор, снизил голос Воронов.— Впрочем, я отдаю и вам личный приказ: выйти к Уляшеву и доложить обстановку. Запомните ради вашей совести: не вы остаетесь, а я вам приказываю остаться. Доложите так: я буду с той стороны кишлака до рассвета. Тогда банда не выйдет из долины. Боеприпасы есть, бой буду принимать при явном нападении. Козыро, заводи!

Двигатель бронетранспортера, словно еще тоже сомневаясь в решении командира, плавно, с малых оборотов завелся.

— Ты просто стал трусом, Старчук,— вдруг прокричала сверху Рита.— Ты просто боишься. Боишься за свои тридцать дней, оставшиеся до замены.

— Умолкни! — крикнул прапорщик.

Сергей, не теряя больше времени, привычно нащупал на броне скобы, вспрыгнул на БТР.

— Вперед! — крикнул он, опустив ноги в люк.

Старчук выбежал из облака подхватившейся пыли.

— Ну, этого я тебе не прощу,— сжав кулаки, шептал он.

Он повернулся было спиной к Большой Медведице, чтобы идти на поиск Уляшева, но вдруг замер, о чем-то подумав. Потом быстро подбежал к умершему афганцу, взвалил его на плечи. Нащупывая ногами колею, пошел назад, к горам.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Под трибуна-а-а-ал! — Уляшев в бессилии постучал кулаком по броне.— Черт знает что! Ну, что связь?

— Молчат,— отозвался из люка Шевлюга.— Может, с рацией что?

— В порядке у них рация,— оборвал Уляшев.— Что он делает, что делает?

Рокот двигателя в бронетранспортере Воронова пере-

рос в рев. Он втягивал в себя все остальные звуки ночи, и, когда казалось, что ему уже не хватает места в долине, из него выплеснулся свет фар. Два узких белых пучка воткнулись в деревца на окраине кишлака. Третий луч, от видоискателя, ловко карабкаясь, пробежал по звездам и замер в вышине. Звезды тут же поблекли, небо словно с облегчением оперлось на этот посох.

Но уже через мгновение луч надломился, прогнулся, начал раскачиваться, путаться в созвездиях. Бронетранспортер помчался на полной скорости вокруг кишлака, а ему вслед уже неслись с гор мины. После каждого разрыва Уляшев закрывал глаза: накрыли или нет? Но двигатель работал, он лишь удалялся все дальше и дальше от затаившегося в недоумении отряда. Было ясно пока одно: Воронов нарушил приказ, обнаружил себя, вызвал на себя огонь. Но ради чего? Что заставило это сделать? Какие обстоятельства?

— А что будет с Ритой? — испуганно спросила Анна Николаевна.

Уляшев оглянулся на врача. В солдатских ватных брюках, бушлате и шапке она казалась совсем маленькой и беззащитной.

— То же, что и со всеми,— словно размышляя сам с собой, проговорил майор.— Все то же, Анна Николаевна.

Все притихли, почувствовав в словах командира тревогу.

— Продолжать движение,— подал он тихую команду.

Десантники встали было у машины, но в это время там, у Воронова, застучал КПВТ[1], и все вновь оглянулись на командира: что происходит?

— Продолжать движение,— резко повторил Уляшев.

«Что, что могло произойти у Воронова? — думал майор.— Надо высчитать, вычислить ситуацию, понять логику его поступка...»

Сейчас он мог отметить про себя лишь одно: в выпущенных очередях не было ни одной трассирующей пули. Что это, случайность? А может, Воронов не хочет показывать, куда стреляет?

— Стой! Кто идет? Пропуск! — вдруг вскрикнул кто-то из десантников, и из темноты послышался сегодняшний отзыв:

— Саратов.

— Старчук? — Уляшев первым подбежал к прапорщи-

[1] КПВТ — крупнокалиберный пулемет.

ку, помог ему снять с плеч человека. Это был худой, не по росту тяжелый афганец, и майор уступил место над ним Анне Николаевне.— Что у вас случилось?

— Сейчас... Пить....— Старчук не переставал тяжело дышать, в последний раз обдумывая свое поведение. Кто-то подал ему фляжку, он отпил несколько глотков, шумно выдохнул.— После выстрелов встретили вот этого раненого...

— Он мертв,— перебила, вставая с колен, Анна Николаевна.

— Все же умер... Жаль. Надо было Рите остаться, нет же, всех на броню — и вперед, оставили раненого...

— А вы? — прервал Уляшев. Ему не понравилось, что прапорщик вместо доклада начинает давать оценку неизвестной ситуации.

— Мне старший лейтенант Воронов приказал найти вас и доложить обстановку. Этот «кровник» сказал несколько слов: банда, отряд, огонь, засада. Воронов решил, что в кишлаке есть банда, которая якобы хочет выйти навстречу агитотряду афганцев и устроить ему засаду. Он решил перехватить «духов».

— Один? Его же самого... — вырвалось у Уляшева, и Старчук тут же продолжил сказанное:

— Он сказал, что дело агитотряда — вести разговоры, знать обычаи, а его, боевого офицера,— действовать. Как будто мы здесь в бирюльки играем. Я и сказал ему, что он нарушает ваш приказ и что я не согласен с ним...

— Вам, прапорщик, надо подчиняться командиру, а не обсуждать его действия. Пока он за вас отвечает, а не вы за него,— с раздражением сказал Уляшев.

Сообщение Старчука встревожило. В кишлаке банда? Допустим, Воронов задержит ее в долине до утра. Но потом? Стоять лагерем здесь, в поле? Идти в кишлак, под пули? И что делать с запланированной на сегодняшние пятнадцать часов встречей с афганским агитотрядом?

Уляшев снял шапку, погладил коротко остриженные волосы: жест, выдававший его волнение.

Да, поступок Воронова выбил его из колеи, и сейчас он прежде всего думал о его людях: их всего семь человек вместе с Ритой. С рассветом это станет известно и душманам. Значит, они пойдут на него, полчаса боя — и сомнут. Воронов не мог этого не продумать, значит... Значит, он надеется на основные силы отряда, на него, Уляшева.

— Что сказал старший лейтенант про утро? Что он собирается делать? — переспросил Старчука Уляшев.

— Ничего не сказал. По-моему, он сам четко не представляет свои действия,— с готовностью ответил прапорщик.

«Конечно, какие могут быть у него планы,— подумал майор, прохаживаясь, чтоб не замерзнуть, возле бронетранспортера.— Ему перво-наперво нужно было задержать банду...»

Да, по всему выходило, что банда будет прорываться через Воронова. Сейчас несущийся в темноте бронетранспортер для них непонятен и страшен, а утром... Утром будет бой. Бой на рассвете. Красивое название, как заголовок в газете. Только толку от этого! Они шли сюда для медицинской помощи, а не для стрельбы. Шли, чтобы вместе с жителями долины разобраться в обстановке. Душманы проповедуют чудовищную ложь о Советском Союзе, не разрешают учиться детям. Впрочем, учиться они как раз разрешают, и в этом тоже своя загадка.

— Скоро рассвет, звезды белеют,— тихо сказал кто-то из десантников.

Уляшев посмотрел на небо, отыскал Алькор. Звезда спокойно поблескивала, но небо едва заметно посветлело. Да, скоро рассвет. Где же выход? И дернуло же Воронова наскочить на этого раненого. А вдруг это шахид?[1] Нет, не похоже, банде невыгодно выдавать себя. Банда... А ведь в ней наверняка есть жители этого кишлака. Значит, на чью сторону во время боя станет долина — ответ однозначен. И если даже их отряд не пропустит душманов к «зеленым», политически бой будет проигран. Тогда и весь поход ни к чему, все зря. Надо уйти от боя — только так его можно выиграть, только так. Но что же делать с Вороновым?

Уляшев несколько минут наблюдал за бронетранспортером Воронова. Как он был одинок в этой зажатой горами долине. Но неужели старший лейтенант думает, что если подставил себя под пули, то взял самое трудное? Неужели думает, что интернациональная помощь — это обязательно ложиться костьми на перевалах? Чаще всего помощь — это и вот такое ожидание посреди долины, чтобы в кишлаке ничего не случилось.

«Ничего не случилось, чтобы в кишлаке ничего не слу-

---

[1] Шахид — погибший за веру, наиболее желанный для аллаха. Это, как правило, добровольцы, сознательно жертвующие собой.

чилось»,— мысль неожиданно зацепилась, и Уляшев теперь повторял и повторял ее, необъяснимую, чувствуя в ней выход. И вдруг понял, что в ней главное: отряд должен идти в кишлак.

* * *

Солнце осторожно, словно готовое при первом же выстреле снова юркнуть за кручи, заглянуло в долину. Не усмотрев ничего подозрительного, вылезло полностью, несколько мгновений отдыхало на пологом гребне горы и затем медленно начало подниматься вверх.

Долина тоже проснулась, но лежала тихо, ожидая развязки ночных событий. Выжидал и Уляшев, давая возможность душманам, если они все же не ускользнули из кишлака, хорошо спрятаться. Впереди, метрах в двухстах, стояли бронетранспортер и звуковещательная станция Торопова. Вышедший на связь Воронов доложил, что прикрывает кишлак с противоположной стороны ущелья.

— Вас понял,— отозвался Уляшев, но оценки действиям своего заместителя не дал: разбор будет после рейса.

Стало припекать, и Уляшев поправил шлемофон, нащупал на ремешках ларингофоны. Прижал их к горлу.

— Заводи! — подал он команду всем водителям.

Машины, наезжая колесами на собственные тени, колея в колею тронулись к кишлаку. Он был похож на десятки других, уже виденных Уляшевым в разных уголках Афганистана. Но, если в других местах на гул моторов мгновенно сбегались дети, то сейчас и улицы, и плоские крыши домов были пусты. И тогда Уляшев подал, наверное, одну из самых неожиданных своих команд в Афганистане:

— Агитотряду оружие оставить в машинах.

Сказал и постарался не заметить, как обернулся водитель, как уперлись в шлемофон взметнувшиеся у него от удивления брови. Пресеклось потрескивание и в эфире: видимо, Торопов нажал тангенту, вызывая командира повторить команду. Но сдержался, в связь не вышел.

«Не сносить мне головы,— Уляшев поправил шлемофон.— Только были бы умными «духи». Ну хоть бы чуть-чуть. И тогда инициатива будет у нас».

Он шел на риск. Риск отчаянный, от которого уже сейчас становилось не по себе.

— Анна Николаевна,— Уляшев заглянул в люк, увидел

сверкнувшие в темноте два маленьких зеркальца очков врача.— Анна Николаевна, давайте наверх, здесь хоть свежий ветерок. Только наденьте, пожалуйста, халат и шапочку.

— «Второй»,— вызвал он Торопова.— Три человека без оружия — на броню. Остальным быть готовыми к бою.

Из десантного люка показалась Анна Николаевна. Светло-розовая оправа очков казалась красной — настолько бледным было лицо. Губы мелко подрагивали, и она виновато пыталась справиться с ними, растянуть в улыбку.

«Держись, Николаевна, держись»,— сказал мысленно Уляшев и постарался как можно беззаботнее подвинуть врачу старую подушку. Анна Николаевна положила ее на еще стылую броню и, поджав одну ногу под себя, села. Майор, пряча улыбку, отвернулся: Николаевна свято верила в совет, который дал во время первого рейса Старчук.

— Внутри боевой машины ездить опасно, дорогие товарищи женщины,— говорил он, помогая им приспособить на броне носилки.— Хороший подрыв — и все, рай. Только, насколько я знаю религию, никто почему-то туда не стремится. Однако и на броне ездить небезопасно — снайперы хорошие есть и у «духов». Так что выход пока один: сидеть в люке. Если обстрел — быстро вниз. Подрыв — выбросит или оторвет всего-навсего ноги.

Уляшев тогда хотел оборвать старшину, но потом раздумал. Старчук, хоть и с издевкой, все же давал дельный совет, а что до запугиваний... Пусть поволнуются до рейсов. Пересилят страх — легче будет потом. Лишь бы только было оно, это «потом».

Кишлак медленно приближался. Его пустынность тревожила, и Уляшев снял шлемофон, расстегнул бушлат. Примета верная: если жители не вышли в поле, значит, банда в кишлаке. И ведь смотрят, смотрят сейчас за ними десятки пар глаз, и в первую очередь бандиты. Будут ли стрелять? Пойдет ли главарь на это? Неужели его не остановит на несколько минут это вот явное безумие? Всего на несколько минут, нужны несколько минут...

— Анна Николаевна! — Майор чуть откинулся назад, к врачу.— Сядьте, пожалуйста, правым боком к домам. Только не резко, незаметно так...

Больше всего Уляшев боялся ранений в позвоночник и в живот. Боялся неподвижности и мук, которые последуют за этим. Боялся не выдержать их...

А кишлак все молчал. Уляшев пересилил себя, медленно

обернулся на вторую машину: Таммелин, Чернявский и Петров напряженно сидели на броне БТР. «А ведь самые лучшие солдаты,— машинально отметил майор.— Лучшим всегда достается больше». Еще подумал, почему нет среди них Старчука, но майдан[1] уже лег под колеса. И хотя душманы еще могли начать стрельбу, в успех уже верилось.

Бронетранспортеры словно в приветствии слегка качнулись и замерли посреди площади. Уляшев встал на башню, медленно застегнулся. Однако сразу приметил узкие оконца-бойницы ближних мазанок, где скорее всего должны стоять пулеметы, ближайшие дувалы, от которых расстояние — на гранатный бросок. «Не суетиться,— приказал себе Уляшев,— спокойнее. Надо все же повернуться к окнам спиной, показать, что оружия нет... Вот так, теперь — на землю».

Анна Николаевна, оставшись на броне одна, тут же спрыгнула вслед за командиром.

— Пойдемте, Анна Николаевна, прогуляемся вон до той айвы,— негромко сказал Уляшев, кивнув на растущие у арыка деревца. Перешел к врачу на правую сторону, стараясь все же прикрыть ее от оконца в доме напротив. Взвесив в руке медицинскую сумку, протянул ее женщине.— Возьмите, она вам больше к лицу. Ну, идемте?

— Подождите,— врач поправила очки, набрала в легкие воздуха, словно перед броском в воду, и шагнула вперед.

— Ноябрь, а солнце — хоть загорай,— медленно шагая по вытоптанной до бетонного стука площади, сказал Уляшев.

— А почему душманы не стреляют? — Анна Николаевна с плохо скрытым беспокойством оглядывалась на каждый шорох.

Уляшев не успел ответить. Сзади послышался вначале тонкий писк, затем усиленный микрофонами звуковещательной станции шепот Торопова:

— Раз, раз, раз-два, раз.

Потом переводчик, видимо, отвернувшись, прокашлялся, и неожиданно звонко и сильно пропел:

— Ла — илаха — илаллах!

— Пока все хорошо, Анна Николаевна, все хорошо,— остановившись около жиденькой поросли айвы, прогово-

---

[1] **Майдан** — площадь.

рил майор. Подставил ладонь под один из листочков, осторожно погладил его выгнутую к солнцу узкую спинку.— Знаете, что будет здесь, в Афганистане, когда вырастут вот эти деревья?

— Что читает Малик? — не ответив, спросила врач. Оправа очков все еще продолжала ярко выделяться на ее бледном лице.

— Молитву,— послушав Торопова, утвердительно кивнул Уляшев.— На эти две-три минуты она для нас надежнее любой брони, так что не будем терять времени.

Он махнул неотрывно следившему за ним Чернявскому, и солдаты осторожно спустили вниз снарядный ящик, приспособленный для медикаментов. Башня с пулеметом начала было поворачиваться за ними, но майор неодобрительно покачал головой и ствол замер на выглядывающей из-за поворота улочке.

— Вы спрашивали, почему душманы не стреляют? — вспомнил майор. Открыв банку с поливитаминами, бросил в рот горошинку.— Сейчас не восьмидесятый и даже не восемьдесят третий год, Анна Николаевна. Сейчас воюет не только оружие, но и идеи. Если душманы открыли бы огонь — значит, они стреляли бы в молитву, во врача-женщину, а это для них свято. Почему? Надо просто знать тактику действий банды. Кто ее главарь? Махмуд Шах. А у него банда набрана только из местного населения. И пополняется за счет него. Будь он в другом уезде — не посмотрел бы и на молитву, но дома... дома нельзя, он должен нести крест борца за веру, иначе помощи ему больше не видать. А о дне завтрашнем думать тоже надо. Вот такая получается расстановка. Затем мы начнем раздавать рис — и они вновь не посмеют поднять оружие, потому что будут стрелять не в нас, а в рисовые зерна, в спасение жителей от голодной смерти. После этого дехкан в банду не затащишь, тверди не тверди им о священной борьбе за свободный ислам. Нам было важно, чтобы душманы не открыли огонь до начала молитвы. А сейчас нельзя им стрелять. Главарь, на наше счастье, оказался думающим. О, вон и решеефид[1] показался.

Из-за дувала вышел худой аксакал в калошах на босу ногу. За ним еще несколько стариков, неизвестно когда и где собравшихся вместе. В проемах дворов стали высовываться стриженые мальчишечьи головы.

— Так, гвардия,— повернулся к десантникам Уляшев.—

[1] Решеефид — белобородый, как правило — старейшина.

Петров остается здесь, с Анной Николаевной, Чернявский и Таммелин, выносите сюда муку и рис. Но не спешите, для нас очень дорого время. И пусть выходит лейтенант Шевлюга.

Вытянув для рукопожатия обе руки, майор пошел навстречу старейшине. Поклонившись друг другу, они о чем-то заговорили, жестикулируя, и тотчас к ним приблизились старики, окружили полукольцом. Уляшев обернулся, поджидая переводчика.

Шевлюга шел быстро, стремясь скорее преодолеть расстояние от БТР до командира. Уляшев заметил, что правую руку лейтенант держит в кармане бушлата — видимо, с пистолетом расстаться не решился. И майор сразу вспомнил о сбежавшем переводчике. Притупившаяся было тревога за партактивистов вспыхнула в душе с новой силой. Заранее зная ответ, он тем не менее спросил у аксакалов, не знают ли они жителя этой долины Мохамеда Карима.

Выслушав перевод, старики, словно за советом, непроизвольно обернулись на дома, пожали плечами.

«Значит, банда все-таки здесь,— отметил Уляшев.— Воронов оказался прав. Нам остается только держаться до подхода «зеленых».

— Товарищ майор,— выбрав удобный момент, шепнул Шевлюга.— Справа, вдоль реки, пробежали с оружием несколько человек. Кажется, нас взяли в кольцо.

— Хорошо,— кивнул Уляшев, хотя ничего хорошего в этом известии не было.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рита и Воронов сидели на бушлате, прислонившись к колесам бронетранспортера и подставив лица солнцу.

— Что будем делать дальше, Сережа?

Воронов посмотрел на Риту. Ее круглое, с пухлыми губами лицо было пепельным от бессонной ночи, под раскосыми глазами легли глубокие тени. Тепло разморило девушку, и она, чтобы не уснуть, отстранялась от колеса, пыталась шевелить плечами. Панама, упав, лежала рядом, но сил у Риты поднять ее не было. Из сегодняшней ночи, кроме свиста мин, лая собак, выстрелов и сумасшедшей гонки по ущелью, Сергей помнил еще и то, как беззащитно уткнулась она ему в грудь при обстреле. И теперь смотрел и смотрел на девушку, словно видел впервые.

— Что ты смотришь так? Не смотри. Я, наверное, вся сонная, мне надо умыться,— бессильно проговорила Рита.

Сергей убрал с колен автомат, молча отстегнул с ремня фляжку с чаем. Достал носовой платок, смочил его. О чем-то на мгновение задумался, потом смочил его еще раз и потянулся к Рите. Но в это время из-за колес вынырнул Козыро, и медсестра сама взяла платок.

— Разогрели, покушайте,— протянул водитель обломок доски, на которой стояла банка тушенки.

Рита протерла платком лицо. Щеки ее то ли от смущения, то ли от свежести порозовели, веки разгладились, освободившись от сна, и десантник вместе со старшим лейтенантом засмотрелись на девушку.

— Спасибо, Сеня,— кивнула солдату Рита.

Тот посмотрел на командира.

— Спасибо,— кивнул и Воронов.— Если будете кипятить чай, подогрейте одну кружку и нам.

— Сделаем! — вытянулся ефрейтор и исчез за машиной.

— Хорошие у нас солдаты,— тихо проговорила Рита.

Сергей подвинул доску с банкой ближе к бушлату, подал Рите ложку. Отодвинув застывшую на ветру пленку жира, девушка попробовала бульон.

— Вкусно, как у мамы. Попробуй. Что ты опять смотришь? — Она отстранилась от еды.

— Ешь-ешь,— мотнул головой Сергей. Некоторое время молчал, потом опять повернулся к девушке.— Рита, я вот с первой нашей встречи думаю: как ты решилась поехать сюда? Из-за чего? Ведь тебе всего восемнадцать лет. Как тебя отпустили родители?

— А они не знают, что я здесь.

— Как это? А почта?

— Пишу, что работаю медсестрой в Монголии, в Улан-Баторе. В каждом письме расписываю им свои прогулки по его широким улицам, про кинотеатры, парки.

— Фантазерка,— улыбнулся Воронов и подумал, что ведь так же и он мог уберечь своих родителей от лишних волнений. А вот не догадался!

— Мне ничего не надо выдумывать,— ответила Рита, подвигая банку ближе к Сергею.— Анна Николаевна ведь там работала два года, рассказывает. Вот она мужественная женщина и сюда приехала по долгу врача. Представляешь, сама пошла в военкомат и напросилась. Я бы... я

бы, наверное, на это не решилась. Но когда предложили — отказаться не смогла. Совестно было. Вот и приехала.

За бронетранспортером послышалось шарканье ног. Козыро предупредительно кашлянул и вышел к ним.

— Чай,— присел он, подавая шапку со стоящими в ней двумя кружками.— Товарищ старший лейтенант, машину готовить или будем здесь загорать?

Воронов посмотрел на часы.

— Через десять минут всем наблюдать за вертолетами и кишлаком. И быть готовым к движению.

— Есть,— вытянулся Козыро.

— Что будет через десять минут? — спросила Рита, когда водитель ушел.

— Из ущелья радиосигналы до лагеря не доходят, поэтому с сегодняшнего дня в каждый нечетный час над нами будут пролетать вертолеты. Если Уляшев даст оранжевый дым — значит, он в опасности, нуждается в помощи.

— А мы? — удивилась Рита и привстала на колени.— А мы не в опасности?

— По сравнению с ними нет. Они среди врагов. Это был единственный вариант задержать банду, но Уляшев пошел на него.

Рита встала, посмотрела на прикрытый деревьями кишлак. Минут двадцать назад в нем смолкла звуковещательная станция.

— Начали осмотр больных,— предположил Назмутдинов.

— Мне бы надо к Анне Николаевне,— повернулась Рита к Воронову.

Тот отрицательно покачал головой.

— Нет, Рита. Пока она будет работать, душманы не посмеют напасть на отряд.

— А Уляшев так же думает? — испугалась вдруг Рита за майора.

— Он — командир, значит, должен думать так, у него нет иного выхода. Единственное, за что волнуюсь — это дошел ли до них Старчук.

— Этот не пропадет, я про него совсем не думаю. Ты расскажешь, откуда вы друг друга знаете?

— Когда-нибудь расскажу, в Союзе.

Рита чуть повернула голову и безнадежно, как о давно продуманном, сказала:

— Ты уедешь в Союз через два-три месяца, а я через полтора года. Мы больше не увидимся.

— Как это не увидимся? — бодро, стараясь не замечать грусти в голосе девушки, сказал Сергей. А сам подумал: неужели он и вправду понравился ей? Это за неделю-то знакомства? Нет-нет, просто Рите восемнадцать лет, и она в такой обстановке... — Увидимся, Риточка. Ты выйдешь замуж и...

— Перестань,— перебила девушка.— Я сейчас заплачу.

Слезы уже покатились по ее щекам, и Сергей ругнул себя: идиот, нашел время и место твердить о замужестве. Он стал на колени перед Ритой, не зная, как успокоить ее.

— «Вертушки»! — крикнул Козыро.

Вертолеты кружили еще высоко, но круги их становились все больше и ниже. Сергей, забыв обо всем, не сводил взгляда с кишлака. Будет дым или нет? Если да — значит, рывок к Уляшеву, возможно, бой, возможно, что и...

— Я буду ждать тебя, Рита,— громко сказл Сергей.— Слышишь: буду ждать.

Он хотел повернуться к девушке, но пересилил себя. Главное сделал — успел сказать о том, что будет через много лет. Теперь же не пропустить сигнала Уляшева. А Рита рядом. Впрочем, она всегда была рядом, он просто не замечал. Вернее, не хотел замечать.

Вертолеты, покружившись, взяли курс в горы. Сигнала от Уляшева не было.

Сергей повернулся к Рите, но в это время за машиной послышался резкий скрежет гальки.

— Товарищ старший лейтенант,— Козыро, протягивая бинокль, выбежал из-за БТР.— Там наш проводник уходит, я его видел.

Воронов, выхватив бинокль, сильно и резко вспрыгнул на броню.

— В той посадочке,— показывал Козыро рукой на окраину кишлака.— Как вертолеты прошли над ней, он перебежал от деревьев к дувалу. Я почему узнал — зеленый шарф, как исламское знамя, за ним по ветру. Не видите?

— Пока нет,— ответил Воронов, кусая от напряжения губы. Потом вдруг подался вперед, словно желая приблизить увиденное.— Все наверх! — тут же крикнул он.— Козыро, заводи, Рита, быстрее, быстрее же. Да брось ты все,— нетерпеливо обернулся он, увидев, что Рита пытается собрать в бушлат ложки, кружки, кусочки хлеба.

Рита, торопясь, полезла со всем этим на борт, но бушлат распахнулся, и посуда, загремев, посыпалась вниз. Де-

вушка в нерешительности замерла, и Воронов, дотянувшись, за воротник втащил ее наверх.

— Жми,— махнул он Козыро рукой в направлении кишлака.

Бронетранспортер зарычал, потом резко рванулся вперед. Солдаты, еще не устроившиеся на броне, качнулись, Рита больно ударилась спиной о незастопоренную, прыгающую крышку люка. Она попыталась поймать ее, прижать сверху, но БТР в это время резко встал. Рита отшатнулась от раскрывшегося во всю пасть люка, потеряла опору. Земля сама бросилась ей навстречу с серым клочком какой-то травы.

Удар был несильный, и от страха быть раздавленной Рита тут же откатилась от огромных, выстроившихся в ряд колес бронетранспортера. И только после этого замерла, закрыв глаза и прислушиваясь к своему гудящему телу. Чьи-то цепкие руки перевернули ее, и она, чтобы не испугать Сергея, сначала попыталась улыбнуться, а потом уже открыла глаза.

Однако вместо старшего лейтенанта она увидела над собой небритое лицо Хайдара, а уж за ним на машине вставшего во весь рост на башню Сергея. Опершись ногой на ствол пулемета, он неотрывно рассматривал в бинокль кишлак. Стало обидно, и Рита сразу почувствовала боль во всем теле.

— Цела? — наконец спросил Воронов сверху, но девушка, глотая слезы, не ответила.— Цела, я спрашиваю? — нетерпеливо уже голосом командира, который вынужден отвлекаться от главного, крикнул опять старший лейтенант.

— Кажись, цела,— ответил Хайдар, поняв, что медсестра плачет.

— Хайдар, берешь всех — и бегом перекрыть проводнику вон то ущелье.— Воронов указал влево.— Рита, ты в БТР.

Девушка, стараясь не смотреть на Сергея, не вытирая слез и не отряхиваясь, подошла к боковому люку. Подождала, когда из него выпрыгнут десантники, медленно влезла внутрь машины, потянула на себя тяжелую дверку. Потом дотянулась до ручки верхнего люка, застопорила и его. Сразу стало темно, свет проникал теперь лишь через передние стекла. Рита легла на длинное десантное сиденье, подложив под голову чей-то бушлат. Почти не по-

чувствовала, как на этот раз плавно, медленно тронулся бронетранспортер.

«Вот и все,— подумала она.— Вот и все, Сереженька. Нет у тебя ко мне ни любви, ни жалости. Даже Старчук наверняка бы спрыгнул, поинтересовался, как я. А ты...»

Она открыла глаза, посмотрела сквозь колышущуюся вместе с машиной стену пыльного воздуха на люк. За ним стоял или сидел на башне Сережа, Сергей Воронов, в которого она вздумала влюбиться. Почему же ей не везет? Почему других любят так, что об этом пишут в книгах, показывают в кино, а Сергей, а Сережа...

Жалость к себе переполнила ее сердце, и Рита уткнулась в ватник. И вспомнилось, как боялась она обстрела сегодня ночью, и первая встреча с Сергеем вспомнилась, и родители, и вся та, доафганская, жизнь навалилась на нее сразу ярко и тяжело. Рита села, осмотрела выкрашенное белым нутро машины, пошевелила ногами в широких валенках. Чтобы занять себя, наклонилась, нашла под сиденьем свои мягкие горные ботинки, переобулась. Ноги сразу стали легкими, послушными на любое движение, и Рита даже пристукнула ими о днище. Затем сняла ватные брюки, оставшись в спортивном костюме.

БТР ехал медленно, часто менял направление, порой останавливался, и Рита поняла, что Сергей потерял из виду проводника.

Она выбросила вверх, до стопора, крышку люка, пролезла в его узкое отверстие. Прохладный ветер ударил в лицо, мгновенно высушил глаза. Закрываясь рукой от его упругой силы, Рита посмотрела на Сергея. Упершись ногами в скобы, он одной рукой перехватил автомат, второй держался за фару видоискателя. На груди у него болтался бинокль, и Сергей старался поймать и прижать ремешки подбородком. Но тогда ему, видимо, было неудобно смотреть вперед.

Рита оглянулась. Слева тянулись серые склоны, почти сразу резко уходящие вверх. Справа узкой лентой бежала «зеленка» — прижавшаяся к арыку растительность, за которой белыми пятнами изредка мелькали дувалы. Долина осталась далеко позади, у основания стрелы, раздвинувшей горы, и бронетранспортер забирался все выше и выше, к самому началу ущелья. Сотни таких ущелий сбегают в долину; впереди в ее изгибах никого не было видно, и Рита удивленно обернулась на Сергея: куда они мчатся?

Сергей привстал, Рита проследила за его взглядом и

вдруг увидела переметнувшегося через дорогу в заросли проводника в солдатской шапке и с зеленым платком на шее.

Сергей вскинул автомат, не целясь, дал очередь по зарослям.

— Быстрее,— крикнул он Козыро.

Но крутизна склона гасила скорость машины. Воронов от досады ударил кулаком по фаре, она крутнулась, уставилась на старшего лейтенанта стеклянным глазом. И только сейчас Сергей увидел Риту, несколько мгновений недоуменно смотрел на нее, словно припоминая что-то. Потом нырнул в люк.

Бронетранспортер тут же встал, внутри машины раздался треск отдираемых досок. Рита заглянула вниз.

Сергей, отпихивая не до конца оторванную крышку ящика, доставал из него «лимонки» и рассовывал по карманам комбинезона. Сунул за пазуху кобуру с пистолетом.

— Сеня, Козыро, прямо отсюда сразу назад, к Хайдару. Заберешь ребят — и к Уляшеву. Рита, вместе с ними,— поднял он глаза на присевшую рядом девушку. Увидев ее лицо, вдруг тихим голосом повторил: — Вместе с ними, Рита. Так безопаснее.

Он протянул было руку, но потом резко отстранился, схватил автомат, спрыгнул с машины. Рита подалась за ним, но Сергей, выставив локоть и пригнув голову, уже бросился в кустарник. Словно что-то подтолкнуло девушку вслед за ним.

— Сеня, я с Вороновым,— крикнула она в люк и спрыгнула на камни.

— Назад! — услышала голос Козыро, но махнула рукой и, тоже выставив вперед локти, нырнула в «зеленку».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Уляшев, стараясь не замечать просящих взглядов Торопова, мерил шагами площадь. Он и сам прекрасно знал, что афганцы устали от двухчасовой беседы, что их сейчас больше волнуют мешки с рисом и ящик с лекарствами, чем рассказы о пенсии, спутниках и пионерских лагерях. Все это было для них необычно, интересно, но далеко, за белыми хребтами Гиндукуша, а мешки стояли рядом, и от ящика шел резкий запах лекарств.

Майор видел, как дети отыскивали у себя болячки и,

чтобы не забыть их, прикрывали пальцами. Аксакалы, обернувшись на треск распарываемых мешков, уже больше не сводили взглядов с погнутой серой миски, которую поставил на брезент ришеефид. Вдоль дувала просочился тонкий ручеек закутанных в паранджу и платки женщин, они слились в небольшое черное озерцо с редкими волнами светлых одежд. Им тоже важнее было знать, сколько мисок на семью отмерит старейшина, чем то, каким станет Афганистан в то время, когда вырастут деревья вокруг майдана.

Уляшев хорошо понимал этих людей. Но время, время тянулось, как ишак на перевал,— не поторопишь. И не объяснишь, не скажешь людям, что эта затянувшаяся канитель — ради кишлака. Ради тех, которые сидят сейчас в домах со взведенным оружием и готовы нажать на курки, если... Надо не дать противнику запятнать себя кровью, не превратить его во врага. Оступившемуся легче вернуться в дом, чем убийце.

Твердили Уляшеву на все лады перед отъездом сюда: Афганистан — это жара, это опасно, это трудно. Ерунда. К солнцу можно привыкнуть, в трудностях закалиться, в опасностях приобрести опыт. Афганистан — это нервы, не дающие человеку ни на миг расслабиться и требующие от него действия, действия и действия. Словно два года идет непрерывный экзамен и на каждый вопрос ты должен отвечать безошибочно и без подготовки...

Уляшев взглянул на часы: до следующего прилета «вертушек» — час, до встречи с агитотрядом — четыре. Но и тянуть время больше было нельзя.

Зная, что врач давно готова к работе, все-таки спросил издалека, выигрывая у банды еще несколько секунд:

— Анна Николаевна, вы готовы?

Она кивнула, и площадь сразу же забурлила. Аксакалы, оставив Торопова, переместились к врачу, боязливо оглядываясь и на мешки: не начали бы раздачу без них. Вокруг Петрова, открывшего банку с поливитаминами, закрутилась карусель из детских голов и рук. Выхватывая друг у друга желтые горошины, дети отскакивали в сторону, удивленно рассматривали доставшиеся бесплатно витаминки, издали показывали их родителям и вновь бросались в свалку.

Уляшев подошел к Анне Николаевне. Перед врачом стоял худой старик и, задрав рубаху, водил руками по дряблому животу.

— Глисты,— обернулась врач к командиру.— Глисты, трахома, туберкулез, ревматизм. Им лечиться надо, а не воевать.

Майор развел руками: и лечиться, и учиться, и работать надо республике. Он оглядел притихшие без хозяев, замершие под солнцем мазанки. Сюда хороший отряд хадовцев, капитальную чистку — и банды не будет. Но ведь назавтра вместо этой банды встанет новая — Коран заставляет мусульман на кровь ответить кровью. И кто знает, может, этот старик, получающий таблетки от боли в животе и беспрестанно кланяющийся Анне Николаевне, тоже возьмет в руки оружие. Выход у народной власти сейчас один: наряду с разгромом крупных банд вести борьбу за население. Захотят аксакалы — вернут домой сыновей, поверят в лучшую жизнь женщины — уговорят мужей сложить оружие.

Уляшев коснулся рукой плеча Анны Николаевны, напоминая ей о времени. Та кивнула. Посмотрела на шепчущихся женщин, показала им жестом: подходите, я же женщина, меня и взял командир в рейс именно для того, чтобы осматривать и лечить вас.

Майор прошел к бронетранспортерам. Вспрыгнув на броню, заглянул в темную духоту люка. Раздетые по пояс десантники оторвались от бойниц, и Уляшев увидел их потные, утомленные лица.

— Жарко, товарищ майор,— проговорил кто-то.

— Так климат-то резко континентальный,— попытался пошутить майор, но тут же перешел на серьезный тон: — Еще часа четыре, товарищи. Надо.

— А с «кровником» что делать? — спросил все тот же голос.

Майор шумно выдохнул:

— Нельзя его сейчас наружу, ребята. Никак нельзя. Не та обстановка. Так что... Укутайте поплотнее. Еще часа четыре.

На втором «бэтээре» сидел Торопов, и Уляшев не стал больше маячить у машин. Чернявский и Таммелин расстилали около мешков брезент, и Уляшев подошел к ним. Солдатам помогал паренек лет двенадцати, хромающий на обе ноги. Однако это не мешало ему ползать на коленях по брезенту и сгонять на края складки. Сумка, закинутая за спину, поминутно спадала под живот, и он наконец снял ее совсем, бережно положил около мешков.

— Командир, хлеб, хорош,— выпалил он все знакомые русские слова, когда подошел Уляшев.

Майор присел рядом, помог выбросить из-под настила крупные камешки.

— Что у него с ногами? — спросил он десантников, но те пожали плечами.— Шевлюга, подойдите сюда,— окликнул он переводчика.— Спросите, что у него с ногами. Может, чем поможем?

Лейтенант присел рядом, заговорил с парнем. Тот махнул рукой, улыбнулся и задрал до колен шаровары. Уляшев отшатнулся, увидев прямо перед собой тоненькие, все в шрамах ноги мальчика. А он что-то живо рассказывал переводчику, помогая себе жестами и мимикой.

— Обе икры ему отрезал хозяин,— тихо сообщил Шевлюга. Потом вдруг зашарил у себя по карманам, отыскал две пачки сахара из сухпайка, протянул мальчику. Тот без слов схватил их, хотел тут же засунуть в сумку, но увидел на обертке рисунок паровоза и уставился на него непонимающими глазами.— Он пастух,— все так же тихо, словно теперь уже боясь спугнуть, оторвать мальчика от невиданной картинки, прошептал Шевлюга.— Две зимы назад во время грозы у него сорвалась в пропасть овца, и хозяин за это отрезал ему икру правой ноги.

— А потом? — не выдержал Чернявский.

— Вторую недавно, когда он не смог отбить овцу у шакала.

— Это хозяин шакал.— Чернявский тоже начал торопливо рыться в карманах, потом подхватился и побежал к бронетранспортерам.

— Почему же он не уйдет от него? Где его родители? — спросил Уляшев, на миг представив своего сына на его месте и ужаснувшись.

— Он сирота. Говорит, что его хозяин — хороший, он кормит и одевает, а недавно разрешил учиться.

— Учиться?

Словно током пронзило Уляшева — из-за банды он совсем забыл о школе, работавшей при душманах. Значит, все-таки она была? И хозяин, отрезавший икры своему пастуху, посылал его овладевать грамотой?

Шевлюга вдруг тоже замер, поняв волнение командира. Потом они оба посмотрели на сумку, словно разгадка этого случая хранилась за ее пыльной мешковиной.

— Вот тебе,— подбежал Чернявский, высыпал к ногам мальчика галеты, сахар, сгущенку, конфеты.

Пастушонок растерянно оглянулся, но тут же схватил подарки, сунул их в сумку. Воровато заслоняясь спиной от других детей, приподнял ее, радуясь этой тяжести. Торопясь, отыскал тесемки, намереваясь затянуть, укрыть от всех свое богатство и, как верил Уляшев, тайну школы.

— Стой! — непроизвольно протянул он руку к сумке.

Мальчик, испугавшись, подался назад, вцепившись в мешковину.

— Не бойся, я тебе тоже... я тоже,— Уляшев полез в карманы, выхватил авторучку.— Вот, держи, это моего сына, он такой же, как ты. Он писал этой ручкой, возьми, не бойся.

Мальчуган осторожно улыбнулся, показав большие белые зубы, принял авторучку. Приложив руки к груди, поклонился вначале офицерам, потом солдатам.

— Спросите, умеет ли он писать. И чему их учили в школе,— поторопил Уляшев переводчика.

Мальчик вновь сверкнул в улыбке зубами, полез в сумку, радуясь возможности выполнить просьбу шурави и отблагодарить за угощение.

Уляшев раскрыл сшитые веревочкой листы бумаги и увидел нарисованные детской рукой автомат, два пистолета и три ножа.

— Як, ду, сэ,— посчитал, гордясь своим умением, мальчик.

— А писать? — почти шепотом спросил майор, поняв назначение школы.

Пастушонок отрицательно покачал головой.

— Писать учат взрослых,— перевел Шевлюга.

Уляшев встал, резко оглянулся на сидевших около Анны Николаевны дехкан. Те поспешно отвели взгляды, стараясь не выдать, что наблюдали за беседой пастуха и командира шурави.

Сомнений не оставалось: под видом школы в кишлаке готовили мятежников. А заодно приучали к оружию, насилию, убийствам и школьников.

За кишлаком резко взревел бронетранспортер Воронова.

«Что там у него еще? — встрепенулся Уляшев.— Он меня сегодня загонит в гроб».

На площади тоже прислушались к гулу машины, но он

стал удаляться, стрельбы не было, и аксакалы вновь обратились к своим болячкам.

И только в отряде поняли: у Воронова что-то случилось.

* * *

Старший лейтенант, продравшись сквозь кустарник, выскочил к реке. Некогда широкая, сейчас она обмелела, сузилась до ручья и негромко журчала под обрывом правого берега.

Воронов прислушался, но ни один посторонний звук не потревожил отлаженный шепот «зеленки».

Вдруг справа, выше по течению, послышался тихий, испуганный голос Риты:

— Сережа-а-а!

Он не успел ответить — раздался выстрел из пистолета. Пуля прошла где-то рядом с Вороновым, но по ее усталому полету он понял, что она наизлете и убить уже не может, а если и ранит, то несильно. Но она прилетела оттуда, где была Рита! Там она имела силу и предназначалась именно для нее!

Сергей дал вверх очередь из автомата, пытаясь вызвать огонь на себя. Ответного огня не было, и он, скользя и оступаясь на камнях, побежал вперед.

Река с каждым шагом все более сужалась, течение становилось быстрее. И только утки, вытянув шеи, продолжали неподвижно сидеть на воде.

«Приманки,— понял Сергей и сразу же увидел укрытия для охотников.— И меня как утку? Но лишь бы не Риту».

Он дал поверх листвы еще одну очередь и крикнул под нее:

— Рита!

Она отозвалась совсем рядом. Выскочила из-за гранатового дерева, и Сергей схватил девушку за плечи.

— Не ранена? Цела?

Рита опустила руки, посмотрела на Сергея. Плечи ее мелко дрожали, и Воронов, как ни сжимал их, не мог остановить эту дрожь.

— Ты почему здесь? — не давая девушке расслабиться окончательно, нарочито грубо спросил Воронов.— Я тебе где приказал быть? Ты хоть думала, что делаешь?

Рита подняла заплаканное лицо и отрешенно тряхнула головой.

— Нет.

Это прозвучало с таким обезоруживающим чистосердечием, что вместо разгона он нажал ей пальцем на курносый нос, вытер слезу на щеке.

— Я ничего, я просто вдруг испугалась, что потерялась, осталась одна...

— Откуда стреляли? — спокойно спросил Воронов.

— Там,— девушка указала вверх по реке.

— Будешь бежать за мной. Только за мной, поняла? — чуть встряхнул Сергей Риту. Вздохнул, посмотрел на ее синие спортивные брюки, заметные, видимо, издалека. Но, больше не теряя времени, напомнил и скомандовал одновременно:

— За мной!

Никогда не был Воронов так осторожен, как сейчас. И никогда, наверное, не был так рассеян. Тяжелое, сбивающееся дыхание за спиной, неожиданное «ой» от подвернувшихся камней мешали сосредоточиться, и он шарахался от солнечного блика на волне, вскрика птицы в кустах.

— Я больше не могу... Подожди... — услышал он хрип.

Сергей обернулся. Рита, упав на колени, окунула лицо в волны и жадными, большими глотками пила воду.

— Встань. Простудишься,— оторвал ее от реки Сергей. Плеснул водой себе в лицо, на грудь.

Рита, схватившись за бок, старалась дышать глубоко, закрывать на выдохе рот. Ноги ее дрожали от напряжения, на подбородке, носу и бровях качались четыре солнца, ухитрившихся втиснуться в каждую каплю воды. И вновь Сергей почувствовал жалость и сострадание к ней.

— Надо бежать, Риточка,— твердо сказал Сергей.— Возьмись за ремень.

Теперь, ощущая каждое движение девушки, он стал внимательнее. Как во времена службы в роте, начал верить, что успеет даже увернуться от пули, прогреми рядом очередь.

— Смотри,— вдруг дернула его Рита.

На противоположном берегу, куда она, не имея сил поднять руку, указала глазами, темнели мокрые от воды камни: совсем недавно здесь перешли реку. Не раздумывая, старший лейтенант дал длинную очередь по кустам, бросился на правый берег.

И тут же остановился: понял, что исчезла связь с Ритой, что она уже не держится за ремень. Резко обернулся:

девушка, поглядывая на воду, снимала ботинки, закатывала брюки.

Чертыхнувшись, Воронов вернулся, подхватил ее на руки. Рита обхватила его за шею, вдруг прильнула, прикрыла глаза.

— Эх, Рита-Маргарита...— только и сказал Сергей. Посмотрел вперед. И тут же раздался выстрел.

Он не успел ничего сделать. Голова девушки откинулась назад, и Рита сразу потяжелела, как тяжелеют убитые или раненые. Упали в реку выроненные ею ботинки.

— А-а,— заорал Сергей, нащупывая автомат.— Га-а-д, сво-о-ло-очь!

Он стрелял, не двигаясь с места, до тех пор, пока не вышли патроны. Затем побежал, увязая в воде, к берегу.

— Потерпи, потерпи,— шептал он, пытаясь перезарядить магазин.— Сейчас, потерпи, моя хорошая, сейчас.

Выбежав из реки, положил Риту под обрыв.

— Где у тебя? Что?

Рита потянулась к правой ноге, и Сергей увидел на брюках выше колена темно-бурое пятно. Сорвав пришитый к рукаву индивидуальный пакет, неуверенно дотронулся до брюк.

— Надо снять,— сказал он, не глядя на девушку.

Она вцепилась в руку Сергея и испуганно замотала головой:

— Нет-нет.

Сергей понял, что она не даст обнажить ногу. Однако ножа вспороть брючину не было, и он, кляня условности, начал разрывать в брюках отверстие от пули. Рита подергивалась от неосторожных движений.

— Больно, Сереженька, больно,— прошептала она.

— Ой, да здесь царапина,— увидев пульсирующую кровью рану, постарался как можно беззаботнее сказать Сергей. Быстро наложил жгут и повязку.— У меня ранение было почти такое же, так что бери пример с меня и скоро будешь бегать. А через тридцать минут будут вертолеты, и мы отправим тебя. В Улан-Батор. Хочешь?

Рита прикрыла глаза: шутку принимаю, но не в силах ответить. Воронов быстро и цепко огляделся. Все время он ждал выстрела в спину, она занемела во время перевязки, и теперь не верилось, что все обошлось, что провокатор не воспользовался этой минутой. Но ведь уйдет гад, уйдет!

— Ты иди, Сереженька, я теперь одна... дождусь «вертушек»,— проговорила девушка.

Воронов обернулся. Рита смотрела на него и пыталась улыбнуться.

— Да ты что говоришь? — Воронов от неожиданности стал поправлять на Рите одежду.— Ну ты такое скажешь! Неужели думаешь, что я променяю тебя на «духа»?

Рита нашла его руку, слабо сжала.

— Я уже хорошо тебя знаю, Сереженька. Ты в первую очередь офицер и никогда себе не простишь, если он уйдет. И мне тоже, ведь это из-за меня... Иди.

— Нет,— отрезал Воронов.— Это я себе не прощу, если оставлю тебя!

— Ты меня меняешь не на душмана, а на чувство долга. И даже не меняешь, а ставишь выше. На мне будет гибель афганских товарищей, если ты его не догонишь. Догони. Ради меня. Я умоляю и прошу.

Сергей отрешенно мотал головой. Оставить Риту? Бросить раненой?

Рита вновь отыскала руку Воронова, прижала ее к груди.

— Дай мне только гранату. И беги. Нет, поцелуй меня.

Сергей, повинуясь, склонился над девушкой, осторожно коснулся ее пухлых, потрескавшихся губ. Рита чуть подалась к нему, и он принялся целовать ее глаза, нос, лоб, щеки.

— Беги, беги, милый,— прошептала Рита.— Я виновата, прости.

— Хорошо, я скоро вернусь,— отстранился Воронов. Достал три гранаты, одну положил под руку Рите. Вытащил пистолет, секунду подумал. У провокатора тоже пистолет, значит, издалека не возьмет.

Сергей снял с плеча автомат, тоже положил рядом с Ритой. Потом посмотрел на часы, сорвал второй пакет с бинтом, отбежал из-под обрыва. Торопясь, выложил на берегу из бинта крест, укрепил его камнями. Рядом разостлал свою куртку, оставшись в одной тельняшке.

— Через двадцать пять минут будут вертолеты.— Он вернулся к Рите.— Если я не успею, бросишь в реку гранату, чтоб заметили. Поняла? Место есть, сядут. А я вернусь. Догоню и вернусь.

— Возьми автомат,— тихо сказала Рита, указав глазами на оружие.

— Это тебе. Мой первый подарок.

Рита прикусила губу, но слезы уже хлынули из ее глаз, и она отвернулась.

— Рита!

— Беги.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Командир, посмотри-ка справа по курсу,— летчик-штурман даже привстал с сиденья, всматриваясь в русло реки.— Вроде крест какой-то мелькнул. Повторим?

Вертолет ведущего сделал разворот. Машина ведомого, задрав хвост, повторила маневр.

— Ишь, гарцует,— не то похвалил, не то пожурил новичка-напарника командир звена.— Где там крест?

— Да где-то мелькнул, а ухватить не успел. Белый вроде.

— Саня, ты что видишь? — откинувшись назад, спросил командир у бортмеханика.

— Вроде ничего,— неуверенно ответил тот, вглядываясь в иллюминатор.

Запросили ведомого.

— Ничего! — пропел тот, и командир вновь недовольно нахмурился, осуждая восторг молодого летчика от первого полета.

— Дали бы знак,— соглашаясь на ошибку и снимая свое подозрение, кивнул летчик-штурман.

Командир для очистки совести сделал еще круг и взял курс на долину...

Рита услышала шум вертолетов сквозь дремоту, вдруг навалившуюся на нее. Она с усилием приоткрыла глаза и в белесой, зыбкой пелене увидела расплывчатую точку «вертушки». Вертолет, качаясь, продвигался вперед, и Рита, улыбнувшись, открыла глаза шире. И тут же подхватилась, закричав от страха и боли — вместо вертолета на нее ползла гадюка.

— Мамочка, мамочка,— зашептала Рита, не смея отвести взгляд от темного тела, скользящего среди камней.

Гадюка еще выше подняла голову-ладошку, как бы прислушиваясь к шепоту, и вновь наклонилась вперед.

Рита отшатнулась, рукой зацепилась за ремень автомата. Обмерла. Вдруг показалось, что вымытые половодьем корневища, водоросли, сучья — все это змеи, застывшие перед броском на нее. Представив, как они обовьют ее тело, девушка, теряя силы, вспомнила об оружии. Автомат ле-

жал под рукой, и она, торопясь, сдирая с пальцев кожу, сдвинула вниз флажок предохранителя и нажала на спусковой крючок.

У змеи сразу же надломилась шея, голова прямо с высоты упала на камень. Гадюка, уже нацеленная на прыжок, в судорогах забилась на берегу. Рита не спускала палец с крючка до тех пор, пока не утих в руках автомат. Кусая от спешки губы, перевернула перехваченные изолентой крест-накрест два магазина, втолкнула новый желтый штабель патронов в оружие.

Не теряя времени, оперлась на автомат, встала. Горы качнулись, но устояли, замерли. Подальше от этого берега, прочь отсюда, прочь, прочь...

Ей удалось сделать три шага: автомат подвернулся на камне-голыше и Рита упала на бок. На мгновение провалилась, исчезла куда-то, но тут же пришла в себя, открыла глаза.

— Сережа! — в отчаянии позвала она.

В кустарнике чирикали птицы, рядом недовольно бурлила река, еле слышно стрекотали вертолеты. Почему же они пролетели мимо? Неужели не заметили крест? Значит, они сейчас уйдут и вернутся лишь через два часа? А змеи? Нет-нет, пусть что угодно, но только не они, не они...

Она свернула к реке. Вода притушила огонь в ноге, но, чтобы не захлебнуться, Рита вновь встала. Ей удалось сделать несколько шагов к противоположному берегу, но автомат вновь подвернулся, и она, уронив его, рухнула в воду.

— Сережа! — крикнула она, захлебываясь, пытаясь отыскать на дне автомат.

...Крик этот ни на секунду не смолкал в ушах Сергея Воронова. Старший лейтенант понимал, что нереально слышать голос Риты, но она звала и звала его, и с каждым мгновением все сильнее звучали в нем мольба и отчаяние.

«Сережа!»

Он хотел оглянуться, прервать этот нескончаемый крик, но рядом цвиркнула по камню пуля. Воронов, не целясь, выстрелил в ответ, затем обрадованно припал к валуну: догнал! Пистолетный выстрел — это пятьдесят-восемьдесят метров, один хороший рывок. Догнал, догнал...

Сняв панаму, Воронов чуть выставил ее над камнем, поводил вправо-влево. Душман молчал. Видимо, на мякине его было не провести, всем этим уловкам он сам хорошо обучен. Значит, стелять будет наверняка.

Справа высилась продолговатая скала, удобная для наблюдения, и Сергей примерился к ней. «Если добегу — будет отлично, а дальше посмотрим...»

Он напрягся для прыжка — и вдруг замер. «Сергей-воробей, Сергей-воробей»,— ни с того ни с сего прозвучало в памяти, и он удивился не этой неожиданно вспомнившейся детской присказке, а той тревоге, которая таилась в слове «воробей». Сегодня, совсем недавно, он уже слышал его, с ним была связана тревога — и это задержало, не дало ему броситься к скале.

«Воробей, воробей... Сергей-воробей,— искал причину тревоги Воронов.— Стреляный воробей... Воробья на мякине не проведешь... Вот оно! «Дух», если только он сидит в засаде, наверняка тоже приметил эту скалу и держит ее под прицелом».

Сергей оглянулся. Обстановка требовала осторожности, и Воронов задумчиво сощурил глаза. Как пригодился бы сейчас автомат! А пистолет... что пистолет, с ним в дуэль играть опасно. Да и не до дуэли сейчас: в любом случае надо изъять списки. Сергей присел, стащил тельняшку, свернул ее в ком. Примерил на вес гранату, давая руке возможность привыкнуть к ребристой тяжести «лимонки». Как мастеровой, до последнего жеста знающий свою работу, неторопливо отогнул обнявшие запал усики предохранительной чеки. Вытер о брючину правую ладонь, вложил в нее гранату. Вытянул кольцо.

Все громче и чаще стало стучать сердце. Воронов, успокаивая его, отстранил от себя гранату, вслушался в тишину. Ее нарушал лишь легкий шорох ветерка. А где-то рядом, затаившись, лежал готовый к выстрелу враг. И не просто враг, а предатель, кому нет прощения ни у одного народа.

Сергей еще раз взвесил «лимонку», затем взял в левую руку пистолет, одежду. Глубоко вздохнул. Замер. И вдруг пронзительно вскрикнул, метнул тельняшку к скале, а сам бросился в противоположную сторону. Хлопнул выстрел, но Воронов не почувствовал того холодка в душе, когда стреляют именно в тебя... В тот же миг он увидел и привставшего из-за камня душмана. Бросил в него гранату, выстрелил.

Провокатор вскрикнул, отшатнулся, вскинул пистолет. Прятаться Воронову было не за что, и он просто упал, продолжая стрелять. Земля под ним дрогнула.

* * *

Ни криков, ни взрывов и выстрелов Уляшев не слышал. Казалось, не слышал он и кружащих над долиной вертолетов — майор неотрывно смотрел на молодого косматого парня, неизвестно когда и откуда появившегося на площади. Может, Уляшев вообще не обратил бы на него внимания, но толпившиеся около Анны Николаевны аксакалы вдруг замерли, торопливо присели на корточки, опустили головы. Разом присмирела детвора, в черные статуи превратились женщины.

Косматый медленно, не сводя взгляда с Уляшева, шел по площади. Правую руку он держал в кармане пиджака, и майор тут же вспомнил, как аккуратно, затвором вверх, положил он на коричневое сиденье БТР свой автомат. Неужели сейчас произойдет что-то непоправимое, и он, майор Уляшев, зависит теперь полностью от этого молодого парня? Неужели все, что делалось до этого, ошибка?

Парень направлялся к врачу. Он прошел в трех шагах от командира шурави, лишь на мгновение задержавшись около него и смерив с головы до ног взглядом. И тогда Уляшев, перехватывая инициативу, улыбнулся, дружески кивнул ему и показал руками к столику врача — прошу.

Видимо, это не было предусмотрено косматым, и он недовольно нахмурился, не желая принимать роль исполнителя. Но Уляшев уже подзывал Шевлюгу.

— Переведите ему, что врач готова оказать ему помощь,— кивнул он переводчику, одобрив взглядом, что лейтенант тоже держит руку в кармане.— Громко переведите, чтобы все слышали,— добавил он.

Шевлюга прокричал перевод, и Уляшев опять с улыбкой пригласил косматого к врачу. Тот, все больше хмурясь, вынужден был пойти за майором. Переводчик остался за его спиной.

И тут выдержка изменила парню. Помимо своей воли он несколько раз обернулся на лейтенанта. Заметив это, Уляшев улыбнулся теперь уже искренне: противник начинал проигрывать бой, хотя ни задач, ни масштабов этого боя майор пока не знал. Но он чувствовал главное — нельзя давать парню ощущать себя на площади хозяином, надо его подавить морально, подавить на глазах у жителей кишлака и банды.

Косматый, подойдя к врачу, торопливо выдернул из кармана руку и протянул ее отшатнувшейся женщине.

— Анна Николаевна, больной просит помощи, окажите ее,— медленно, успокаивая врача, проговорил Уляшев.

Ожог пальцев у парня был пустяковый, и, конечно же, не ради этого он шел на площадь. Но тогда зачем? Напомнить, что отряд задержался в кишлаке и пора знать честь? Но до встречи с «зелеными» еще три часа. Что же делать? Скорее всего надо успокоить главаря, который, конечно же, следит за происходящим. Нервный противник — все равно что безумный: логику его поступков ни понять, ни предугадать невозможно.

— Шевлюга,— подозвал Уляшев переводчика.— Переведите, что через два часа, когда мы будем уходить отсюда...— Он сделал паузу и внимательно посмотрел на лейтенанта. Тот понимающе кивнул, но майор еще раз повторил: — Когда мы через два часа будем уходить отсюда, он сможет еще раз прийти на перевязку. Анна Николаевна, окажите внимание этому человеку,— хозяйски указал он на косматого и, стараясь как можно снисходительнее улыбаться, заложил руки за спину и вновь начал беззаботно мерить шагами площадь.

Однако от его внимания не ускользнуло, что, еще не получив свою долю риса, исчез с площади мальчик-пастух. Это насторожило: неужели есть связь между появлением косматого и исчезновением парнишки? Неужели это какой-то сигнал? А может, просто испуг?

Уляшев остановился около мешков, хотел спросить о пастушке у Чернявского, но тот вдруг замер, прислушиваясь к тонкому гулу бронетранспортера.

— Воронов? — не то удивленно, не то встревоженно раздалось у него за спиной, и Уляшев, оглянувшись, увидел Старчука.

Прапорщик напряженно смотрел на окраину кишлака, откуда, все усиливаясь, доносился гул машины. «Что это его так взволновало?» — мелькнуло у командира. Прапорщик вообще отличался умением исчезать или появляться на глаза в зависимости от настроения начальства.

Бронетранспортер Воронова осторожно выглянул из-за дувала и, не увидев ничего подозрительного, рванулся к площади. Обогнув майдан, медленно приблизился к арыку, наклонился к его холодной воде и замер.

Из люков высунулись Семен Козыро и Хайдар. Они посмотрели друг на друга, решая, кому идти докладывать, и на землю спрыгнул механик-водитель.

— Товарищ майор! — громко начал Козыро, но Уляшев

остановил его жестом, взял десантника под руку и отвел в сторону.

Старчук тут же вспрыгнул на броню, заглянул в машину. Что-то спросил у оставшихся внутри БТР солдат, оглянулся на командира. Тот, бросая в арык камешки, слушал рассказ ефрейтора. Потом о чем-то задумался, поглаживая себя по голове. В другой момент это вызвало бы у Старчука улыбку, но сейчас он старался не упустить из виду лицо командира: что отразится на нем, как вести себя?

Козыро, закончив рассказ, переминался теперь с ноги на ногу, ожидая указаний командира. А Уляшев все продолжал гладить свою стриженую голову.

— Что с Вороновым? Где Рита? — неслышно подошедший Топоров тронул Старчука за руку, и прапорщик от неожиданности вздрогнул.

— Да вроде вдвоем побежали за проводником в горы,— не оборачиваясь, передал он услышанное от солдат в бронетранспортере.

— Рита в горы? Что за глупости? — удивился переводчик, и прапорщик согласно пожал плечами: действительно, глупость. Он хотел еще что-то добавить, но Уляшев высыпал в арык оставшиеся камешки и оглянулся. Секунду смотрел на них, словно делая выбор.

— Малик,— позвал он Топорова, и прапорщик в ожидании замер: если командир называет подчиненного по имени, значит, задание трудное и к приказу добавляется уже и просьба. Обычно в самых трудных ситуациях звучало имя Старчука, почему же сейчас Уляшев, оберегавший переводчиков пуще глаза, изменил своему правилу?

Топоров и Старчук непроизвольно переглянулись, и прапорщик до вздувшихся на шее вен сжал зубы. Это все Воронов. С его приходом в отряд служба Старчука превратилась в ожидание замены. И вот дошло до того, что командир предпочел переводчика...

Офицеры склонились над картой, и прапорщик незаметно нырнул в люк звуковещательной станции. И уже оттуда наблюдал, как пожал Уляшев руку старшему лейтенанту, как тот не совсем ловко влез на БТР Воронова и майор постарался этого не заметить, отвернувшись к Анне Николаевне.

Бронетранспортер, потревожив задремавшую у себя под днищем тень, медленно тронулся с площади. «За Вороновым и Ритой»,— догадался прапорщик.

* * *

Воронов в оцепенении смотрел с обрыва на нетронутые крест и куртку, распластанную около них гадюку.

— Рита,— позвал он вначале негромко.— Ри-та!

— А-а,— равнодушно передразнило эхо.

Придерживая иссеченную осколками полевую сумку Шевлюги, старший лейтенант скатился вниз. Он пока понял одно: если бы за Ритой приземлился вертолет, крест и куртку сдуло бы ветром. А раз нет — то Рита или где-то здесь, или ее...

— Рита! — опять крикнул он.

— А-а-а,— уже с насмешкой отозвалось эхо.

Сергей бросился вдоль берега, и через несколько шагов наткнулся на припудренные гарью стрелянные гильзы. Склонился над ними, начал перебирать, надеясь найти хоть одну теплую. Но стреляли давно, может быть, даже сразу после его ухода.

— Рита-а! Ри-та-а!

Ничего в ответ, кроме эха. Гильзы были последними, что связывало с девушкой, и Сергей, не зная зачем, торопливо начал набивать ими карманы.

В это время и увидели его с другого берега Торопов и Назмутдинов.

— Рита у вас? — с отчаянием крикнул им Воронов.

Те недоуменно замерли, переглянулись и, ни слова не сказав, бросились к нему через реку. Поняв все, Воронов сел на валун и молча смотрел, как, высоко задирая ноги, перебегают реку Малик и десантник.

— Где Рита? — спросил Торопов, оглядываясь с тревогой по сторонам.

— Не знаю,— пожал плечами Сергей.

— Как не знаешь? Зачем ты ее с собой взял?

— Я не брал. Она сама.

— Так куда она исчезла? — пытался растормошить Воронова переводчик.

— Ее ранило в ногу. Она осталась вот здесь, на берегу.

— А ты?

— Побежал за проводником. Вот.— Он протянул сумку.

— Ты оставил ее раненую? — отстранился недоверчиво Малик, даже не взглянув на сумку. Разве можно сравнивать с ней человека!

— Она сама...— начал было Сергей, но усмехнулся: все Рита да Рита, а куда же смотрел и о чем думал он, офицер!

— Я приказал ей остаться здесь.— Воронов посмотрел на товарищей. Те поспешно отвели взгляды, и он опять опустил голову: на их месте он бы сам презирал кого угодно.

— Надо ее искать,— принял командование Торопов, видя, что Воронов не способен ни к чему, кроме отчаяния.— Хайдар, пулеметчика с Козырой — в бронетранспортер, остальных — сюда.

Прочесывать берег и кустарник начали вверх по реке, потом на всякий случай вниз. И чем чаще поглядывал на часы Торопов, тем беспокойнее становился Воронов. В простреленной на груди тельняшке, с исцарапанными о кустарник лицом и руками, он бросался то в одну, то в другую сторону. Его тянуло и вперед, в еще не проверенные места, и в то же время, не доверяя солдатам, обходил и их участки. И все оглядывался на крест из бинтов, словно там хранилась тайна исчезновения Риты.

— Все, пора возвращаться,— уже не глядя на часы, сказал Торопов.— Через тридцать минут отряд должен выйти из кишлака.

— Я остаюсь,— тут же отрезал Воронов и протянул переводчику сумку Шевлюги. Торопов понял, что его решение окончательное.

Малик в задумчивости осмотрел берег, сгрудившихся рядом солдат, Воронова. Лицо Сергея с темными кругами под глазами было черным, губы нервно подергивались. Торопов, почти наверняка зная, что Уляшев не одобрит его действий, кивнул десантникам:

— Все остаетесь здесь!

Не отвечая на благодарный взгляд Сергея, Малик вошел в воду. Перейдя реку, оглянулся. Воронов расставлял солдат перед зарослями, и в его движениях переводчик уловил прежнюю уверенность того старшего лейтенанта-орденоносца, что только пришел в отряд и вызвал уважение своей решительностью. Человек сугубо гражданский, два года назад и не помышлявший о воинской службе, да еще в Афганистане, Торопов с завистью относился к сверстникам из кадровых офицеров. Для них, казалось, не существует сомнений, когда дело касается долга. Видимо, это чувство руководило и Вороновым, когда он принял решение оставить Риту, а самому догонять предателя. И потому, что сам Малик в этой ситуации скорее всего не смог бы оставить раненого товарища, он с еще большей осторожностью прикрывал локтями от колючек сумку с возвращен-

ными списками партактивистов, хоть так выражая уважение к товарищу.

— В кишлак,— кивнул он Козыро, едва выбравшись из кустарника.

Семен, для лучшего обзора загнавший БТР на взгорок, снял машину с тормозов.

— Воронов есть, Рита пропала,— прокричал сквозь рев двигателя на немой вопрос ефрейтора Торопов.

БТР, кренясь одним боком к «зеленке», помчал в долину. Козыро железно придерживался правила не ездить дважды по одной колее, и старший лейтенант, веря в его нюх на мины, следил не за дорогой, а за кустарником. Неужели все-таки здесь прошли «духи» и наткнулись на Риту? Бросит Уляшев сюда на прочесывание отряд или все же важнее играть в кошки-мышки с бандой? Рита, Рита...

В зеленой ленте кустарника вдруг мелькнуло светлое пятно. Торопов высунулся из люка по грудь. И не поверил глазам: за бронетранспортером ковылял мальчик-пастух и махал руками.

Старший лейтенант дотянулся до люка механика-водителя, хлопнул Семена по шлему. Тот, сверкнув белками глаз, повернул зеленоватое от пыли лицо.

— Стой! — закричал ему Торопов.

Перепрыгнув с брони клубящуюся у машины пыль, он побежал навстречу мальчику.

— Командир, шурави ханум,— показал на заросли пастух, тяжело переводя дыхание.

— Рита? — схватил его за руку Торопов.

— Ханум, ханум,— закивал парень и потянул офицера за собой.

Сзади непрерывно засигналили, и старший лейтенант оглянулся. Козыро разворачивал бронетранспортер на «зеленку», пулеметчик показывал забытый офицером автомат. Напоминание было не лишним.

Рита, до подбородка укрытая старым, рваным платком пастуха, лежала под гранатовым деревом. Торопов пролез к ней под колючие, низкие ветви. Потрескавшиеся, припухшие губы девушки мелко подрагивали, вокруг прикрытых глаз темнели черные круги.

— Рита,— тихо позвал Малик, но девушка не шелохнулась. Не зная, что делать дальше, он оглянулся на при-

севшего рядом паренька, спросил по-афгански: — Где ты ее нашел?

Пастух, путая русские и афганские слова, кивнул назад:

— Я шел к овцам по берегу, она переходила реку. Упала. Я помог ей выйти сюда. Шурави хорош, дали бакшиш, я вам не враг. Бери ханум.

Торопов присел, осторожно поднял Риту. Веки ее дрогнули, но открыть она их не смогла и лишь еле слышно прошептала:

— Сережа...

Малик первый раз держал на руках раненого и из всего виденного и слышанного ранее помнил одно — их надо успокаивать.

— Все хорошо, Рита, все хорошо,— шептал он, стараясь осторожнее обойти торчащие сучья.— Сережа здесь, он рядом... А ты потерпи, потерпи, вот уже и дорога, вот и наши.

Козыро, увидев старшего лейтенанта с Ритой, осторожно, не поднимая пыли, подкатил БТР прямо к ним. Однако еще не успел открыть боковой люк, как Торопов, о чем-то вспомнив, посмотрел на часы и крикнул механику-водителю:

— Оранжевые дымы!

Козыро поднял голову вверх. Из-за гряды, словно застоявшиеся, вырвались две «вертушки». Над «зеленкой», опасаясь выстрелов, они резко взяли вверх, но продолжали держаться русла реки, словно хотели там что-то увидеть.

Торопясь, Козыро выхватил из кармашка за сиденьем сигнальный патрон, бросил его пулеметчику. Не теряя времени, разогнал машину на взгорок. Надо было не только обозначить посадку, но и помочь вертолетчикам отыскать безопасную площадку.

То ли от едкого дыма, пахнувшего в их сторону, то ли от неловкого движения Рита застонала.

— Быстрее,— крикнул Торопов вслед уносящему за собой оранжевый дым бронетранспортеру.

Не выдержав ожидания, понес Риту вслед за машиной. Сзади, нарастая, послышался рокот вертолета, и Малик обернулся, приподнял навстречу глазастым машинам девушку: «Да-да, посадку». Пастух замахал платком.

Вертолеты пошли на второй круг, но старший лейтенант уловил, что машины начали отрываться друг от друга: ведущий пошел вниз, а ведомый застрекотал, закружил наседкой вверху, прикрывая товарища. Торопов, удобнее

подхватывая Риту, заспешил к остановившемуся бронетранспортеру.

— Ну вот и все, вот и все,— стараясь не смотреть на пожелтевшее лицо медсестры, продолжал успокаивать ее и себя переводчик,— теперь выживем, обязательно выживем.

Вихрь от винтов сорвал у него шапку, ударил по лицу, связал ноги. У Риты заметались по лицу волосы, но руки у Малика были заняты, и он не мог поправить их, отбросить с глаз. Подскочил Козыро, и они вдвоем, заслоняя спинами Риту от ветра, понесли ее к вертолету.

Пока бортмеханик оттаскивал притороченный к проему двери пулемет, подбежал с раскрытой сумой пастух. На ходу копаясь в ней, вытащил банку сгущенки, в нерешительности повертел ее и положил на грудь девушке. «Чернявский дурак»,— прочел на обертке шутливую надпись Петрова переводчик и взглянул на паренька.

— Бакшиш,— прокричал тот.— Шурави хорошо.

— Давай,— крикнул сверху бортмеханик, протягивая руки.

Старший лейтенант и Козыро подняли Риту, всунули ее в дверь. Малик хотел в последний раз взглянуть в лицо девушки, но вертолет в ту же секунду оторвался от земли, боком пошел от «зеленки», затем вверх и, дождавшись ведомого, устремился к гряде, из-за которой они только что вылетели.

* * *

«Неужели этот день когда-нибудь кончится?» — нервно тер затылок Уляшев, провожая взглядом вертолеты. До возвращения Торопова о неожиданной посадке «вертушек» можно было гадать что угодно, поэтому майор старался вообще ни о чем не думать. Но предположения одно нелепее другого вертелись в мыслях: «Убит Воронов? Ранена Рита? Ранены или убиты оба? А может, подрыв машины?..»

— Товарищ майор,— Старчук указал глазами на улочку, и командир внутренне вздрогнул: к площади шел косматый. Не сдержавшись, Уляшев посмотрел на часы. Нет, он не ошибся: душман шел на перевязку на сорок минут раньше. Главарь поторапливает с уходом?

— Заканчивайте,— обернулся командир к прапорщику.

Старчук, до этого осматривающий каждый коробок спичек и кусок мыла, подозвал Петрова, и они заработали в четыре руки, нагибаясь все ниже и ниже в коробки. Подбирал последние зерна с брезента и аксакал, отмерявший рис. Но на площади все словно оцепенели от страха. И Уляшев, глядя на уверенную походку косматого, на руку, засунутую в карман несколько глубже, чем в первый раз, почувствовал, что косматый идет хозяином, идет властвовать, а не подчиняться. Выбить его из колеи могла лишь новая неожиданность, совершенно непохожая на первую.

Бандит уже входил на площадь, и майор начал лихорадочно искать какой-нибудь ход против него.

— Эй, дуст[1],— вдруг вскинул в приветствии руку Старчук и вышел навстречу косматому.— Прикурить не найдется? Спичек, спрашиваю, нет? Ну, спички, прикурить сигарету...

Прапорщик нес совершенную ахинею: позади у него оставалось еще пол-ящика спичек, но он говорил и говорил, не давая косматому ни оборвать себя, ни обойти. И именно этого душман, видимо, не ожидал: он готовился к схватке с командиром, первые жест, взгляд, слово принадлежали ему, и никак не прапорщику.

«Отлично, Витя, умница,— порадовался Уляшев.— Ты сейчас не просто прикуриваешь — ты ставишь точку в нашей работе. А вот и бронетранспортер Малика. Все!»

Уляшев впервые за сегодняшние сутки вздохнул глубоко-глубоко, до приятной боли в груди. Сегодня была не просто агитация — она была в окружении врага, и тот ничего не смог с этим поделать. Значит, враг слабее, и это поняли наверняка все. Предотвращено нападение на афганских товарищей, спасены чьи-то жизни — разве это не высшая доблесть солдата! Мы уклонились от боя — но это настоящая победа. А банде теперь не скрыться и не уйти. И не только от подразделений Народных вооруженных сил, но и от раздумий о дне завтрашнем. Как не вычеркнуть теперь из сознания жителей долины бесплатный рис, молитву Малика. И может, вспомнит вдруг при выборе пути мальчонка-пастух подарки десантников, ощутят вкус витаминок другие дети. Ведь невидимая борьба с главарем банды на этой площади шла именно за детей, за будущее республики.

Не обращая больше внимания на косматого, Уляшев

[1] Дуст — друг.

вышел на середину площади, аккуратно заправился и громко скомандовал:

— Закончить работу. Приготовиться к движению.

* * *

...Костер затухал. Язычки пламени, боясь остаться один на один с ночью, торопливо прятались в трещины головешек. Первое время среди них находились смельчаки, они выскакивали из затаившегося жара в темноту, секунду-другую выплясывали на углях свой огненный танец. Но силы уже были слишком неравны.

— Значит, мы так и не увиделись, сынок. Прощай!

Сережа, застонав от боли, приподнялся на руках. И занемел от страха: только что вокруг костра сидели люди, протягивала руки мама — и вдруг все исчезло. И уже словно не пламя пряталось от ночи, а люди от него, оставив глупцом-несмышленышем плясать свой танец в густой темноте.

— Мама,— тихо, не желая сразу разувериться в одиночестве, позвал Сергей.

Из углей треснуло винтовочным выстрелом, затем с резким воем пролетела мина...

Выла самолетная сирена. Воронов, сбрасывая дремоту, повернулся к иллюминатору.

— Граница,— радостно сказал сосед, не отрываясь от оконца.— Дома!

Старший лейтенант откинулся на жесткую спинку сиденья, устроил поудобнее ноги среди наставленных в проходе чемоданов.

— Чего не рад? — толкнул локтем сосед.

Воронов, не отвечая, прикрыл глаза. В памяти сразу всплыли события последних дней...

«Хочу вам верить, Воронов, но мы обязаны еще раз все проверить,— начальник штаба части, чтобы не смотреть на подчиненного, сидел за столом вполоборота.— Поймите, вы оставили раненых — афганца и медсестру. Исчез ваш автомат».— «Но если спросить у Риты...» — «У Маргариты Робертовны мы спросим, как только узнаем, куда она попала на лечение. Вы же, по решению командования, возвращаетесь в Союз, к новому месту службы».— «Значит, мне не верите? Значит, я поступал неправильно?»

Начштаба впервые пристально посмотрел на Воронова.

«Вы боевой офицер, старший лейтенант. И, если честно,

лично я не знаю, как бы поступил на вашем месте. В Афганистане трудно не только физически, здесь особые отношения между людьми, другие оценки наших поступков. Все намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Но послушайте совет старшего — не горячиться. Ваше отношение к службе на новом месте определит и отношение коллектива к вам, и дальнейший служебный рост...» — «Товарищ подполковник,— решился вдруг Воронов, уловив в голосе начштаба некоторую симпатию к себе,— разрешите просьбу. Личную. Как офицер к офицеру».

Начштаба кивнул сразу, хотя было ясно, что после этого он должник старшему лейтенанту.

«Товарищ подполковник, разрешите прочитать рапорт командира отряда. Как его заместитель»,— поспешил добавить он, облегчая старшему офицеру принять решение.

Подполковник внимательно посмотрел на Воронова, медленно достал связку ключей, безошибочно воткнул один в скважину сейфа. Затем уже решительно подтолкнул дверь коленом, распахнул ее, подал старшему лейтенанту зеленую папку.

Воронов быстро пробежал глазами текст.

«Я хочу глубже прояснить два момента,— сказал он, перевернув последний лист. Боясь отказа, поспешно произнес: — Здесь две неточности. Первая — Рита... Маргарита Робертовна не говорила категорически, что афганец умер. Она сказала: «Кажется, умер». После этого я приказал оставить его и трогаться дальше. Второе — свой автомат лично в руки медсестре я не отдавал. Я положил его рядом с ней. Поэтому за утерю автомата отвечаю один я».

Начштаба взял папку, посмотрел на рапорт Уляшева.

«Вы ведь понимаете, что ваши слова не будут идти в вашу пользу».— «Но правда не должна идти и во вред».

Подполковник неопределенно поднял брови и подал Сергею лист бумаги.

«Пишите...»

— Ты назад без возврата? — сосед-танкист все не мог успокоиться и вновь тронул локтем Воронова.— А все же жалко улетать. Как там ребята без меня...

Он не спрашивал, не требовал ответа — он разговаривал со своим прошлым уже из будущего, и Воронов позавидовал танкисту.

«Я доложил все, как было.— Уляшев в отличие от начштаба взгляда не отводил. Он даже встал из-за стола, чтобы не смотреть на Воронова снизу вверх.— Но думаю, что

выполнение отрядом общей задачи и, в частности, возвращение тобой списков партактивистов покроют...» — «Что покроют? — не сдержавшись, перебил старший лейтенант. Котенок, испугавшись его выкрика, прошмыгнул между офицерами от печки к кровати, улегся рядом с нераспечатанными письмами для Риты.— Что покроют? — шагнул к командиру Сергей, специально переступив ту черту, где пробежала между ними кошка.— Вы, как командир, должны не просто описать обстановку и ситуацию, а дать им оценку. Почему вы этого не сделали в итоговом донесении?» — «Оценку даст командование части».— «Оно уже дало!» — Воронов хотел вытащить из кармана предписание к новому месту службы, но сдержался: командование ведь здесь ни при чем. Как начштаба не знает, что бы делал на его месте, так и он не уверен, был бы благосклонен к офицеру, оставившему раненых и потерявшему личное оружие. Поэтому, махнув рукой, развернулся и шагнул к выходу. В дверях столкнулся с прапорщиком, Старчук поспешно уступил ему дорогу...

— Куда назначение-то? — не унимался сосед-капитан.— Мне Московский военный округ, взяли в столицу. К ней-то хоть привыкнуть можно, не знаешь?

— Все привыкают,— ответил Воронов.— Мне в Прибалтику...

«Я верил в тебя всегда и верю сейчас,— бывший комроты, пришедший на аэродром проводить Воронова, крепко сжал ему руку.— Отыщется Рита в Союзе — и тогда узнаем об автомате. Я все же думаю, что она просто утопила или потеряла его в реке. Найдем. Удачи тебе». «Старший лейтенант Воронов Сергей Николаевич»,— прочитал в списке на посадку стоящий на рампе самолета комендант аэропорта.

Сергей вытащил загранпаспорт, открыл его на визе «Возвращается в СССР», показал коменданту. Тот освободил ему дорогу, и Воронов шагнул в Ил. Место у иллюминатора еще было свободным, и он поспешил сесть около него. Отсюда была видна крайняя палатка их городка, и сердце вдруг кольнуло. Почему именно ему выпала такая участь? Почему зачеркнуто все то, что было до этого агитрейса? Почему нет радости от скорой встречи с домом и даже с Ритой?

Из-за палатки выскочил бронетранспортер и на всем ходу направился к воротам в ограждении аэропорта. Видимо, кто-то опаздывал к самолету.

«Разреши рядом,— около Воронова остановился капитан-танкист. Он по-хозяйски устроился с другой стороны окошка. Уважительно оглядел салон.— Да, это не танк»

Вступать в разговор Сергею не хотелось, и он отвернулся к иллюминатору. И не поверил: от бронетранспортера к самолету бежал Старчук. В руке он держал конверт. И Воронов понял, что это ему. От Риты? Отыскалась?

Сергей подхватился, спотыкаясь о чемоданы и узлы, бросился к рампе.

«Нельзя,— остановил его комендант.— Посадка закончена, назад. Назад, это граница, товарищ старший лейтенант».— «Мне взять письмо»,— показал Воронов на бегущего десантника, но самолет качнуло, рампа начала подниматься вверх.

Комендант в последний раз окинул взглядом отлетающих и спрыгнул на бетонку. Воронов, торопясь, протиснулся назад к иллюминатору. Старчук, поняв, что опоздал, остановился посреди аэродрома и махал конвертом...

— Слушай, а ведь приземляемся, а? — Капитан повернулся к Воронову, подмигнул. Потом схватился за чемодан, словно через минуту могла последовать команда на выход.— Приземляемся!

В салоне зашевелились, задвигали чемоданами. И только Воронов по-прежнему сидел, откинувшись на спинку сиденья. Лишь когда самолет встряхнуло при касании с бетонкой, Сергей резко выпрямился, поправил мундир и дружелюбно посмотрел на соседа.

— Жизнь-то продолжается, а, капитан?

Танкист удивленно посмотрел на Воронова, но кивнул охотно:

— А куда она денется, если мы остались живы на этом свете. Поживем — послужим.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Федорович Иванов

РАССВЕТЫ САУРА

Повести

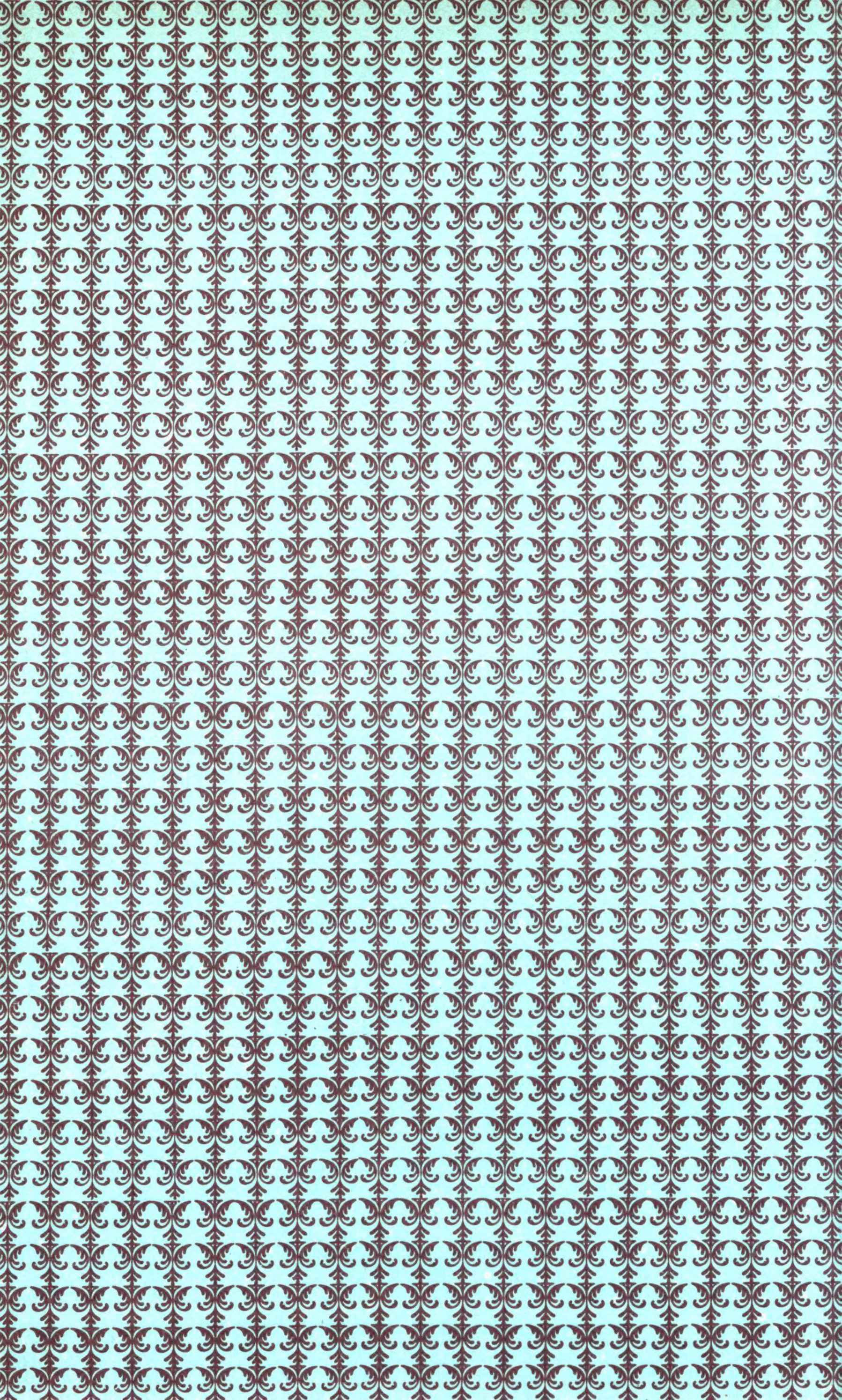
Редактор **Л. Степаненко**
Художественный редактор **А. Никулин**
Технический редактор **В. Тушева**
Корректоры **М. Курносенкова, Г. Голубкова**

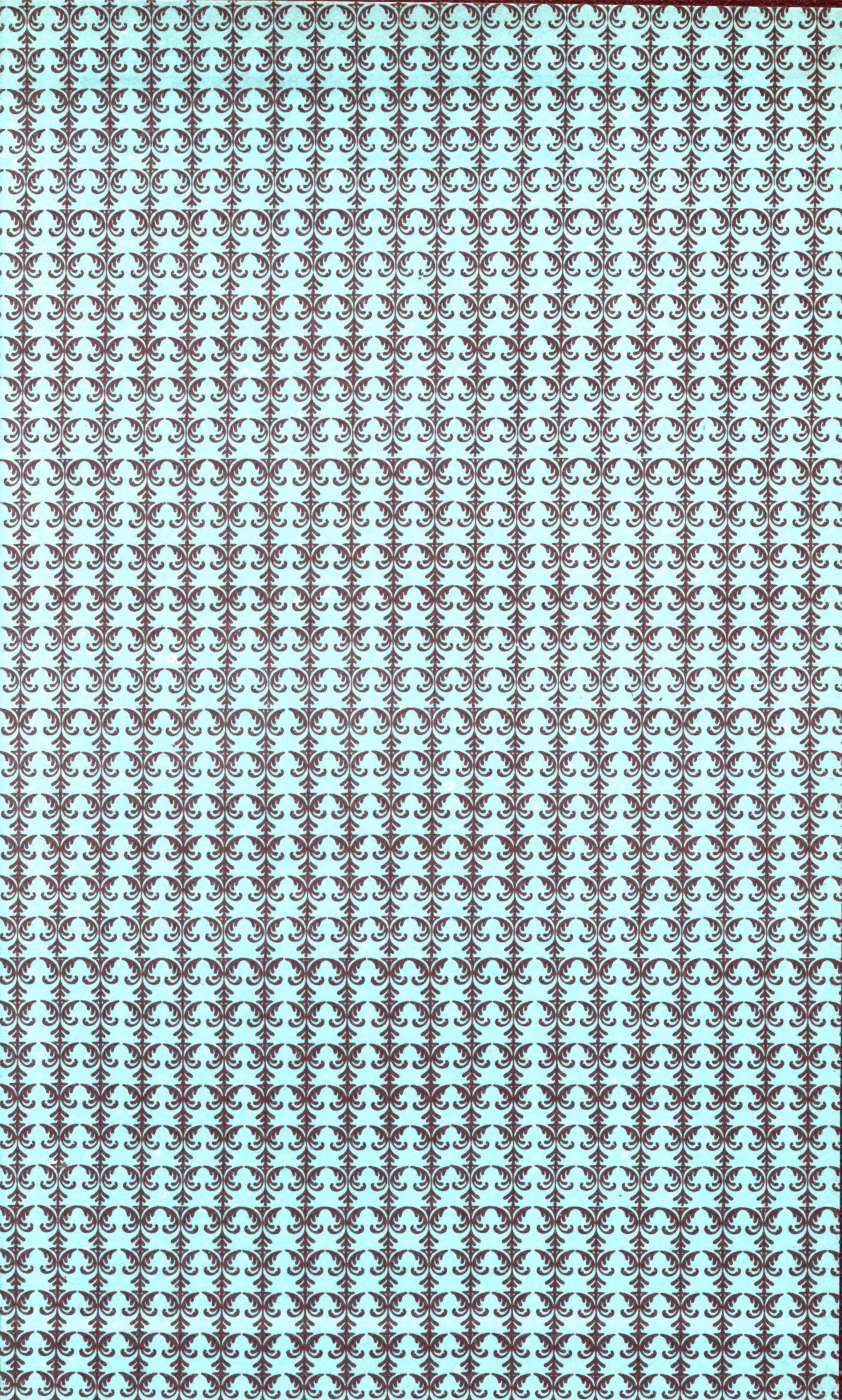
ИБ № 5038

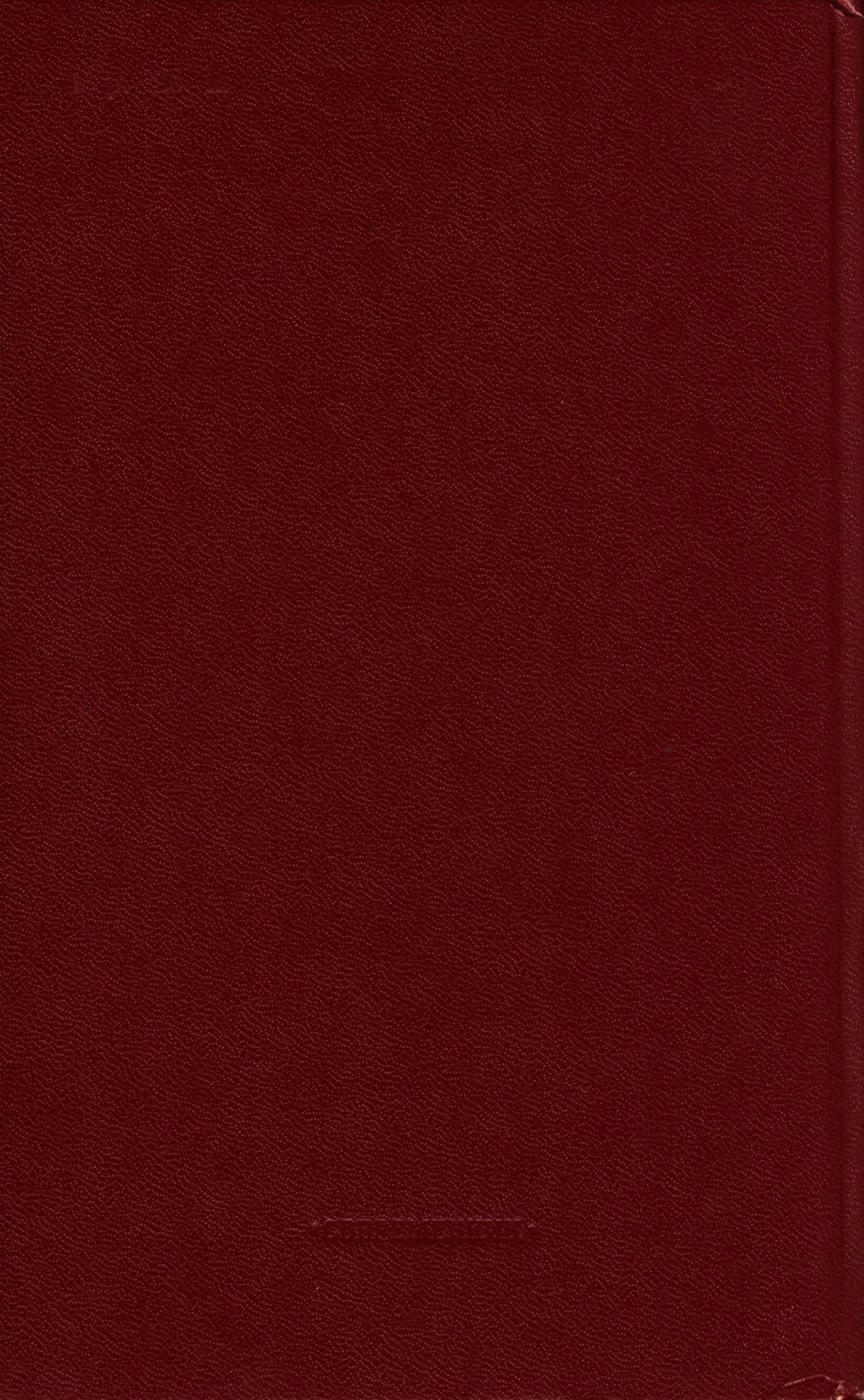
Сдано в набор 18.12.86. Подписано к печати 12.03.87. А07559. Формат 84х108 1/32. Гарнитура литер. Печать высокая. Бумага тип. № 2 кн.-журн. Усл. печ. л. 12,6. Усл. краск.-отт. 13,02. Уч.-изд. л. 13,78. Тираж 50 000 экз. Заказ 331. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Росполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
445043, Тольятти, Южное шоссе, 30

Николай Иванов РАССВЕТЫ САУРА